

Б.А.РЫБАКОВ

**ГЕРОДОТОВА
СКИФИЯ**

Борис Александрович РЫБАКОВ

ГЕРОДОТОВА СКИФИЯ

ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

АНОНС

В книге анализируются данные греческого географа и историка Геродота (V в. до н.э.) о племенах, живших в Восточной Европе в I тысячелетии до н.э. На основе новейших археологических данных известный советский ученый академик Б.А.Рыбаков подтверждает достоверность сообщений Геродота или их пересматривает, устанавливает маршрут путешествия греческого географа, раскрывает содержание легенд, записанных Геродотом, восстанавливает маршрут похода Дария Гистаспа в Скифию. На основе новейших археологических открытий составлена этногеографическая карта Скифии.

М., Издательство «Наука», 1979 - 146 с.

ВВЕДЕНИЕ

Геродот Галикарнасец родился незадолго до Персидских войн и прожил до Пелопоннесской войны.

Содержание его книги обширно и блестяще. Его цель состояла не в том, чтобы написать историю какого-нибудь одного города или племени — он хочет в одном сочинении описать многочисленные и разнообразные события из жизни Европы и Азии.

Дионисий Галикарнасский

После полувековых разрушительных греко-персидских воин, во время которых многотысячные армии азиатской деспотии многократно вторгались в богатые греческие земли, в Афинах, в главном городе победителей, отстоявших свободу Эллады, ощущался большой национальный подъем. Демократические реформы стратега Перикла, трагедии Эсхила, Еврипида, Софокла, скульптуры Фидия, смелая философия Анаксагора, архитектурные замыслы Иктина и Гипподама — все это проявления того расцвета, который знаменовал собой преодоление тревог и опасностей изнурительной повсеместной войны. Сразу же после заключения мира с персами создаются два бессмертных произведения: Парфенон и «История» Геродота. Оба они символичны: постройка Парфенона, начатая в 447 г., должна была загладить следы разрушения афинского акрополя персами в 480 г., а «История» Геродота — рассказать о борьбе с персами.

Геродот прибыл в Афины в том же 447 г. (совершив уже большую часть изыскательских путешествий) и приступил к своим знаменитым публичным чтениям по истории только что прекращенных греко-персидских войн. Пока строился Парфенон, Геродот литературно оформлял свой монументальный труд, разделенный потом на девять книг по числу муз. Афиняне, согласно молве, отметили труд историка небывало щедрой наградой, дав ему в дар 10 талантов серебра.

Историк того времени не располагал, подобно современным нам историкам, архивами, не искал письменных документов, не изучал хроники событий; ему самому приходилось эти документы впервые создавать, впервые заносить на папирус и пергамен услышанные им рассказы о событиях. Для того, чтобы добросовестно осветить события, происходившие во всех концах греческого, персидского и египетского мира, историку можно было объездить эти пространства, найти очевидцев расспросить их и записать их рассказы; это и называлось — история.

Около десятка лет (примерно 455–445 гг.) Геродот посвятил тяжкому труду путешественника. Он объездил Эгейское море, побывал во многих городах континентальной Греции, был в Персии, Египте, Италии, Македонии, Скифии. Пределы его путешествий очерчиваются на карте Старого Света гигантским четырехугольником: Элефантина на Ниле — Фурии в Южной Италии (2300 км); Фурии — Синдика у Керченского пролива (2000 км); Синдика — Вавилон (1600 км); Вавилон — Элефантина (1500 км).

В записи Геродота вошли исторические сведения, легенды, эпические сказания, этнографические наблюдения, живые личные впечатления путешественника, сопоставляющего виденное в разных землях. Этот огромный фонд, собранный две с половиной тысячи лет тому назад, представляет непреходящую ценность. Напрасно Фукидид упрекал Геродота (не называя, впрочем, его по имени), говоря: «Я не считал своей задачей записывать то, что узнавал от первого встречного...» Геродот же следовал другому принципу: «Я обязан сообщать все, что мне говорят, но верить всему не обязан» и весьма добросовестно расставлял в своем труде коэффициенты достоверности, то явно сомневаясь в рассказанном ему, то слегка настораживая читателя, то удостоверяя правдивость записанного им.

Для истории нашей родины наибольший интерес представляет четвертая книга труда Геродота («Мельпомена»), посвященная походу персидского царя Дария I Гистаспа в Скифию. Здесь описаны реки и природа Скифии, обычаи скифов, соседние с ними племена и сообщены интереснейшие сведения о походе Дария, существенно отличающиеся от позднейшей версии Ктесия.

Вероятно, для установления истины в противоречивых воспоминаниях об этом походе и было предпринято Геродотом одно из его последних путешествий — поездка к северным берегам Черного моря.

Покорив Вавилон и ощущив себя владыкой Азии, царь Дарий двинул в 512 г. семисоттысячное войско из Суз к берегам Черного моря; через три месяца царь должен был достигнуть Босфора. Переправившись из Азии в Европу, персы вторглись во Фракию, проделали путь до Дуная (около 600 км) и, перейдя Дунай, начали свой неудачный скифский поход (примерно такого же протяжения), закончившийся где-то на северном берегу Азовского моря.

Если Геродот хотел узнать правду о скифском походе Дария, являвшемся интродукцией к греко-персидским войнам, и познакомить своих читателей со злоключениями царя, побеждавшего греков, то он должен был пойти по следам Дария и выяснить все подробности поражения персов. Поступил ли так «отец истории», мы увидим в дальнейшем. Геродот предпринял путешествие спустя 60–70 лет после скифского похода Дария. Ему могли встретиться престарелые очевидцы событий, многое могли рассказать сыновья очевидцев, но следует учитывать, что к этому времени успели уже создаться легенды, оформиться эпические циклы о победе скифских царей над Дарием, а это все вносило в его записи фольклорный элемент, который потомки могли поставить ему в вину.

* * *

Современники восторженно встретили труд Геродота, путешественника и изыскателя, историка и в некоторой мере политика. Софокл написал оду в честь Геродота; «Следы его влияния, — отмечает С.Я.Лурье, — сохранились в пьесах Софокла, Еврипида, Аристофана»¹. В 445 г. «Геродот был почен Советом афинян за то, что прочел им свои книги»². Геродот был близок к Периклу, Протагору. Он был одним из организаторов колонии в Фуриях в Южной Италии (443 г.), где, возможно, и оформилась окончательно его «История».

Однако обилие разнородного материала, собранного во время далеких разъездов, свободное, легкое изложение, использование преданий и легенд — все это давало пищу для критики и сомнений. Фукидид был первым, бросившим упрек в отсутствии должной строгости. Проявил скепсис и Аристотель. Плутарх, написавший трактат «О злокозненности Геродота», обвинял его (через пятьсот лет после его смерти) в искажении истины, но все это относилось к тем расправам между различными греческими городами во время нашествия персов, в которых Геродот твердо стоял на стороне Афин, а Плутарх был беотийцем. Скифской четвертой книги Геродота Плутарх не коснулся вовсе.

В XIX — XX вв., когда непонимание источника нередко прикрывалось высокомерным гиперкритицизмом, на Геродота нередко обрушивались, обвиняя его не столько в политической тенденциозности, сколько в путанице, недобросовестности, излишнем доверии к своим информаторам и даже в плагиате у неизвестных авторов.

В 1883 г., почти буквально повторяя Плутарха, против Геродота выступил английский ориенталист А.Сейс³, но получил весьма решительный отпор от крупного знатока и перевода Геродота киевского профессора Ф.Г.Мищенко⁴. «Географические, топографические, исторические и особенно бытовые известия Геродота о Скифии и скифах, — писал Мищенко, — по справедливости считаются драгоценными и по достоинству должны быть признаны единственными для своего времени»⁵.

Другим примером недоверчивости к данным Геродота может служить отношение исследователей к его рассказу о походе Дария в 512 г. Р.Генниг, суммируя мнения Мюлленгофа (1870 г.), Эберта (1921), Мейера (1923), приходит к выводу, что «сообщение о персидском

¹ Лурье С.Я. Геродот. Л., 1947, с. 19.

² Там же.

³ Sayce A.H. The ancient Empires of the East, London, 1883.

⁴ Мищенко Ф.Г. Был ли Геродот в пределах Южной России? — Киевская Старина, 1886, т. XV, май, с. 349–355.

⁵ Там же, с. 352. Более детально и глубоко Ф.Г.Мищенко касается источниковедческих вопросов в статьях: «К вопросу об источниках и о добросовестности Геродота» (Журнал Министерства народного просвещения, 1888, июль, с. 165–175), направленной против Гуго Пановского, писавшего в духе Плутарха; «Не в меру строгий суд над Геродотом», помещенной во втором томе перевода «Истории» Геродота (М., 1888).

походе в страну скифов полно явных небылиц. Повествование Геродота как с точки зрения стратегической, так и географической порой совершенно бессмысленно⁶. К достоверности рассказа о походе 512 г. я вернусь в специальном разделе.

Изучение скифов и их соседей, описанных Геродотом, в настоящее время продвинулось настолько далеко, так много новых археологических фактов открыто в разных концах геродотовой Скифии, что многие старые мнения и запоздалые рецидивы скепсиса иногда кажутся наивными.

Сводку всех работ и мнений по скифскому вопросу за XIX и первую половину XX в. сделал в своей книге С.А.Семенов-Зусер⁷. Западную науку познакомили со скифами М.И.Ростовцев и Эллис Миннс⁸.

Накопление новых материалов не означает того, что все спорные вопросы геродотоведения разрешаются сами собой. Наоборот, обилие новых данных ставит ряд новых, не возникавших ранее загадок, требует пересмотра старых мнений.

Состояние проблем скифоведения на 1952 год осветила Н.Н.Погребова⁹. Наиболее свежая и полная советская и зарубежная библиография по разным вопросам скифоведения на рубеже третьей и четвертой четвертей XX в. приведена в работе А. М.Хазанова¹⁰. Эта книга написана А. М.Хазановым без пересмотра историко-географических данных Геродота, и автор ее довольствуется теми усредненными представлениями, которые существуют в науке наших дней. А в этих представлениях, как будет показано ниже, содержится много разноречий (а следовательно, и ошибок), проистекающих то от недоверия к Геродоту, то от непонимания его, то от желания использовать авторитет «отца истории» для подкрепления гипотез, возникших за пределами круга геродотовских сведений. Не подлежит сомнению, что понять скифское общество, его историю, его этнический склад, хозяйственную и социальную структуру, взаимодействие племен между собой и многие другие важные вопросы возможно лишь после того, как станет достаточно ясной география Скифии, над изложением которой для своих современников так потрудился Геродот.

Мне представляется целесообразным заново пересмотреть всю географическую часть четвертой книги Геродота, т.к. к настоящему времени не только накоплен массовый археологический материал, допускающий широкое картографирование, но он надлежащим образом систематизирован и изучен трудами многих советских ученых, из числа которых следует назвать Б.Н.Гракова, А.И.Тереножкина, В.А.Ильинскую, О.Н.Мельниковскую и А.И.Мелюкову¹¹.

Предпринимать в настоящее время какой-либо пересмотр *общей картины Скифии* по Геродоту без учета археологического материала невозможно. Последняя, известная мне, подобная попытка обойтись без археологического материала была сделана чехословацким ученым Яном Збожилом в 1955 г. и издана посмертно¹². Автор, судя по его итоговой карте, сделал шаг назад по сравнению со своими предшественниками.

В геродотовой «Мельпомене» содержится свыше десятка темных, неясных мест, мешающих правильному восприятию записей историка. В задачу этой книги входит сопоставление геродотовских сведений с археологической картой и посильный анализ геродотовских рассказов с географической и этнической стороны. Анализ производился под девизом: «Прежде чем упрекнуть Геродота, постарайся понять его».

⁶ Hennig R. Terra incognitae. Leiden, 1944. (Рус. пер.: «Неведомые земли». М., 1961, с. 145–147). Редактор перевода молчаливо присоединился к взгляду Геннинга, обусловленному лишь слабой источниковедческой разработкой данного вопроса.

⁷ Семенов-Зусер С.А. Скифская проблема в отечественной науке. Харьков, 1947.

⁸ Minns Ellis. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913; Rostovtzeff M. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922.

⁹ Погребова Н.Н. Состояние проблем скифо-сарматской археологии к 1952 г. — В кн.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954.

¹⁰ Хаданов А. М. Социальная история скифов. М., 1975. Библиографию см. на с. 285–313.

¹¹ См.: Тереножкин О.И., Ильинская В.А. Скифский период. — В кн.: Археологія УРСР, т.ІІ. Київ, 1971, с. 8–184; Ильинская В.А. Скифы днепровского лесостепного Левобережья. Киев, 1968; Мельниковская О.Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке М., 1967; Граков Б.Н. и Милюкова А.И. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время. — В кн.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954, с. 39–93.

¹² Zbožil Jan. Herodotova Skythie a sousedé. — Slovenská Archeologia (Bratislava), 1959, VII–2, s. 363–421.

Попытки перенесения сообщений Геродота о Скифии на современную географическую карту делались начиная с эпохи Ренессанса. Одной из первых является карта Абрагама Ортелия «Pontus Euxinus», изданная в 1590 г., где объединены данные Геродота, Клавдия Птолемея, Плиния, Страбона и даже авторов VI в. н.э. Для своего времени эта карта-реконструкция сделана вполне грамотно.

За четыре столетия накопились многие десятки карт, на которых исследователи стремились воспроизвести географические и этнографические представления Геродота. К сожалению, далеко не всегда сведения Геродота рассматривались в целостной, взаимосвязанной системе. В тех случаях, когда автор придерживался системы и рассматривал все племена в совокупности, результат получался интересный и устойчивый. В качестве примера могу привести карту из известного атласа И.Потоцкого, изданного еще в 1823 г.¹³ Ко многим отождествлениям этой карты, отброшенным в свое время наукой, нам теперь, после полутораста лет, придется вернуться; составитель ее был еще свободен от сковывающего воздействия традиций и размышлял без предвзятых идей¹⁴.

К тяжелым последствиям приводили разыскания, посвященные какому-либо отдельному вопросу, искусственно изолированному от общего взгляда на географическую концепцию Геродота. Примером может служить определение местоположения племени будинов. В геродотовском тексте есть некоторые противоречия и неясности (IV, §§ 21, 22, 105, 108, 109, 123)¹⁵, отчасти оправдывающие разноречияcommentаторов. Однако вместо разъяснения темных мест, тщательного анализа текста, рассмотрения ошибок Геродота и причин его ошибок исследователи нередко брали какой-то один признак или одно из пониманий геродотовского признака и позволяли своей фантазии размещать злосчастных будинов в самых различных местах Центральной и Восточной Европы.

Будинов размещали то в Среднем Приднепровье, как на левом, так и на правом берегу Днепра, то отодвигали их в Белоруссию и к берегам Балтийского моря, то помещали в Пруссии или около озера Ильмень¹⁶. Иногда будинов отодвигали на восток к Курску или к Воронежу, а иногда еще дальше — к Саратову. Ф.Браун, говоря о будинах, утверждал, что их потомки переселились ни много ни мало как «в Архангельскую тундру»¹⁷. Один и тот же автор то относил будинов к отдаленнейшим племенам, жившим в таежной зоне «к северу от р. Камы и до р. Вятки»¹⁸, то помещал их в самых низовьях Волги в прикаспийской солончаковой пустыне¹⁹. Нисколько не смущаясь тем, что Геродот дважды говорил о лесном характере земли будинов, исследователи, проявляя полное неуважение к Геродоту, размещали будинов в Калмыцкой степи у берегов Каспия, но уже на запад от дельты Волги, а не на восток, как Ельницкий²⁰. Западный предел размещения будинов указывали то в районе Житомира, то значительно дальше — в Галиции, т.е. в Прикарпатье.

¹³ Потоцкий Иван. Археологический атлас Европейской России. СПб., 1823. Карта первая «География Иродота за 440 лет до Р.Х.». Слово «археологический» употреблено здесь как синоним древности. Археология в нашем смысле здесь не отражена и не могла еще быть отраженной.

¹⁴ Надеждин Н. Геродотова Скифия. Объяснения через сличение с местностями. — В кн.: Зап. Одесск. о-ва истории и древностей, т. 1. Одесса, 1844: Брун Ф. Опыт согласования противоположных мнений о Геродотовой Скифии. — В кн.: Черноморье, ч. II. Одесса, 1880: Мищенко Ф.Г. Геродот. 2-е изд., т. 1. М., 1888. Карта Скифии на с. 302–304 близка к карте Потоцкого. Здесь еще не появилось стремление размещать скифов-земледельцев в устье Днепра.

¹⁵ Далее ссылки на кн. IV «Истории» Геродота даются в тексте только с указанием на параграфы.

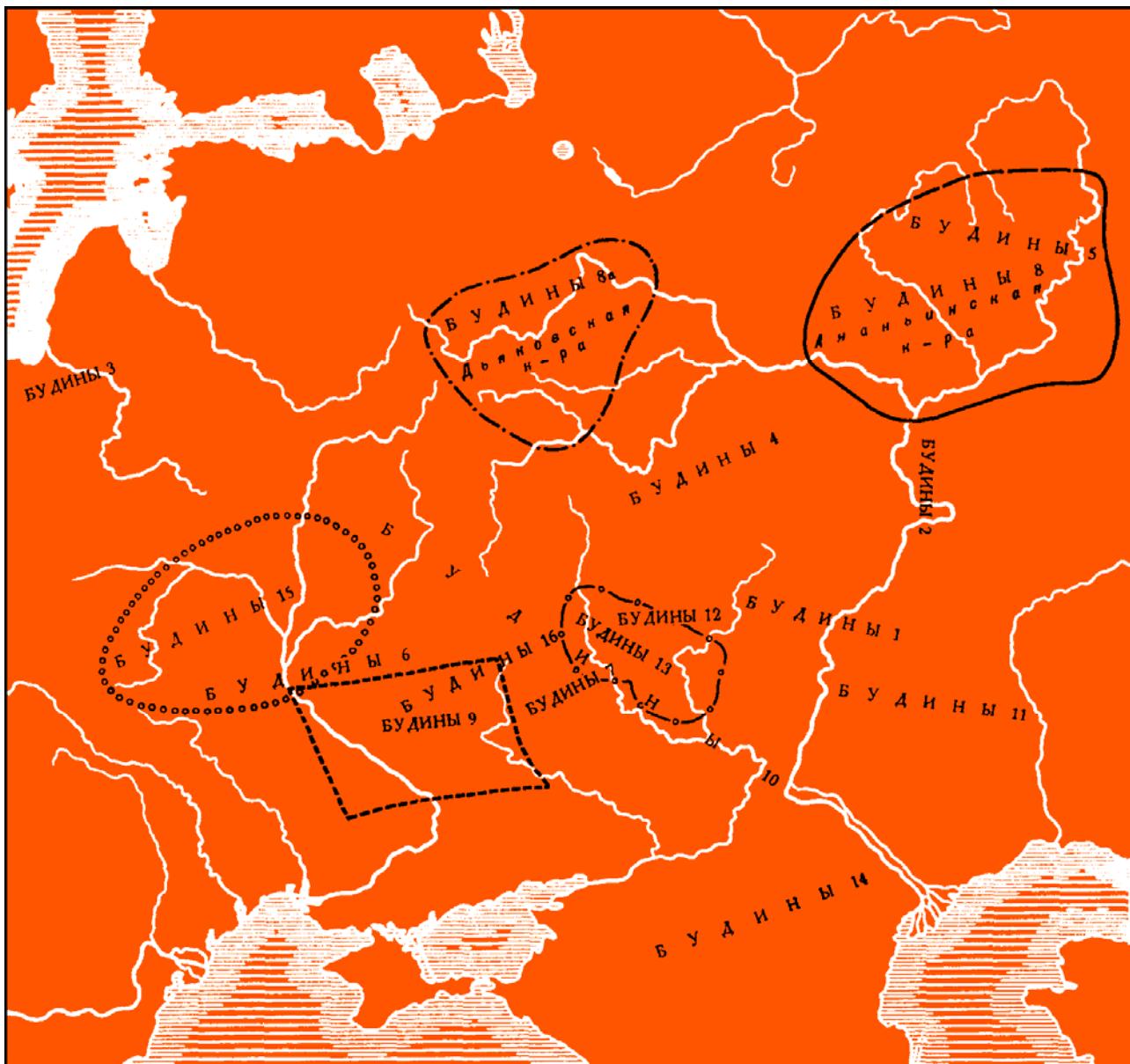
¹⁶ Семенкович В.Н. Гелоны и мордва. — В кн.: Зап. Моск. археологич. ин-та, 1913, т. XXVII, с. 32, 34, 44, 141.

¹⁷ Браун Ф. Разыскания в области гото-славянских отношений, 1. Готы и их соседи до V века. СПб., 1899, с. 87.

¹⁸ Вестник древней истории (далее — ВДИ), 1947, №2, с. 263. Об авторе комментария см.: ВДИ, 1947, №1, с. 262.

¹⁹ Ельницкий Л.А. Знания древних о северных странах. М., 1961, с. 75 (карта). «Те черты их (будинов) культуры и обычаяев, — пишет Л.А.Ельницкий, — которые приводит Геродот, — греческий язык и городской образ жизни — свидетельствуют о том, что речь идет о племени, находящемся в сфере влияния эллинской цивилизации» (там же, с. 72). Какую «эллинскую цивилизацию» нашел Ельницкий в бесплодных песках бывших земель Букеевской киргизской орды, неизвестно!

²⁰ Ганіна О.Д. Античні бронзи з Піщаного. Київ, 1970.

Размещение будинов различными исследователями

Карта, которая отражает различные мнения о местоположении будинов, производит удручающее впечатление; она свидетельствует о том, что авторы, заставляющие обитать будинов в тундре, Пруссии, прикаспийской пустыне, руководствуются *не системой* взглядов Геродота, а какими-то случайными признаками, вырванными из контекста и сильно обработанными бесконтрольным воображением.

* * *

Четыре столетия историки переносили сведения Геродота на карты своего времени, основываясь только на его тексте и собственном понимании этого текста.

С появлением массового археологического материала, давшего карту курганов и поселений, бытовой инвентарь, оружие и великолепные изображения скифов, изготовленные греческими торевтами, карта, раскрывающая сумму знаний Геродота, могла быть построена только с опорой на археологию.

Каждый археолог-скифолог, разрабатывающий скифскую проблему в целом, создавал карту размещения геродотовых племен. Однако оказалось, что карты крупнейших скифоведов не только не обнаруживают единства, но и значительно отличаются друг от друга. Примером существенных расхождений, приводящих к взаимопогашению гипотез разных авторов, может служить сопоставление шести карт Скифии по Геродоту: М.И.Артамонова

(1949), А.П.Смирнова (1966), Б.Н.Гракова (1947 и 1971), А.И.Тереножкина (1961), А.И.Тереножкина и В.А.Ильинской (1971)²¹.

Расходятся между собой даже карты одного и того же автора, составленные в разное время. Размещение одного и того же племени колеблется иной раз в диапазоне 200–800 км и приурочивается к разным ландшафтным зонам.

Принять в качестве основы какую-либо из этих шести исключающих друг друга схем не представляется возможным, т.к. их авторы не подвергают подробному разбору аргументы своих предшественников и недостаточно аргументируют свои собственные положения.

Как эволюционировали взгляды одного и того же автора? Б.Н.Траков в 1947 г. дал схему, охватывавшую на севере бассейн Десны и Оку, где он разместил соответственно андрофагов и меланхленов. Будины были размещены на территории современной Мордовии. На схеме 1971 г. того же автора меланхлены оказались на 800 км южнее; будины простирались от Нежина до Хопра, сдвинувшись на 500 км к западу. Андрофаги вообще исчезли. Скифы-земледельцы в 1947 г. были показаны вертикальной надписью от Никополя до Путивля, а в 1971 г. — от Ингула до Донбасса. Невры с правобережья Припяти передвинулись в лесостепь, а скифы-пахари выдворены из лесостепи на юг, в степь, в 100 км от моря (на схеме 1947 г. там были алазоны, убранные со схемы 1971 г.). Со схемы 1971 г. исчезли скифы-кочевники. Общая тенденция переработки Б.Н.Граковым своей схемы 1947 г. заключается в значительном сдвиге всех народов на юг. На обеих граковских схемах отсутствуют гелоны.

М.И.Артамонов, опубликовавший свою работу два года спустя после книжки Б.Н.Гракова, не принял его схему 1947 г. (за исключением невров и скифов-пахарей). Гелоно-будины у него расположены от р. Синюхи через Днепр и до Харькова; меланхлены оказываются южнее будинов и расположены от Полтавы до Изюма. Андрофаги тоже оказались южнее гелоно-будинов на Правобережье Днепра в районе Тясмина. Скифам-земледельцам Артамонов отвел правый берег Днепра от устья до порогов. Схема Артамонова тоже, как и вторая схема Гракова, сдвигает геродотовские племена к югу.

Схема А.П.Смирнова не указывает гелонов и андрофагов и оставляет необозначенным все лесостепное Левобережье Днепра. Скифы-земледельцы размещены так же, как у Гракова, но только не на правом, а на левом берегу Днепра. Меланхлены показаны от Новгорода-Северского на восток за Дон, примерно до Мичуринска.

Не остались без изменений и взгляды А.И.Тереножкина: в 1961 г. скифов-земледельцев он размещал в излучине Днепра у порогов (по обоим берегам), а на схеме 1971 г. они показаны так, как меланхлены у Артамонова — от Полтавы до верховий Северского Донца. Не показаны на обеих схемах Тереножкина и Ильинской гелоны²².

В посмертно изданной работе Артамонова нет карты, но словесное изложение размещения племен позволяет определить, что и этот автор не остановился на своих первоначальных выводах²³.

Область скифов-пахарей он расширил за счет всего Среднего Приднепровья, а территорию скифов-земледельцев сузил «самыми низовьями Днепра не выше Каховки» (т.е. на протяжении 100 км). Андрофагов, будинов и меланхленов (по Артамонову все они — предки литовцев и латышей) он размещает в лесной зоне по Припяти и Десне.

Новая схема Артамонова раздвигает геродотовский набор племен к северу, отказываясь от первоначального слишком резкого расселения племен на юг.

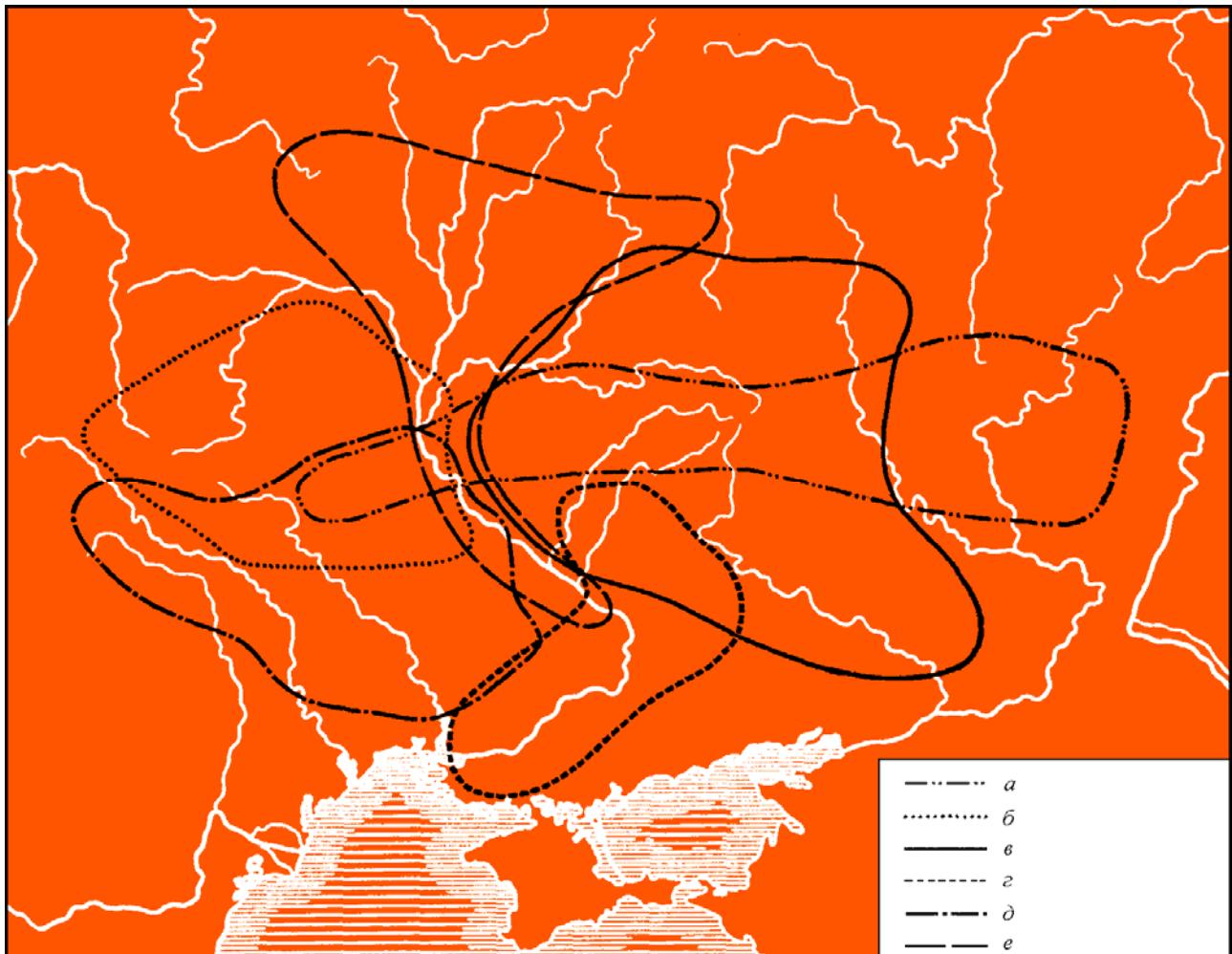
Трудно подвести итог работам крупнейших скифологов, прекрасно владевших новым археологическим материалом. Геродотовская номенклатура племен использовалась каждым автором, но ни один из них не предпринял полного нового пересмотра геродотовского текста, выявления противоречий в этом тексте и объяснения этих противоречий.

²¹ Граков Б.Н. Скифи. Київ, 1947, с. 8; Он же. Скифы. М., 1971, с. 14; Артамонов М.И. Этнogeография скифов. — В кн.: Уч. зап. Ленінгр. гос. ун-та, 1949, т. 85; Смирнов А.П. Скифы. М., 1966, с. 50; Тереножкин А.И. Предскифский период: на днепровском Правобережье. Київ, 1961; См.: Тереножкін О.І., Ільїнська В.А. Скіфський період. — В кн.: Археологія УРСР, т.ІІ. Київ, 1971.

²² В своей последней работе В.А.Ильинская внесла еще один штрих в пеструю карту размещения будинов: она предложила отождествлять будинов или с дьяковской культурой или же с ананьевской культурой Приуралья (см.: Ильинская В.А. Могло ли Вельское городище быть геродотовским Гелоном? — В кн.: Скифы и сарматы. Киев, 1977).

²³ Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы. Л., 1974, с. 80–83.

Из Геродота черпали как имена племен, так и некоторые кажущиеся ясными географические ориентиры; довольствуясь этим, надписывали карту, сообразуясь с общей характеристикой археологических материалов. Нетрудно заметить, что многие важные звенья геродотовской этнонимики выпадали из схем: геноны выпали из схем Гракова, Смирнова и Тереножкина; скифы-кочевники из схемы Гракова 1971 г.; андрофагов нет на схемах Смирнова и Гракова 1971 г.; исчезли алазоны со второй схемы Гракова.

Мнения археологов о размещении племен. Сводная карта

*а — будины; б — невры; в — меланхлены; г — скифы-земледельцы;
д — скифы-пахари; е — андрофаги*

На основании шести указанных выше схем размещения геродотовских племен Скифии можно составить сводную карту. Такая усредненная искусственная карта, разумеется, абсолютно не пригодна для определения истинного положения племен. Ее объективное содержание исчерпывается показом тех территорий, в пределах которых четыре разных исследователя указывают местоположение того или иного племени. Образовавшиеся на сводной карте пространства, как правило, охватывают *по несколько* разнородных археологических культур каждое, что свидетельствует об отсутствии единого принципа у четырех исследователей. С точки зрения приближения к истине эта историографическая карта тоже малоутешительна. Она подчеркивает широкий географический диапазон колебаний в определении племен, показывает неустойчивость мнений. Как видим, ни одну из предложенных шести схем нельзя взять за основу при дальнейших исследованиях, т.к. подробная новая аргументация отсутствует, взгляды предшественников детальной критике не подвергнуты. При этих условиях разные и противоречивые гипотезы просто погашают друг друга.

Как видим, карту геродотовой Скифии необходимо создавать заново.

* * *

Для выхода из существующей путаницы необходимо рассмотреть в комплексе, в единой системе все данные Геродота, не подразделяя их на значительные и незначительные, на

достоверные и кажущиеся сомнительными. Многие вопросы придется первоначально анализировать изолированно, изучать их сами по себе, но по мере накопления их необходимо вводить в создаваемую систему и проверять этой системой. В ряде случаев придется применять метод «опережающих доказательств», допущений, предполагая доказанным то, что еще требует обоснования. Точнее будет сказать так: исследователь должен довести анализ всех частных вопросов до конца и затем свести их в систему, но изложение для читателя, во избежание повторений, придется вести, используя время от времени те выводы, которые еще не доказаны (в прочитанном читателем тексте), но будут доказаны в последующем.

Для того чтобы подойти к таким важным историческим вопросам, как географическое размещение скифских племен и поход Дария Гистаспа, необходимо предварительно рассмотреть целый ряд частных вопросов, а именно: письменные источники Геродота, общий облик Скифии, расстояния, указанные Геродотом, природную среду и общий археологический фон, реки Скифии, маршрут Геродота, местные устные источники. Известно использование Геродотом трудов Гекатея Милетского (VI — начало V в.), Аристея Проконесского (VI в.) и знакомство с какой-то общей географической картой, которое отразилось в §§ 36–42 четвертой книги. Возможно, что Геродот видел и карту (или ее копию) Аристагора Милетского, изображавшую персидскую «царскую дорогу» от Суз до Сард в Малой Азии, протянувшуюся на 13 500 стадий (V, §§ 49–54)²⁴. По Аристею, которого Геродот подробно цитирует, им указан путь на восток к исседонам и аrimаспам, находившимся где-то близ Южного Урала. Сложнее определить то, что Геродот почерпнул у Гекатея. Геродот неоднократно упоминает «логографа Гекатея, сына Гегесандра» как политического деятеля, противника ионийского восстания против персов (V, § 36), или же как историка (VI, § 137), но у Геродота нет ни одной ссылки на «Землеописание» Гекатея. Дошедшие до нас отрывки из сочинений Гекатея свидетельствуют о хорошем знании им тех мест, которыми Геродот интересовался меньше: Синдида, Колхида и северо-восточное побережье Понта²⁵. Поскольку сам Геродот не был географом-теоретиком, то вполне возможно, что он в свои записи включил уже существовавшее до него обобщенное представление о Скифии как об огромном квадрате 4000 × 4000 стадий. Был ли автором этой схемы Гекатей или кто-либо другой из греческих географов VI — V вв. до н.э., сказать нельзя, но наиболее вероятно, что не Геродот был создателем идеи «скифского тетрагона».

«Скифия представляет собою четырехугольник, две стороны которого доходят до моря, причем линия, идущая в глубь материка, такой же длины, как и та, что тянется вдоль моря. Так, от Истра до Борисфена — 10 дней пути и столько же от Борисфена до Меотиды. С другой стороны от моря внутрь страны до меланхленов, что живут над скифами, — 20 дней пути. Дневной путь я определяю в 200 стадий. Таким образом, Скифия в попечнике имеет 4000 стадий. Такой же длины и те прямые стороны ее, что идут внутрь материка. Такова величина этой страны» (§ 101).

Кому бы ни принадлежала идея скифского квадрата, Геродот дополнил ее собственными расчетами: «Начиная от Истра я буду описывать с целью измерения²⁶ приморскую часть собственно скифской земли» (§ 99). В результате получился драгоценный источник, дающий не только общее представление о Скифии, но и конкретные величины и точное определение такой меры длины, как «день пути».

Существует несколько попыток представить себе скифский квадрат. Раулинсон сторонами квадрата считал: на юге — Черное море, на западе — р. Прут, а на востоке — северо-западный берег Азовского моря²⁷. При этом Прут и азовский берег идут на его реконструк-

²⁴ Не исключена возможность того, что карта, имевшаяся в распоряжении милетского тирана Аристагора (около 500 г.), могла быть составлена (или скопирована) знатоком Персии Гекатеем. Возражая на одном совещании Аристагору, Гекатей «перечислил все подвластные Дарию народности» (V, § 36), а карта, которой воспользовался Аристагор, представляла именно Персию.

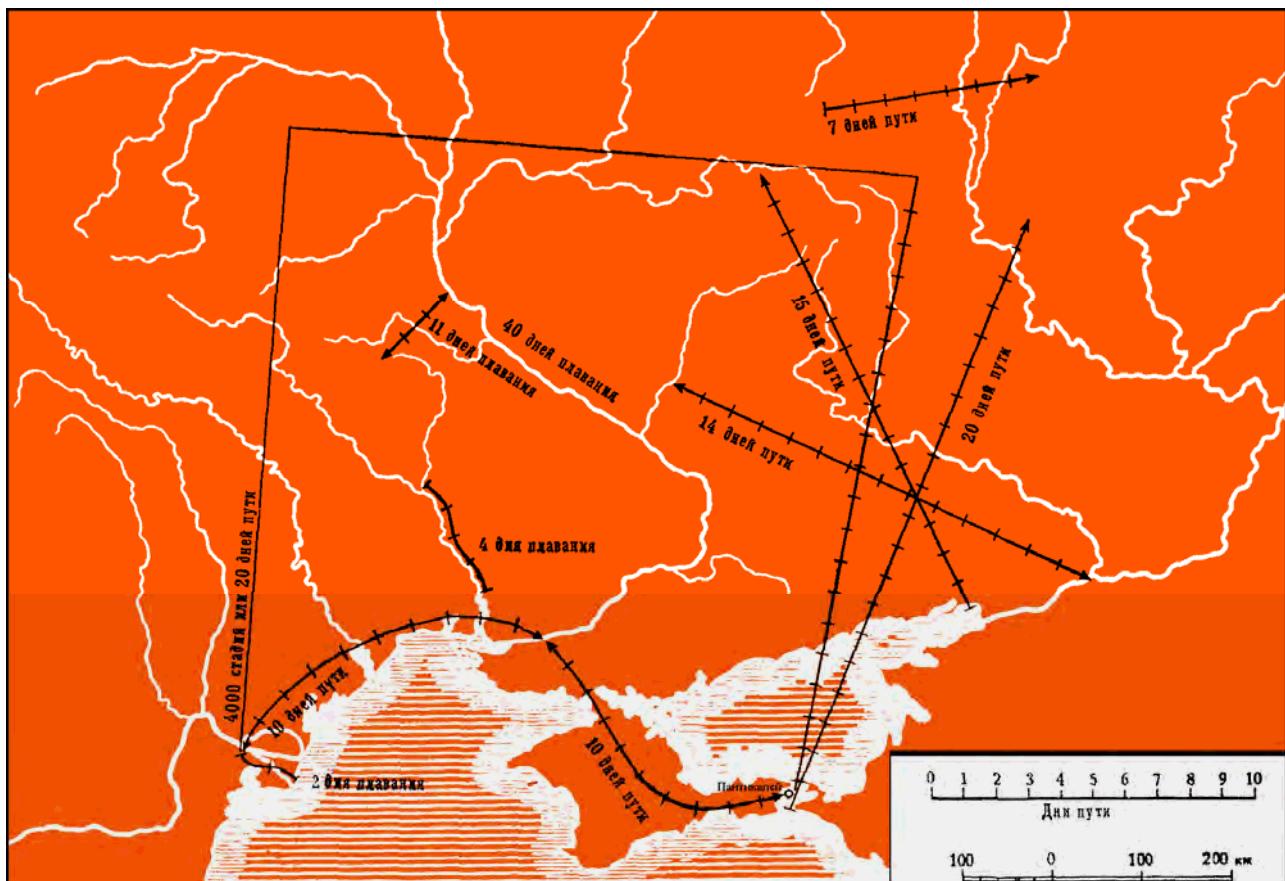
²⁵ Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. — ВДИ, 1947, №1, с. 298–301.

²⁶ Здесь и далее в цитатах курсив мой. — Б.Р.

²⁷ Niederle L. Slovanské Siarozilnosti, t. 1, sv. 2. Praha, 1926, s. 235.

ции строго по линии север — юг. Отдаленные от моря углы квадрата приходятся на этой схеме на истоки Прута и на устье Дона.

П.Н.Кречетов предложил другую схему, в основу которой положен косо поставленный квадрат: одну (юго-западную) сторону его образуют Дунай и побережье Черного моря до южной оконечности Крыма; юго-восточную сторону образует побережье Крыма, Керченского п-ова и Азовского моря. Северным углом квадрата оказывается озеро в верховьях Днестра²⁸.

Скифский квадрат. Расстояния в днях пути

Схема Раулинсона, если перенести ее на современную карту, разрежет Скифию по линии: верховья Прута — Запорожье — устье Дона. Вся Скифия в глубину займет всего-навсего 200–220 км, что совершенно не соответствует 4000 стадий. Схема Кречетова увеличивает это расстояние лишь на 20–30 км, что также противоречит Геродоту.

При разборе всех данных Геродота очень мало внимания обращалось на указываемые им расстояния в днях пути или в днях плавания. Их привлекали выборочно и произвольно. А между тем применительно только к Скифии и окружающим ее народам Геродот семь раз указывает точное расстояние в днях пути и пять раз в днях плавания. Впредь до завершения исследования мы не всегда можем достоверно определить точки отсчета (например, расстояние от будинов до тиссагетов равно 7 дням пути), но мы должны представлять себе эти расстояния и вспоминать о них в надлежащем месте.

Некоторые трудности представляет и многообразие античных мер длины: дельфийская стадия, аттическая стадия, олимпийская и т.д. Наиболее вероятным считается применение Геродотом аттической стадии в 177,6 м. День пути в 20 стадий будет равен 35,5 км, что вполне соответствует средней протяженности обычного дня конного пути.

²⁸ Кречетов П.Н. Письмо о Геродотовой Скифии. 1. О скифском четырехугольнике. — В кн.: Зап. Одесск. о-ва истории и древностей, 1889, т. XV, с. 457. С.Я.Лурье в своей книге (см.: Лурье С.Я. Геродот. Л., 1947) поместил карту мира по представлению Геродота (составленную Бэрром); схема изобилует таким количеством ошибок, что только искажает, но не поясняет Геродота. Так, например, «царские скифы» помещены на восточном берегу Меотиды, восточнее (!) савроматов, Фракия показана в западной части современной Югославии. Геродот в этой путанице не повинен.

Попытаемся проверить определение Геродотом южной, приморской стороны скифского квадрата. От Дуная до Днепра должно быть 10 дней пути. Если мы проведем линию вдоль берега, но не по самой кромке, а в 30–40 км от моря, (чтобы избежать переправ через многочисленные лиманы), то получим 350 км, т.е. полное совпадение с данными Геродота: расстояние от Истра до Борисфена преодолевается в 10 дней по 35 км в день.

Сложнее обстоит дело со второй, восточной половиной прибрежной линии. Если ехать кратчайшей дорогой от устья Днепра до ближайшей точки Азовского моря, то на этот путь понадобится всего лишь 5 дней; он выведет к пустынному, в древности болотистому берегу в районе современного Геническа.

Если же проехать от устья Днепра через Перекоп и далее степной частью Крыма к Керченскому проливу, то ровно через 10 дней пути будет Боспор Киммерийский и пристань Порфмий («Переправа») на самом kraю,,Меотиды, где «река Танаис, впадающая в Меотийское озеро, и киммерийский город Порфмий образуют границу между Европой и Азией» (§ 45).

Скифы в бою. Золотая бляшка из кургана Куль-Оба, IV в. до н.э.

Именно здесь, на берегу Боспора кончались поселения скифов, кончалась Скифия. Естественно, что Геродот определял не извилистую береговую линию Крыма, а крайний рубеж скифов на берегу Понта у входа в Меотиду и определял его, как и западную половину стороны скифского квадрата, по сухопутной дороге.

Правильно определив (очевидно, хорошо наезженное местными греками) расстояние в обе стороны от устья Борисфена — к Дунаю и к Керченскому проливу, Геродот не заметил того, что весь этот двадцатидневный путь представлял извилистую кривую. Он условно принимал его за прямую, за южную сторону скифского тетрагона.

Протяжение скифского четырехугольника в глубь материка должно быть значительным. 4000 стадий это — 710 км. Конечно, пути, особенно в северных лесистых местах, не могли быть прямолинейны, но ориентировочно северная граница Скифии в представлении

Геродота проходила примерно по 53° северной широты, т.е. вдоль Припяти, через Чернигов на Курск и далее на Воронеж. У нас нет никакой уверенности, что скифский тетрагон был геометрически правильным квадратом. Включение Серета, Прута и истоков Днестра в Скифию на западе и низовий Дона на востоке уже превращает квадрат в опрокинутую трапецию, у которой южная приморская сторона по прямой содержит 540 км, а северная должна иметь около 1000 км. Учитывая то, что древние авторы весьма неточно определяли направление на север и нередко в своих описаниях спрямляли плохо известное им направление рек, текущих в общем-то из северных земель к южному морю, мы не будем очень строги к общей географической схеме Геродота. Он дал все же представление о габаритах Скифии, заменив измеренным в стадиях пространством такие поэтические определения, как «отдаленный край земли, скифская страна, безлюдная пустыня» (Эсхил. «Прикованный Прометей»).

*Голова Афины на ситеle V в. до н.э. Из находок на затонувшем члене.
Р. Супой (левый приток Днепра) у с. Песчаное*

Приведу все расстояния, упоминаемые Геродотом, несколько округляя их:
Протяженность Скифии в глубь материка — 4000 стадий, или 20 дней пути = 700 км.
От Истра до Борисфена — 10 дней пути = 350 км.
От Борисфена до Меотиды (до устья Меотиды) — 10 дней пути = 350 км.
От моря до земли меланхленов — 20 дней пути = 700 км.
От р. Пантикопы до конца земли кочевых скифов — 14 дней пути = 500 км.
Протяжение земли борисфенитов (от неизвестной точки) — 3 дня пути = 105 км.

От угла Меотиды до земли будинов — 15 дней пути = 530 км.
От земли будинов до земли фиссагетов — 7 дней пути = 240 км.

* * *

Для получения более строгих выводов и для устранения путаницы, созданной невнимательными исследователями, совершенно необходимо учитывать данные физической географии и соотносить их с краткими заметками Геродота.

Говоря о населении Скифии, Геродот очень определенно делит его на кочевое, не имеющее ни городов ни пашен, и на земледельческое. Следовательно, нам нужно знать границу степи и лесостепи. Скифологи-археологи давно уже на своих картах наносят эту границу двух важных ландшафтных зон. Для этой цели необходимо пользоваться картой *восстановленного растительного покрова*²⁹.

Кроме кочевников-скотоводов и земледельцев, Геродот выделяет еще два типа хозяйства: лесных конных охотников (йирки и тиссагеты) и лесных «кочевников» (будины, живущие в лесах, где водятся бобры; андрофаги, расположенные где-то за припятскими болотами). В последнем случае совершенно исключено кочевое скотоводческое хозяйство, и выражение Геродота следует, очевидно, понимать как *подвижное* хозяйство, естественное при подсечном лесном земледелии.

Физико-географические данные и заметки о хозяйственной системе должны быть со-вмещены с массовым археологическим материалом. В настоящее время с достаточной полнотой изучены скифские и сарматские памятники степных кочевников, лесостепные земледельческие культуры скифского типа и такие более северные культуры, как милоградская, юхновская, дьяковская, городецкая со смешанным, полуzemледельческим хозяйством.

Учет всех доступных изучению признаков в археологических культурах VI — IV вв. до н.э. позволит точнее прикрепить геродотовские имена племен к конкретным территориям.

---

²⁹ Большой советский атлас мира, т. 1. М., 1939. Карта восстановленного растительного покрова.

РЕКИ СКИФИИ

Достопримечательностей страна эта не имеет, за исключением разве очень больших многочисленных рек.

Геродот

При описании Скифии Геродот упоминает 17 больших и малых рек, которые служили ему ориентиром при описании народов Скифии и событий 512 г. Реки заменяли нашему путешественнику градусную сеть позднейших географов. Важнейшие реки Восточной Европы (Дунай, Днестр, Днепр, Дон), по всей вероятности, были известны Геродоту еще до путешествия, но он уточнил сведения о них, он доискивался местоположения их истоков, описывал притоки и сообщил о многих мелких речках, по тем или иным причинам заинтересовавших его. Общий список рек таков:

Истр (Дунай) — §§ 48–50, 89, 99–101, 122, 128, 135, 139.

Тиарант (Серет), приток Дуная, — § 48.

Аар, приток Дуная, — § 48.

Напарис, приток Дуная, — § 48.

Ордесс (Ардыч), приток Дуная, — § 48.

Пората-Пирет (Прут) — § 48.

Тира (Днестр) — §§ 51, 82.

Гипанис (Южный Буг) — §§ 52, 81.

Эксампай, приток Гипаница, — § 52, 82.

Борисфен (Днепр) — §§ 53, 71.

Пантикапа — §§ 54, 19.

Гипакирис — § 55.

Геррос — § 56.

Танаис — §§ 57, 100, 122, 123.

Гиргис — §§ 57, 100, 123.

Оар — §§ 123, 124.

Лик — § 123.

Некоторые из этих рек легко сопоставляются с современными нам, и мы по давней традиции отождествляем Тирас с Днестром, Гипанис с Южным Бугом, Борисфен с Днепром, а Танаис с Доном. Здесь следует сделать весьма существенную оговорку: на основании имеющихся у нас данных мы имеем право говорить только о *нижнем* течении этих рек и об их устьях, дельтах и гирлах. *Истоки* же этих рек не были известны древним авторам, о чем они неоднократно писали, и мы далеко не всегда можем быть уверены в том, что весь контур реки воспринимается нами теперь так, как он воспринимался 2000–2500 лет тому назад. Приведу в пример восточное наименование Волги — Итиль. Большой неосторожностью было бы полное отождествление этих двух названий: древняя Итиль начиналась южнее Уфы (р. Белая, Белая Воложка), затем продолжалась как отрезок современной Камы от впадения в нее Белой и до впадения Камы в Волгу, и лишь после этого нижнее течение р. Итиль совпадало с современной Волгой от камского устья до моря. Вся Верхняя Волга от истоков до Казани рассматривалась как правый приток р. Итиль³⁰.

Споры о течении Танаиса-Дона велись еще во времена Страбона: «Не заслуживают упоминания писатели, утверждавшие, что Танаис берет начало в областях на Истре и течет с запада... Точно так же неубедительным будет утверждение, что Танаис протекает через Кавказ на север... Никто не говорил, что Танаис течет с востока»³¹.

³⁰ Рыбаков Б.А. Русские земли по карте Идриси. — Краткие сообщ. Ин-та истории материальн. культ., 1952, №43.

³¹ Страбон. География, кн. VII. М., 1964, с. 109–110, § 6.

Отвергнув три направления течения Танаиса, знаменитый географ оставил только одно: с севера на юг. Страбон писал по материалам того времени, когда сарматское нашествие отрезало течение рек от береговой кромки, заселенной греками. Но уже полтора столетия спустя Птолемей мог дать точные географические координаты Танаиса:

Западное устье	$66^{\circ}20'$	вост. долг.,	$54^{\circ}10'$	сев. широты
Восточное устье	67°	вост. долг.,	$54^{\circ}30'$	сев. широты
Поворот реки	$72^{\circ}30'$	вост. долг.,	56°	сев. широты
Истоки реки	64°	вост. долг.,	58°	сев. широты ³² .

Переводя данные Птолемея на современную географическую карту, мы с удивлением узнаем, что автор указал нам координаты не Дона в нашем понимании, а Северского Донца плюс нижний отрезок Дона, ведущий к морю. Меридиан истоков Танаиса — это меридиан Пантикея; северный берег Азовского моря он пересекает несколько западнее современного Бердянска. Истоки Северского Донца у Белгорода абсолютно точно соответствуют меридиану Керчи — Пантикея, что совпадает с координатами Птолемея. Истоки же Дона в нашем понимании отстоят на 160–170 км к востоку.

Расстояние от истоков Танаиса до берега Меотиды по Птолемею равно 484 км ($5^{\circ}15'$), а на современной карте от истоков Донца до моря по этому же меридиану — 470 км. Если же брать Дон в современном понимании, то это расстояние (по меридиану на 2° восточнее) будет равняться 780 км. Следовательно, по координатам Птолемея Танаисом в его время называли не Дон, а Северский Донец, доведенный по нижнему течению нашего Дона до самого моря. Конечно, птолемеевским расчетам, даже при таком двойном совпадении, нельзя доверять полностью, но средневековая традиция подкрепляет полученный вывод: в Киевской Руси «Великим Доном» продолжали называть именно Северский Донец. Только в XIV в. установилось современное понимание Дона, и «Хождение Пимена в Царьград» 1389 г. дает нам географическое описание Дона, а не Донца³³.

Предполагается, что и Борисфен не полностью соответствовал нашему современному Днепру и что в качестве его истока древними рассматривалась р. Березина. В случае справедливости этого мнения следует считать, что древнее название Борисфена сохранилось до наших дней: в его верховьях (Березина) и в море близ его устья — остров Березань.

Приведенных примеров достаточно для того, чтобы с очень большой осторожностью отнестись к полному отождествлению древних рек с современными.

Другим общим вопросом, связанным с реками, является измерение их «днями плавания». В отличие от морских и сухопутных передвижений, где Геродот подробно аргументировал свои расчеты, здесь он ничего прямо не сказал об измерении дня речного пути. Но, судя по двум примерам (Гипанис и Борисфен), отсчет дней плавания велся сверху вниз, по течению реки, что и естественно для прибрежных греков, к которым варвары сплавляли свои товары вниз по своим рекам. Для Геродота день плавания был некоей усредненной величиной, которую он не считал нужным особо оговаривать. Вероятно, его сведения о количестве дней плавания были просто фиксацией фактического времени, потребного на покрытие того или иного расстояния.

Геродот четыре раза пользуется «днем плавания» как понятной и общеизвестной мерой. В трех случаях (§§ 18, 52, 53) его данные требуют специального рассмотрения и только в одном параграфе (89) мы можем прямо переносить их на современную карту. Речь идет о мосте через Дунай, построенном греком Мандроклом для персидского войска в 512 г. Мост был сооружен у «шеи реки, там, где она разделяется на рукава». Это место отстояло от моря на два дня плавания. В этом подробном рассказе есть географическая определенность: «шея» Истра — Дунай выше Тульчи, а рукав, по которому плыл подчинявшийся персам греческий флот, очевидно, главное судоходное гирло дунайской дельты — Сулинское. «Шея Истра» отстоит от моря на 70–75 км; следовательно, один день плавания = 36 км.

³² Цит. по: Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. — ВДИ, 1948, №2, с. 235.

³³ Рыбаков Б.А. Дон и Донец в «Слове о полку Игореве». — Научн. докл. высш. школы. Сер. Исторические науки. М., 1958, №1.

Полученная величина, разумеется, условна, т.к. нам неизвестно точное место постройки моста, и, кроме того, следует учесть, что греческий флот не спускался по реке, а поднимался вверх. Как ни медлительно течение заболоченных дунайских гирл, но оно могло сказываться на скорости движения. В то же время следует учесть и большую скорость хода греческих кораблей по сравнению с плотами и челноками варваров. Важнее всего то, что Геродот говорит не о том, что флот плыл два дня по реке, а о том, что место постройки моста *отстоит* от моря «на два дня плавания», употребляя это как определение *расстояния*, а не времени (§ 89).

* * *

Рассмотрим все 17 рек Геродота в том порядке, в котором он сам их располагал.

ИСТР И ЕГО ЛЕВЫЕ ПРИТОКИ В НИЗОВЬЯХ. Дунай (Истр), крупнейшая европейская река, хорошо известная грекам, служит Геродоту точкой отсчета скифских пространств. «Прошедши через всю Европу, Истр вступает наконец в пределы Скифии» (§ 49). «Это — первая река в Скифской земле на западе» (§ 48). Геродот знает о разделении Истра на рукава у устья и даже сообщает, что начало дунайских гирл отстоит на два дня плавания от моря (§ 89). Правый, южный берег Дуная заселен гетами (§ 93). В нижнем течении в Истр впадают слева пять рек, «протекающих через Скифию». Геродот, отступая от своей обычной системы, называет эти реки не с запада на восток, а, наоборот, — с востока на запад, от моря в глубь материка.

Первая в таком перечне река называлась скифами Пората, а эллинами — Пирет. Это, несомненно, Прут. Вторая крупная река — Тиарант, очевидно, Серет, как думают многие ученые. В промежутке между ними (но не известно, в каком порядке) перечислены три речки: Арап, Напарис и Ордесс (§ 48). Из них определяется только Ордесс — Ардыч³⁴; остальные же две речки не отыскиваются даже на крупномасштабных картах, где на пространстве между устьями Серета и Прута не указывается вообще никаких речек.

Важно отметить, что Геродот их знал.

Все перечисленные пять рек Геродот назвал *скифскими* притоками Дуная, хотя здесь возникает некоторая неясность: в юго-западном углу скифского квадрата должны обитать агатирсы, «племя, по образу жизни похожее на фракиан» (§ 104) и не вошедшее в скифский союз во время нашествия Дария. Наличие *скифского* имени у Прута («Пората») подтверждает распространение скифов до этой реки.

Подробное перечисление рек и речек близ устья Дуная может свидетельствовать о личном посещении Геродотом этого исторического места, откуда Дарий начал свой скифский поход и куда он вернулся, гонимый скифами.

ТИРА. Геродот говорит о Тире очень скромно: река «течет с севера и берет свое начало из большого озера, которое служит границей между Скифией и Невридой» (§ 51).

Понятие о том, что реки вытекают из озер, является одним из шаблонов древней географии, дожившим до XVII в., но в данном случае есть некоторое основание говорить об озере: в верховьях Днестра между Самбором и устьем притока Быстрицы на пространстве около 50 км существуют обширные болота, которые могли быть сочтены за озеро. Эти болота находятся близ стыка скифских (западноподольская группа) и нескифских (поздневысоцкая, милоградская) культур. Милоградскую культуру очень убедительно связывают с Невридой³⁵.

Очевидно, античную Тиру можно полностью отождествлять с нашим Днестром.

У устья Тиры, в районе современного Белгорода, «живут эллины, которые называются тиритами» (§ 51).

Где-то на берегу Тиры «показывают ступню Геракла в скале, похожую на след человека, но в два локтя длины» (§ 82). Косвенно этот параграф указывает на возможность посещения Геродотом земли тиритов и личное знакомство с первой достопримечательностью, встретившейся на его пути.

³⁴ Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. — ВДИ, 1947, №2, с. 266, примеч. 3.

³⁵ Мельниковская О.Н. Племена южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967.

ГИПАНИС. В отличие от краткости в описании Днестра о Гипанисе Геродот говорит подробно, сообщает точные расстояния и упоминает такие детали, которые не оставляют сомнений в его пребывании на берегах реки в ее среднем течении.

Впервые Гипанис упомянут в § 17, где перечисляются разные народы, живущие «вдоль Гипаниса к западу от Борисфена»: каллипиды (эллино-скифы), алазоны, скифы-пахари, невры. «К северу от невров, насколько мы знаем, лежит пустыня». Перечень народов (к которому мы вернемся в дальнейшем) свидетельствует о хорошем знании Геродотом этой реки.

При первом же знакомстве с геродотовским текстом возникает недоумение по поводу того, что исследователи без всяких оговорок отождествляли Гипанис с современным нам Южным Бугом.

Геродот измерил все течение Гипаниса от самого истока его из озера до лимана. Оно оказалось равным всего-навсего девяти дням плавания (§ 52), т.е., по нашим расчетам, около 324 км. Течение же Южного Буга от истоков (где нет озера) до Николаева, где уже начинается соленый лиман, равно почти 600 км. Расхождение настолько велико, что требует прежде всего проверки нашего эталона дня плавания (около 36 км), полученного на примере дунайского гирла.

Точное расстояние, исчисленное в днях плавания, Геродот указывает для Днепра от истоков до порогов: «Известно, что Борисфен течет с севера до Герра на 40 дней пути...» (§ 53)³⁶. В настоящее время уже не имеет смысла спорить по поводу местоположения «местности Герр»; это — днепровские плавни ниже порогов с большим количеством протоков-гирл и некоторое пространство к востоку и западу от этой излучины Борисфена, где были сосредоточены царские курганы скифов.

Если мы разделим все течение Днепра-Борисфена от истоков до порогов (пренебрегая мелкими излучинами) на 40 частей, то получим величину в 32,5 км, что весьма близко к дунайским расчетам и еще больше усиливает контраст между длиной Гипаниса в девять дней плавания и фактической длиной (опять-таки без мелких извилин) Южного Буга, которая в этом случае выразится 18 днями плавания. Обратимся к полному тексту § 52:

«Третья река, начинающаяся в Скифской земле, — Гипанис, вытекает также из большого озера, вокруг которого находят себе пастища дикие белые лошади, и озеро это справедливо именуется матерью Гипаниса.

По выходе из этого озера река Гипанис на протяжении 5 дней плавания мелка и имеет сладкую воду. Начиная от этого пункта до моря на протяжении 4-х дней плавания вода в Гипанисе чрезвычайно горька от горького ручья, который вливается в него. Источник этот так горек, что при всей незначительности своей он делает горьким Гипанис, реку, с которой лишь немногие могут сравниться по протяжению.

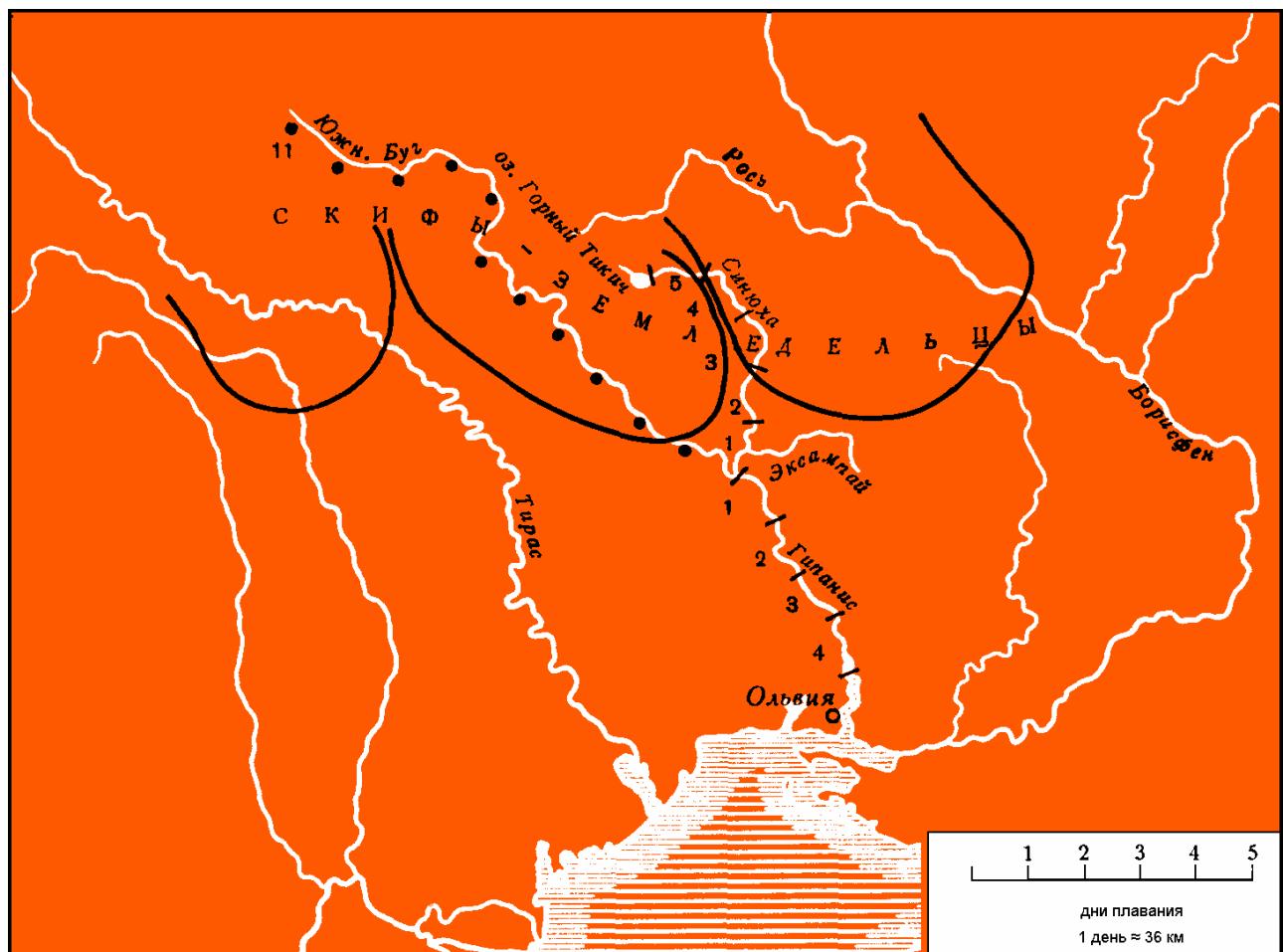
Ручей этот протекает на границе скифов-пахарей и алазонов. Имя ручья, равно как и той местности, откуда он вытекает, — по-скифски Эксампай, а по-гречески — Священные Пути.

Тира и Гипанис сближаются своими излучинами подле земли алазонов; дальше обе реки делают новые повороты и разделяющее их пространство становится все шире».

Важное дополнение содержит § 81, где Геродот передает легенду о царе Арианте, пожелавшем некогда определить численность скифских воинов: он приказал каждому скифу дать ему по одному наконечнику стрелы и из множества принесенных медных наконечников был сооружен гигантский котел-памятник, вмещавший 600 амфор. Котел Арианта был поставлен в Священных Путях и Геродот осмотрел его:

³⁶ Браун Ф.А. Разыскания в области гото-славянских отношений. СПб., 1899, с. 231.

«Вот что мне показали воочию: между реками Борисфеном и Гипанисом находится область по имени Эксампай... В этой области стоит медный сосуд, по величине в 6 раз превосходящий ту чашу, что находится у входа в Понт на Фракийском Боспоре... Для невидавших ее сообщу следующее: медный сосуд у скифов вмещает в себе 600 амфор, а толщина его — б пальцев» (§ 81).

Гипанис по Геродоту (схема)

Переломный пункт р. Гипаниса, делящий ее течение на пресное и горькое, обычно указывают у устья р. Синюхи, впадающей в Южный Буг слева, со стороны Борисфена. И действительно, если мы измерим отрезок Южного Буга от Николаева до Первомайска (б. Ольвиополь), то получим 150 км для четырех дней плавания. Один день плавания будет равняться 37 км, что очень близко к нашим дунайским расчетам. Но тогда верхнее «сладкое» течение Гипаниса — 450 км должно определяться не пятью днями плавания, а 12-ю днями по 37 км каждый день. Мы снова оказываемся перед резким противоречием между геродотовскими сведениями о Гипанисе и нашими сведениями о Южном Буге. Или Геродот сильно ошибался, или же он называл Гипанисом иное сочетание рек, чем то, которое мы теперь именуем Южным Бугом. Пребывание Геродота на Эксампае, где-то близ устья Синюхи, там, где он осматривал и измерял котел царя Арианта, не подлежит сомнению. Поэтому столь грубая ошибка Геродота мало вероятна. Попытаемся отыскать истинный Гипанис, исходя из данных Геродота: верхнее течение искомой реки должно иметь около 180 км протяжения, и вытекать эта река должна из озера.

Задача решается очень просто. Такой рекой является сама Синюха и один из ее истоков — Горный Тикич, вытекающий из нескольких озер³⁷. Синюха не имеет собственного истока, а образуется из слияния в одном месте сразу трех рек: Гнилого Тикича, Горного Тикича и Большой Виси; любая из них может быть принята за верховья Синюхи. Учитывая указание Геродота на то, что вода в верховьях Гипаниса должна быть сладкой, Гнилой Тикич следует

³⁷ Новый настольный атлас А.Ф.Маркса. Пг., 1915, лист 10, кв. В-6.

отбросить и остановиться на Горном Тикиче, вытекающем из целой системы озер. Общая протяженность Горного Тикича и Синюхи — около 170 км (без учета мелких извилин), что почти совпадает с заданной величиной в пять дней плавания. На карте Синюха (Синица) показана рекой значительно более мощной, чем Южный Буг выше ее устья³⁸. Судя по картографическим данным, отражающим действительную ширину и полноводность рек, не Синюха является притоком Буга, а Южный Буг, несмотря на свою большую протяженность, впадает в более полноводную Синюху-Тикич.

Итак, Гипанис, река в девять дней плавания, найден: это — вытекающий из озер Горный Тикич, затем Синюха, сближающаяся у своего современного устья с Тирой-Днестром, а затем как нижний отрезок современного Южного Буга текущая еще четыре «дня плавания» до общего лимана Гипаниса и Борисфена.

Это новое понимание геродотовского Гипаниса сдвигает реку в ее верховьях примерно на 100 км к востоку, деля пополам пространство между современным Бугом и Днепром. От верховий Гипаниса до Борисфена — три дня сухопутного движения.

Проверим два признака, связываемых Геродотом с Гипанисом: размещение скифопахарей и наличие диких коней у его истоков.

В верхней половине течения Гипаниса, там, где за алазонами живут скифы-пахари, должно быть очень много греческих импортных вещей, т.к. Геродот специально оговаривает, что они «сеют хлеб на продажу». Если брать Гипанис в старом понимании, т.е. как весь Южный Буг, то скифам-пахарям должна была бы соответствовать Восточноподольская археологическая группа³⁹. Однако античный импорт на Побужье весьма незначителен⁴⁰. Если же Гипанисом считать предложенное мною сочетание Тикича, Синюхи и низовий Буга, то все становится на свое место: верховья Гипаниса текут через самые населенные, самые богатые области земледельческих скифов (Киевская археологическая группа), и именно здесь сосредоточено колоссальное количество импортных греческих вещей VI — V вв. до н.э.⁴¹ Вторым признаком верховий Гипаниса является наличие там диких белых коней. Тикичи своими верховьями доходят до неширокой полосы луговых степей, идущей с запада на восток от Волыни до бассейна Роси. Бассейн Роси и бассейн Тикичей соприкасаются вплотную, а именно для района Роси у нас есть драгоценное свидетельство о наличии там диких коней вплоть до средневековья. Таким свидетельством является «Поучение» Владимира Мономаха:

«А се в Чернигове деял есь: конь диких своима рукама связал есь в пущах 10 и 20 живых конь. А кроме того же, *по Роси езда*, имал есм своима рукама те же кони дикie»⁴².

Итак, Гипанис в предложенном мною виде отвечает следующим пунктам описания Геродота:

1. Протяжение реки равняется 9-ти дням плавания.
2. Река вытекает из озера (озеро Тикич).
3. На расстоянии пяти дней плавания от истока река изгибается, сближаясь с Тирой.
4. В верховьях реки живут богатые земледельцы, широко торгующие с эллинами.
5. Близ озера и истока реки находится полоса пастбищ, где вплоть до средневековья водились дикие лошади.

Все эти сближения могли быть сделаны только потому, что Геродот очень подробно и точно описал ту реку, которая ввела его в Земледельческую Скифию. В том, что Геродот побывал на притоке Гипаниса Эксампае и «воочию» видел там котел Арианта, у нас нет оснований сомневаться.

³⁸ Там же, кв. С-7.

³⁹ Тереножкін О.І., Ільїнська В.А. Скіфський період. — В кн.: Археологія УРСР, т.ІІ. Київ, 1971, с. 94—97 і карта.

⁴⁰ Онейко Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII — V вв. до н.э. — В кн.: Свод археологических источников. М., 1966, с. 45, рис. 7 (карта).

⁴¹ Там же.

⁴² Летопись по Лаврентьевскому списку. СПб., 1897, с. 242.

ваний сомневаться — детальность описания Гипаниса, его течения, природы в его истоках и племен по его берегам устраниет всякие сомнения.

Если мы захотим ориентировочно в первом приближении определить верхнюю точку путешествия Геродота по Гипанису, то нам следует обратить внимание на следующие слова:

«Эти скифы-земледельцы занимают пространство к востоку на три дня пути...» (§ 18).

«К востоку» от чего? Где находилась точка его отсчета?

О земледельческих скифских племенах, экспортирующих хлеб, речь уже шла в предыдущем параграфе; там они определялись как «народ, живущий вдоль реки Гипаниса *к западу от Борисфена*». Возможно, что Днепр и был восточным рубежом этой Земледельческой Скифии⁴³. Тогда точка отсчета должна находиться примерно в 100 км (три дня пути) к западу от Днепра. Линия, проведенная параллельно Днепру, в 100 км к западу от него совпадает на протяжении 50 км с течением Горного Тикича, принятого нами за верховья геродотовского Гипаниса. Таковы предварительные соображения.

ЭКСАМПАЙ. Незначительную речку Эксампай следует искать в месте сближения Гипаниса с Тирой (пять дней плавания по Гипанису от истока), т.е. близ устья Синюхи, на левом, восточном берегу Гипаниса. Река эта такова, что ее воды отравляли хорошую воду верхнего Гипаниса и делали ее горькой.

Левые притоки Синюхи и Южного Буга действительно содержат то фосфатные, то медистые примеси, ухудшающие питьевое качество воды. Интересны и названия притоков: Гнилой Еланец, Мертвовод, Черный Ташлык. Географически к устью Синюхи ближе всего подходит речка Черный Ташлык, впадающая в Синюху «со стороны Борисфена» в 10–12 км от современного Первомайска. Протяжение ее около 80 км. Геродот дает перевод скифского названия речки — Священные Пути. Именно здесь кончалась земля скифов-пахарей и их торговые караваны от Эксампая выходили в чужую землю алазонов. Пограничное положение, вероятно, и определяло наличие здесь какого-то святилища, связанного с путями⁴⁴.

БОРИСФЕН (ДНЕПР). Борисфен у Геродота является стержневой рекой Скифии: от него, как от меридиана, отмечается расположение народов, с ним связаны генеалогические легенды (Зевс — «зять» Борисфена), указаны некоторые его притоки (Герр, Пантикапа), днепровскими порогами отмечено местоположение царских курганов скифов. Устье Борисфена делит ровно пополам приморскую сторону скифского квадрата:

«Так от Истра до Борисфена 10 дней пути и столько же от Борисфена до Меотиды».

Борисфен, по Геродоту, — третья река мира после Нила и Дуная по величине и вторая после Нила по полезности. Восторженно описывает Геродот Поднепровье:

«Из прочих рек Борисфен наиболее прибылен: он доставляет прекраснейшие и роскошнейшие пастбища для скота, превосходнейшую рыбу в большом изобилии.

Вода его на вкус очень приятна, чиста, тогда как рядом с ним текущие реки имеют мутную воду. Вдоль него тянутся превосходные пахотные поля или растет очень высокая трава в тех местах, где не засевается хлеб.

У устья реки сама собою собирается соль в огромном количестве. В Борисфене водятся огромные рыбы без позвоночного столба, называемые антакаями и идущие на соление и многое другое, достойное внимания» (§ 53).

Геродотовское описание Днепра не содержит научных загадок и легко сопоставляется с современной нам географической картой. Течение реки он делит на две части:

⁴³ Подробнее эту гипотезу я попытаюсь обосновать ниже.

⁴⁴ Близ устья Ташлыка есть Лысая Гора, уроцище с определенно ритуальным наименованием. Не здесь ли находилось святилище и стоял котел царя Арианта?

«Известно, что Борисфен течет с севера до Герра на 40 дней пути...» (§ 53).
«...река Герр отделяется (отщепляется) от Борисфена в том месте, *до которого эта последняя река известна*» (§ 56).
«Могилы царей находятся в Геррах, *до которых Борисфен судоходен...*» (§ 71).

Днепровские пороги не названы Геродотом, но они так явно подразумеваются в словах о рубеже днепровского судоходства и так прочно закрепляются двукратным упоминанием «области Герр» с ее хорошо известными нам курганами, что наличие у Геродота точных сведений о порогах не подлежит сомнению.

Геродоту, жившему в эпоху первичного познания Старого Света, очень хотелось собрать сведения об истоках всех важнейших рек. Сам он был удовлетворен только своими знаниями об истоках Дуная (II, § 34; IV, §§ 48, 49). Течение Нила он проследил по сообщениям египтян на четыре месяца пути от Египта, но должен был признать, что «об истоках Нила никто не в состоянии утверждать что-либо наверное» (II, § 34). По поводу истоков Борисфена он писал: «Не только я, но, кажется, и никто из греков не может определить истоков только Борисфена да Нила» (§ 53). Эту фразу нужно понимать как отсутствие сведений о той земле, из которой вытекает Днепр (Валдайская возвышенность): «а через чьи земли про текает — неизвестно». Однако Геродот знал, что верхнее и среднее течение Днепра до порогов требует 40 дней плавания.

Если допустимо на основании этих 40 дней решать вопрос о Березине как возможном верхнем течении Борисфена, то он должен решаться как будто бы отрицательно. При днепровском варианте день плавания равен 32–33 км (без учета мелких извилин), а при березинском — 24 км. В прослеженных нами примерах день плавания равнялся: на Дунае — около 36 км, на Гипанисе — около 35 км, днепровская величина дня плавания (разумеется, приблизительная, Геродотом не проверенная) — 32–33 км. Березинский вариант слишком резко выделяется и поэтому вызывает сомнения. Впрочем, учитывая приблизительность сведений Геродота, опираться на расстояние в 40 дней опасно. Валдайская возвышенность, откуда истекает Днепр, представлялась Геродоту пустыней.

Где-то на Днепре на пространстве 10 или 11 дней плавания (§§ 18, 53) размещались скифы-земледельцы («борисфениты»). Неясно, чем вызвано разноречие в количестве дней. По днепровскому счету дней плавания это будет 325 км (для 10 дней) и 357 км (для 11 дней), а по гипанискому — 355 км (для 10 дней) и 390 км (для 11 дней плавания).

Пространство, равновеликое земле борисфенитов, не умещается в нижнем отрезке Днепра, ниже порогов, т.к. от Запорожья до лимана всего лишь 270 км, что на полусотню километров меньше самого минимального расчета и на 120 км меньше максимального. В верхнем же отрезке Борисфена, выше «области Герр», равновеликое пространство может охватить течение Днепра от Киева почти до устья Ворсклы по минимальному счету и за Ворсклу, почти до Орели, — при максимальном.

Все это должно быть учтено нами при решении вопроса о размещении народов Восточной Европы по сведениям, собранным Геродотом.

ПАНТИКАПА. Одной из главных загадок геродотовой географии является р. Пантикапа, важная как ориентир при определении Земледельческой Скифии и скифов-кочевников.

Разноречия по поводу местоположения Пантикапы начались еще в античное время. Плиний вступил в спор с некоторыми географами, утверждавшими, что «Пантикан ниже Ольвии сливаются с Борисфеном», и заявлял, что более правы те, которые признают слияние Борисфена с Гипанисом. Но сам Плиний заставил Гипанис впадать в озеро Бук, т.е. в Сиваш. Писатель, очевидно, спутал Гипанис с Гипакириром, а куда должна впадать Пантикапа он вообще не сказал. Располагая многими данными, но плохо зная реальную географию Причерноморья, Плиний не мог понять Геродота, запутался в «гилеях», придумал какое-то «Гилейское море» и весьма приблизительно изложил географию побережья⁴⁵. На эту путаницу об-

⁴⁵ Латышев В.В. Известия..., с. 280–281.

ратил внимание еще Абрагам Ортелий на своей карте 1590 г., где он сводил воедино данные Геродота, Плиния и Страбона.

Долгое время (от начала XIX в. до 1970 г.) Пантикану отождествляли с левым притоком Днепра — Конкой, исходя из того, что Геродот перечислил реки в строгом порядке с запада на восток и даже пронумеровал их (§§ 51–57):

Первая — Истр
Вторая — Тира
Третья — Гипанис
Четвертая — Борисфен
Пятая — Пантикан
Шестая — Гипакирис
Седьмая — Герр
Восьмая — Танаис, в который вливается Гиргис.

Путаное описание Гипакириса и Герра у Геродота, затруднявшее отождествление их с современными реками, смущило исследователей и позволило им пренебречь строгостью геродотовой системы и предположить, что Пантикан не левый, а правый западный приток Днепра, и именно Ингулец. Некоторую роль сыграл и Плинний⁴⁶.

Уверенность в этом была иногда настолько велика, что приводила к комичной наивности. Пантикан «ошибочно помещается Геродотом восточнее Днепра, тогда как *на самом деле* (?) это правый приток реки», — писал М.И.Артамонов, не приведя ни одного доказательства в пользу этой гипотезы⁴⁷. Иногда за Пантикану принимали Самару или Орель, или даже «Черную Долину» в низовьях Днепра — ложбину, наполнявшуюся весенними водами⁴⁸.

Не имеет смысла приводить и разбирать многочисленные и разноречивые мнения о местоположении Пантиканы. Следует заново рассмотреть вопрос, опираясь на Геродота и допустив лишь одну оговорку: на первой стадии рассмотрения не исходить из того, что лес, упоминаемый в связи с Пантиканой («гилея»), тождествен «так называемой гиле, что подле Ахиллова Бега» (§ 76), т.к. этот лес или леса — вторая загадка Геродота; пока мы ее вынесем за скобки.

Начнем с геродотовского текста:

«За ними следует пятая река по имени Пантиканы, текущая также с севера и также из озера. Пространство между нею и Борисфеном занимают *скифы-земледельцы*. Она входит в полесье («гилею») и, протекши через нее, сливается с Борисфеном» (§ 54).

«К востоку от скифов-земледельцев, по ту сторону реки Пантиканы, обитают скифы-кочевники, не сеющие ничего и не пашущие. Вся эта страна за исключением гиляй безлесна. Кочевники занимают область к востоку на 14 дней пути» (§ 19).

Река Пантикан должна удовлетворять следующим условиям:

1. Пантикан должна быть левым притоком Днепра, текущим «с севера».
2. Река вытекает из озера.
3. Она проходит через лесной массив и после этого впадает в Борисфен.
4. Пантикан находится в 14 днях пути от крайнего восточного предела скифов-кочевников.
5. Река Пантикан является границей между земледельческой лесостепью и степью.
6. В углу, образуемом Пантиканой и Борисфеном, должны жить скифы-борисфениты.

⁴⁶ Браун Ф.А. Разыскания в области гото-славянских отношений. 1. Готы и их соседи до V века. СПб., 1899, с. 215.

⁴⁷ Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы. Л., 1974, с. 80.

⁴⁸ Семенкович В.Н. Гелоны и мордва. — Зап. Моск. археолог. ин-та, 1913, т. XXVII, рис. 10. Карта с. Богуша-Сестренцевича начала XIX в.

Чтобы не вводить читателя в заблуждение, я должен сказать, что в этом трудном случае (как и в некоторых других) я прибегаю к упомянутой выше системе опережающих «доказательств». Так, например, точное географическое расположение скифов-борисфенитов мною еще не доказано, но я уже был вынужден в разборе Гипаниса вводить это понятие, так сказать, взаимообразно.

В отыскании реки Пантикопы таким «опережающим доказательством» будет отождествление Танаиса с Северским Донцом (а не с Доном), принятие слова «гилея» в нарицательном смысле и размещение борисфенитов. Без такой системы разбор географии Геродота превратится в попытку решить одно уравнение со многими неизвестными.

Поиск местоположения Пантикопы начнем с того пункта наших условий, в котором есть точные цифровые показатели расстояний, с пункта 4. Земля скифов-кочевников кончалась у Танаиса; отсюда до Пантикопы было 14 дней пути, или 500 км. Принимая за восточный конец земли кочевников излучину Северского Донца, мы получим следующие результаты:

От Танаиса до Конки — 9 дней пути
От Танаиса до Самары — 11 дней пути
От Танаиса до Ингульца — 17 дней пути
От Танаиса до Ворсклы — 14 дней пути

Все предлагавшиеся ранее варианты (Ингулец, Конка, Самара) не подошли. Выявилась река, отстоящая точно на 14 дней по открытой степи, что делает расчет дней наиболее надежным.

Проверим Ворсклу по пунктам наших условий.

1. Ворскла — левый приток Днепра и течет с севера.
2. В верховьях Ворсклы на 10-верстной карте указан ряд озер у сел: Покровское (самые истоки), Ворскловая, Тамаровка и большое озеро в 2 км в поперечнике близ Хотмыжска. Все они в самых верховьях реки⁴⁹.

3. Загадочный лес — «гилея», через который протекает Пантикопа, легко разъясняется при ознакомлении с картой восстановленного растительного покрова⁵⁰. Ворскла течет от истока около 30 км по луговой степи, а затем, пользуясь словами Геродота, «она входит в лес (гилею) и, протекши через него, сливается с Борисфеном». Лес этот — огромные, уцелевшие частично и до сих пор дубравы — идет вдоль Ворсклы на 220 км. В среднем течении к дубравам добавляется бор, занимающий около 60 гектарных километров (они входят в 220 км общего протяжения). На расстоянии 90 км от устья Ворскла выходит из леса и впадает в Днепр почти точно с севера. Таким образом, геродотовская фраза о Пантикопе полностью применима к Ворскле.

4 и 5. Начинаясь в лесостепной зоне, Ворскла в нижней трети своего течения идет по границе настоящей ковыльной степи, отделяя земледельческие районы от кочевых. В эпоху Киевской Руси Ворскла (летописный «Вороскол») была крайним пределом русских земледельческих поселений. Здесь находился крайний пограничный пункт Руси — Лтава (совр. Полтава) на рубеже Полоцкого Поля. За Ворсклой шла широкая ковыльная степь, где постоянно хозяйничали скотоводы-кочевники.

6. Остается последнее условие: между Пантикопой и Борисфеном в образуемом ими прямом углу должны обитать такие же скифы-земледельцы, как и живущие выше по Борисфену на 10–11 дней плавания, т.е. подобные населению Киевской археологической группы борисфенитов. Работа Г.Т.Ковпаненко по изучению скифских памятников на Ворскле привела к выводу, что эти древности представляют собой «как бы остров правобережной раннескифской культуры, оказавшейся начиная с VI в. до н.э. в окружении племен с культурой посульско-донецкого типа». Колонизация с правого берега в угол между Борисфеном и Пантикопой началась еще в VIII — VII вв. до н.э.⁵¹

⁴⁹ Это четко отражено на всех крупномасштабных картах.

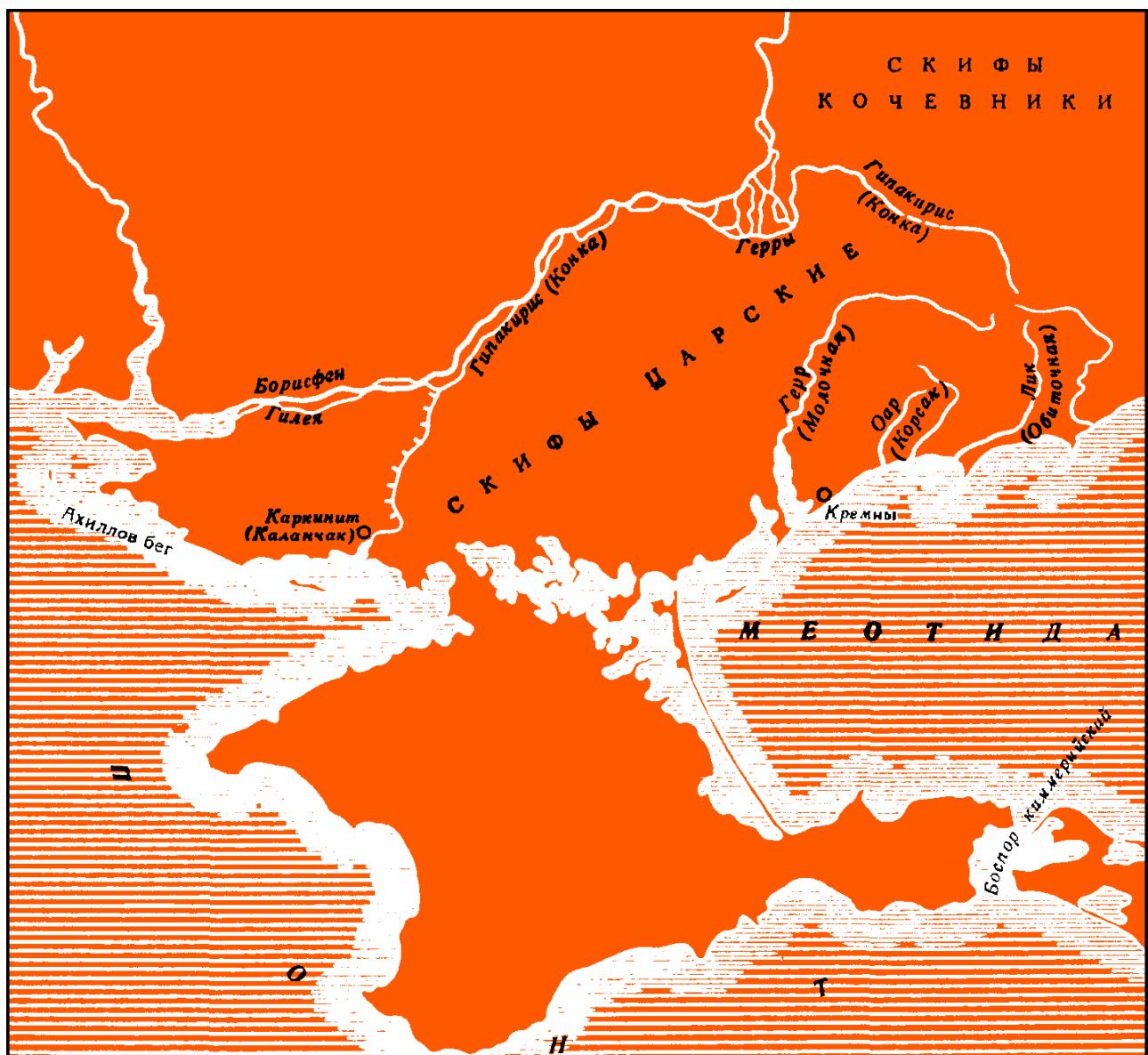
⁵⁰ Большой советский атлас мира, т. 1. М., 1939.

⁵¹ Ковпаненко Г.Т. Племена скіфського часу на Ворсклі. Київ, 1967; см. также: Ільїнська В.А. Скифи дніпровського лесостепного Левобережжя. Київ, 1968, с. 173.

Итак, всем условиям, которым должна удовлетворять геродотовская Пантикаша, вполне удовлетворяет Ворскла, пограничная река земледельцев и кочевников, упомянутая Геродотом после Борисфена потому, что она течет восточнее Днепра. Однако напомню, что в систему доказательств я условно включил три пункта: «гилею», отождествление Танаиса с Донцом и расположение борисфенитов на Среднем Днепре. Последний пункт отложим до общего рассмотрения географии всех племен Приднепровья.

Вопрос о Танаисе, частично уже рассмотренный в начале этого раздела, может быть уточнен на основе только что рассмотренных данных. Допустим, что Танаисом назван у Геродота Дон в его современном понимании. У Танаиса кончается земля скифов: «по ту сторону Танаиса нет более Скифии» (§ 21).

Радиусом в 14 дней пути (504 км) опишем дугу из излучины Дона у станицы Качалинской. Дуга эта пройдет юго-восточнее Харькова на Изюм и на юге дойдет до современного Жданова. Весь бассейн Днепра окажется вне этой дуги, чем и решается вопрос о Танаисе и притоке Борисфена Пантикаше. Дон слишком отстоит на восток от Днепра, тогда как путь в 14 дней от притока Днепра Ворсклы совершенно точно приводит к самой отдаленной излучине Северского Донца близ его впадения в Дон. Здесь-то и проходила восточная граница Скифии.

Гипакирис и Геррос

«ГИЛЕЯ» («Полесье», «Олешье»). Геродот шесть раз употребляет это обозначение, причем нам не всегда ясно, придает ли он этому слову смысл имени собственного или нарицательного («лес», «лесной массив» или даже «роща»).

Ошибкаю исследователей являлось то, что они полагали, будто бы Геродот во всех шести случаях говорит об одном и том же географическом пункте. Однако нетрудно заметить, что у Геродота совершенно определенно выступают *две разные группы* упоминаний о Гилее:

1. Неопределенное наименование «земли, называемой Гилеей», в § 9, где говорится о том, что в этой лесистой земле Геракл нашел мать своих будущих сыновей. Географически по тексту Геродота эта земля нам не ясна, но вполне вероятно, что она находилась на месте позднейшего русского «Олешья» («Полесья») на левом, южном, берегу Днепра у самой его дельты⁵². К этому же нижнеднепровскому Олешью следует отнести и упоминание Гилей в § 55, где речь идет о нижнем течении реки Гипакирис: река течет, «оставляя вправо Полесье и так называемый Ахиллов Бег». Устье Гипакириса впадало в Каркинитский залив; следовательно, под Полесьем — Гилеей подразумевалось то же Олешье в низовье Днепра, расположеннное, как и Ахиллов Бег, западнее Каркинина (см. карту).

В § 76 Геродот описывает трагическую смерть Анахарсиса, изменившего прядевским скифским обычаям и устроившего празднество в честь греческой Матери богов: «Он удалился в так называемую Гилею, что подле Ахиллова Бега, изобилующую всевозможным лесом». Здесь, как и в случае с Гипакириром, речь идет об одном и том же пункте — об Олешье близ устья Днепра.

Для нас чрезвычайно важно, что Геродот считает нужным предостеречь читателя от путаницы, делая специальную оговорку: то Полесье, тот лес, «что подле Ахиллова Бега». Значит он вполне допускает наличие других лесов, других Полесий — Гилей. Это тем более интересно, что в предшествующем тексте он уже говорил о лесах дважды и в данном случае ему нужно было точнее указать читателю, о какой именно гилее идет речь в рассказе об Анахарсисе.

2. Лес, не связанный в тексте Геродота с Ахилловым Бегом, упомянут в §§ 18, 19, 54.

«Если переправиться через Борисфен со стороны моря, то, во-первых, будет Полесье, а от него вверх живут скифы-земледельцы» (борисфениты) (§ 18).

Исследователи упорно игнорируют предостережение Геродота и без оговорок считают эту гилею именно тем лесом, что растет в низовьях Днепра. Поэтому поиски скифов-земледельцев превращаются в неразрешимую задачу — в бесплодных и безводных Алешковских песках (современное название) отыскать богатый земледельческий район протяженностью 350–400 км вдоль Днепра.

Пренебрегают и тем элементарным расчетом, что для низовий Днепра берег, к которому нужно «переправиться через Борисфен со стороны моря», будет не тем южным, левым берегом, где есть деревья Олешья-Гилеи, а противоположным, северным херсонским берегом, где нет ни лесов, ни кустарников. Это пространство между Ингулом и Ингульцом до сих пор почти пустынно.

Если же под гилеей § 18-го подразумевать тот левобережный лес, сквозь который протекает Ворскла-Пантикапа (§ 54), то все станет на свои места: читатель, следя за мыслью автора, должен переправиться через Днепр, но не у самой дельты, а в лесостепи, где была исконная переправа на левый берег, у устья Ворсклы. За Днепром будет двухсоткилометровая гилея Ворсклы, а «от него (Полесья) вверх» по Днепру на тучном черноземе и лёссе и будут располагаться земледельцы-борисфениты.

В § 19 говорится о том, что за Пантикапой идут безлесные земли кочевников: «...вся эта страна лишена деревьев за исключением Полесья». Здесь нет ничего нового; просто Геродот противопоставляет уже упомянутый ворсклинский лес (а, может быть, в понятие этой гилеи входили и дубравы верховий Северского Донца) подступавшей к нему с юго-востока безлесной степиnomадов.

⁵² Леса здесь носили прибрежный, плавневый характер и были связаны с пресноводной дельтой Днепра. О них говорил в своей «Борисфенитской речи» Дион Хризостом: «Берега лимана болотисты и покрыты густым тростником и деревьями. Даже в самом лимане видно много деревьев, издали похожих на мачты, так что неопытные корабельщики ошибаются, правя к ним, как бы к кораблям» (Цит. по: Латышев В.В. Известия... — ВДИ, 1948, №1, с. 355).

Итак, последнее препятствие к отождествлению Ворсклы (Вороскола) с Пантиканой преодолено.

Название реки Пантиканы давно получило истолкование лингвистов. В.И.Абаев, исходя из иранских параллелей, устанавливает двусложность имени: «панти» — путь и «канпа» — рыба, т.е. «рыбный путь»⁵³. Ян Збожил предложил другое толкование. Признавая первую часть за обозначение славянского П ТЬ — путь, вторую часть имени реки он возводит к славянскому же корню «кан», обозначающему «начало» (чешское — *záčtek*)⁵⁴. Этимология слова в целом остается неясной, но связь с понятием пути легко объясняется географическим положением Ворсклы. У устья реки существует старинная переправа через Днепр и до сих пор одно из сел носит название Переволочна (на правом берегу Ворсклы). Дельта Ворсклы носит примечательное название «Лески». Через эту переправу должен был идти древний путь из Гелона в Ольвию. Если считать от Гелона (Вельского городища), то путь шел 4 дня вниз по Пантикане, а после переправы через Борисфен у устья реки (у современной Переволочны) начинался новый сухопутный отрезок пути, через 8–9 дней приводивший к торжищу борисфенитов.

Из всех вспомогательных доказательств осталось географически не уточненным только понятие «скифов-земледельцев» («борисфенитов»), все же остальные вполне согласуются с отождествлением Пантиканы с Ворсклой.

ГИПАКИРИС И ГЕРРОС. Местоположение рек Гипакирис и Геррос указано Геродотом противоречиво. Нас должно интересовать как истинное положение их, так и причины геродотовских ошибок.

Гипакирис (шестую реку в общем описании гидрографии Скифии) обычно отождествляют с Конкой, а Геррос (седьмую реку) — с Молочной, что, надо полагать, верно, но не вполне сходится с текстом Геродота.

Гипакирис упомянут после Борисфена и Пантиканы; следовательно, он должен быть восточнее Днепра или левым притоком его, впадающим ниже, восточнее Пантиканы. С этим вполне согласуется, что данная река «пересекает область скифов-кочевников», но далее неожиданно следует: «и затем впадает в море у города Каркинитиды», находящегося вдали от Меотиды по ту сторону Перекопа и Крыма (§ 55). Где-то в степной части в Гипакирис должен впадать Геррос. Такой реки, которая принимала бы в себя приток, находящийся восточнее Перекопа, а впадала бы в Каркинитский залив, находящийся западнее перешейка, в настоящее время нет в природе.

Птолемей в этом случае нас не выручает, т.к. у него в географическом обзоре *морского побережья* реки Гипакирис нет (и не должно быть, если это — Конка). Путаница требует тщательного рассмотрения на фоне реальной гидрографии Нижнего Приднепровья. Обратимся непосредственно к тексту Геродота:

«Шестая река, Гипакирис, начинается из озера, течением своим разделяет землю скифов-кочевников пополам, вливается в море подле города Каркинитиды, причем правою стороны ограничивает Гилю и так называемый Ахиллов Бег» (§ 55).

«Седьмая река, Герр, отделяется от Борисфена в том месте, до которого эта последняя река известна. Он отделяется в этой области и носит такое же название, как и самая область — Герр. На пути к морю разграничивает земли скифов-кочевников и царственных. Изливается Герр в Гипакирис» (§ 56).

Начнем распутывать этот сложный клубок. Не будем слишком строго судить Геродота, т.к. даже мы, люди XX в., пользующиеся точными картами, не всегда отчетливо представляем себе запутанную гидрографическую ситуацию Нижнего Поднепровья: после порогов Днепр разветвляется на сотни протоков, то вытекающих из него, то возвращающихся и

⁵³ Абаев В.И. Скифский язык. — В кн.: Осетинский язык и фольклор. М., 1949, с. 237.

⁵⁴ Zbožil Jan. Herodotova Skythie a sousede. — Slovenská Archeologia, 1959, VII–2, s. 374, 415.

В древнерусском языке слово «кань» означало «образ», «вместилище» (см.: Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1883, стб. 1195).

принимающих в себя притоки Днепра. Протоки-тирлы тянутся на 100 км, образуя полосу плавней шириной в 15–20 км. В эту разветвленную водную систему впадает слева река Конка, текущая из глубины приазовских степей. На наших картах в атласах эта река показана обычно огибающей плавни («Конские Воды») и впадающей в Днепр под Никополем. И только после обращения к крупномасштабным картам мы узнаем, что р. Конка тянется еще на 220 км к юго-западу, течет параллельно Днепру и впадает в Черное море Збурьевским гирлом. Вот с этой-то своеобразной рекой и надо соотносить таинственный Гипакирис, хотя тождества здесь, как увидим, нет.

Герром называлась, по всей вероятности, как вся разветвленная система гирл («жерел»), образовавшаяся после прохождения Днепра через пороги, так и широкие окрестности этой полосы гирл. Поэтому можно допустить следующую расшифровку геродотовских «герров». Во-первых, Герром называлась местность по сторонам широкой полосы плавней и гирл. Здесь действительно находились царские курганы скифов и здесь был северный рубеж расселения кочевых скифов — «отдаленнейшего народа герров». Во-вторых, герром называли те протоки, которые «отделяются от Борисфена». Некоторые из этих протоков действительно «изливаются в Гипакирис», под этим последним подразумевается та часть Конки, которая окаймляет с юго-востока систему гирл.

В-третьих, Герром называли реку, истоки которой начинались в «местности Герр», и эта-то река «на пути к морю разграничивает земли скифов-кочевников и царственных». Именно эту реку, впадающую в Азовское море, и отметил Птолемей под $49^{\circ}50'$ северной широты и 61° восточной долготы. Ф.Браун, Ю.Кулаковский и последующие авторы правильно отождествляют эту реку с Молочной, впадающей в Азовское море несколько восточнее Крыма широким жерлом-лиманом (шириною в 7, а длиною в 33 км).

Вероятно, имеет смысл поставить перед лингвистами вопрос: не является ли геродотовское наименование «герр» обозначением «жерла» или «гирла» в нарицательном смысле? Тогда вполне понятно будет, что протяженная система днепровских протоков (где два села носят название «Гирл») называлась Герром, т.е. жерлами, гирлами.

«Местность Герры» — название, сходное с Запорожской Сечью: так называли и плавни, и острова, и земли вокруг плавней (например, «Чертомлыцкая Сечь») по обеим сторонам Днепра.

Во втором случае понятно будет и наименование «Герр» применительно к тем первым, северным протокам, которые ответвляются от Борисфена в самом начале «местности Герр». Третий же случай с рекою Молочной может быть объяснен двояко: во-первых, как река, вытекающая из «местности Герр», а во-вторых, как река, имеющая широкое и длинное жерло. Река Молочная-Герр действительно ограничивает с востока землю царских скифов.

Только так, расчленив геродотовскую реку на две независимые, несоприкасающиеся части — гирла, вытекающие из Днепра сразу после порогов, и реку, вытекающую из местности Герр, и можно разобрать ту несуразицу, которая возникла под пером великого историка в результате рассказов о многочисленных «геррах» то в нарицательном, то в собственном смысле.

Разберем фантастическое течение Гипакириса. Конка-Гипакирис действительно течет из глубины пустынных степей скифов-кочевников. В нее, как уже говорилось, действительно впадают многочисленные «герры» — протоки Днепра в плавнях Конских Вод.

Конка, огибая с юго-востока все плавни и то впадая в Днепр, то снова от него отделяясь, дотягивается до самого моря, нося здесь то же «лошадиное имя» Конки. Но у Геродота нижнее течение Гипакириса не сближается с Борисфеном: загадочная река впадает в хорошо известный Каркинитский залив, где Птолемей обозначает реку Каркиниту протяжением свыше 150 км и с шестью городами на ней. Река изгибается по направлению к Днепру. Ф.А.Браун предположил, что Гипакирисом является небольшая речка Каланчак, единственная впадающая в Каркинитский залив, но т.к. она в настоящее время слишком незначительна, то он допускает, что древний Гипакирис образовывался из серии озер, болот и пересыхающих речек между плавнями Днепра и Каланчаком⁵⁵. Идея Брауна верна; только при таком допущении возможно примирить противоречия описания. Но, учитывая данные Птоле-

⁵⁵ Браун Ф. Разыскания..., с. 218–224.

мая, следует сдвинуть систему Гипакириса несколько к западу. Если мы вычертим реку Каркиниту по координатам Птолемея и нижнее ее колено примем за современный Каланчак, то увидим, что верхнее течение Каркинита будет сближаться с Днепром в районе Каховки. Если же мы обратимся к карте государственных каналов 1950-х годов, то увидим, что птолемеевский Каркинит точно совпадает с отрезками этих каналов, отходящих от Днепра близ Каховки.

Попытаюсь описать общее течение Гипакириса, как его можно предположительно представить себе по тексту Геродота и координатам Птолемея. Истоком Гипакириса является река Конка, которая действительно делит степь между Днепром и Северским Донцом пополам. Озера в ее степных истоках нет. Далее Конка вплетается в сложнейшую систему днепровских плавней (гирл-герров), которая вполне могла быть принята за озеро. Конка-Гипакирис принимала в себя многочисленные протоки-гирла, чем, по всей вероятности, и объясняется фраза о том, что «Геррос изливается в Гипакирис». Для сохранения географической четкости нам необходимо допустить, что в этом пункте точность изменила Геродоту и он ошибся, приняв рассказы о гирлах, пополняющих Конку, за исток особой реки, носившей то же название — Геррос (Молочная).

Далее Гипакирис-Конка, обогнув систему гирл, течет рядом с Днепром по его восточной старице, но сохраняет свое особое название (как и ныне). Примерно в районе Каховки от Конки в древности отделялся проток, отходивший от Днепра влево, на юго-восток, и по ныне пересохшему руслу добирался до современного Каланчака, оставляя с правой стороны нижнеднепровскую Гилею и Ахиллов Бег, и впадал в Каркинитский залив. Ко времени Птолемея это ответвление от Днепра получило особое наименование реки Каркинита.

Незначительные в наши дни фрагменты этой необычной водной системы не позволяют понять включение Геродотом Гипакириса в число крупных рек, но если мы посмотрим на восстановленный нами Гипакирис, тянущийся на 10 «дней плавания», то мы поймем внимание к нему: начинаясь в степи скифов-кочевников, Гипакирис пересекал всю землю царских скифов от священных курганов Герроса до песков близ Олешья и выводил к особой укромной гавани Каркините, восточному рубежу «Древней Скифии».

ТАНАИС. Во вводных словах этой главы уже был затронут вопрос о Танаисе в связи с тем, что греки и римляне хорошо знали низовья и особенно устья рек, но далеко не всегда ясно представляли себе далекие верховья рек и особенно их истоки, выходящие из неизвестных северных лесов. Поэтому их представления о реке в целом туманны и неопределенны и нередко расходятся как между собой, так и с нашим современным пониманием реки, что мы уже видели на примере Гипаниса, который никак нельзя полностью отождествлять с Южным Бугом. У Страбона есть даже рационалистическое объяснение этим разноречиям географов: «Истоки Танаиса неизвестны... устья Танаиса мы знаем (их два в северной части Меотиды в 60 стадиях друг от друга); однако выше устья известна только небольшая часть течения реки из-за холодов и скудости... Кроме того, кочевники... преградили доступ во все удобопроходимые места страны и в судоходные части реки»⁵⁶.

Соберу воедино то, что было сказано о Танаисе в разных местах предшествующего текста.

Средневековая традиция считала Великим Доном Северский Донец плюс отрезок Дона, ведущий к морю.

К.Птолемей дает координаты Танаиса (два устья, изгиб, истоки), которые соответствуют не Дону, а Северскому Донцу плюс тот же отрезок Дона.

У Геродота расстояние в 14 дней пути должно отделять восточный край Скифии (у Танаиса) от одного из притоков Борисфена. Отсчет от излучины Дона показывает, что за 14 дней нельзя достигнуть ни одной из речек Днепровского бассейна; отсчет же от Донца точнейшим образом определяет лесистые берега Ворсклы-Пантикопы. Не противоречат этому и те точные географические данные, которые Геродот приводит в легенде о савроматах и амазонках (§§ 115–116). Юноши-скифы, пожелавшие взять себе в жены амазонок, согласились на их предложение найти себе новую землю за пределами Скифии:

⁵⁶ Страбон. География, кн. XI. М., 1964, с. 468.

Побережье Меотиды по Птолемею (схема)

«Снимемся отсюда, перейдем на ту сторону реки Танаиса и там поселимся (§ 115).

Юноши и на это согласились, перешли Танаис и удалились на 3 дня пути к востоку от этой реки и на такое же расстояние к северу от озера Меотиды. Пришли таким образом *в ту самую местность, которую занимают и теперь, и там поселились*» (§ 116).

Для нас очень важно, во-первых, то, что даны цифровые расчеты, а во-вторых то, что эти расчеты определяют место савроматов именно в геродотовское время, а не только в мифологическое. Однако при переходе от словесного описания к географической карте мы встречаемся с основной трудностью — нечеткостью ориентировки по странам света. Опасно каждое указание на север или восток понимать слишком определенно, буквально. Даже Птолемей, переложивший всю описываемую им землю на градусную сеть, сильно путался в ориентировке. Нас интересует «север Меотиды»; у Птолемея севером считался тот северо-восточный угол Азовского моря, в который впадает Дон. Два устья Дона, с нашей точки зрения, — северное и южное — у него соответственно обозначены как западное и восточное.

По всей вероятности, и Геродот точно так же представлял себе Меотиду и устье Танаиса, т.к. иначе он не мог бы вести отсчеты и от Меотиды и от реки — ведь строго на север от Меотиды (где текут Берда, Миус, Калмиус) Дона нет.

Разберем геродотовскую легенду об амазонках по пунктам:

1. Кочевья амазонок должны были быть на северо-западном (по нашему счету) берегу Меотиды, восточнее Кремн, где, согласно легенде, амазонки высадились на берег.

2. Переправа через Танаис (с правого берега на левый) должна была состояться у самой дельты Дона, т.к. дальнейшие отсчеты ведутся от Азовского моря. Переправившись через Танаис, юные скифы и амазонки оказывались за пределами той земли, на которую простиралась власть царских скифов (см. § 20).

3. «Три дня пути на север от озера Меотиды» мы можем понять только как движение вверх вдоль Дона, по его левому берегу. Три геродотовских дня приводят нас к месту слияния Северского Донца с Доном.

4. Если в этом месте мы отложим от линии геродотовского «севера» (т.е. северо-востока) перпендикулярно к ней линию геродотовского «востока», то она окажется идущей от устья Донца на юго-восток и достигнет Маныча примерно в том месте, где в него впадает Егорлык.

Согласно новейшим археологическим данным, любезно сообщенным мне К.Ф.Смирновым, именно здесь, по Манычской впадине, и проходила юго-западная окраина обширного сарматского мира, тянувшегося далее на восток через Сальские степи к Волге.

5. Сарматские археологические памятники есть и на северо-восток от Донца, подтверждая слова Геродота о том, что «за рекой Танаисом нет более Скифии; но первые земельные владения там принадлежат савроматам» (§ 21). Слова «за рекой Танаисом» могли бы быть поняты как определение *левого* берега Дона, но далее Геродот говорит о том, что савроматы живут на 15 дней к северу по соседству с лесной областью будинов.

Между верховьями Северского Донца и Доном есть много савроматских памятников действительно в большом удалении от Меотиды, что почти соответствует 15 дням по прямой. Есть савроматские памятники и непосредственно за Северским Донцом на реках Калитве и Быстрой ближе к излучине Донца. Исходя из этого под Танаисом следует понимать не Дон, а Северский Донец, т.к. именно за ним, *за Донцом*, уже начинаются реальные археологические следы савроматов геродотовского времени.

Не придираясь особенно к геродотовским указаниям на страны света, которые и не могли тогда быть точными, не упрекая историка за то, что он не знал всех извилин рек, мы должны признать, что савроматы жили действительно *за Танаисом* — Северским Донцом, на восток от него, в междуречье Донца и Дона, а также и на юго-восток от излучины Танаиса — Донца (совр. устье Донца) на три дня пути, т.е. в Сальских степях по Манычу.

Танаисом, рекой, разграничитывающей Скифию и Савроматию, отделяющей Европу от Азии, на основании устойчивой тысячелетней традиции следует называть Северский Донец плюс нижнее течение Дона (от устья Донца до моря).

СИРГИС (ГИРГИС?). Дважды Геродот упоминает приток Танаиса Сиргис (§ 123) или Гиргис (§ 57). Судя по тому, что он упомянут после Танаиса, он должен быть расположен восточнее его, т.е. быть левым притоком Танаиса. Если Танаисом признан Северский Донец, то имя Сиргис мы должны отнести к Среднему Дону, «впадающему» в Танаис. Но вполне возможно, что и в этом случае верховья этой савроматской реки не совпадали с нашим представлением о Доне. Кочевники, владевшие степями, могли принять за исток реки тот из притоков Дона, который начинался в их степях, все течение которого они могли проследить. Таким притоком мог быть Чир, правый приток Дона, текущий по степям до впадения в Дон более 200 км. Наименование Чир лингвистически близко к Сиргису. Если принять это предположение, то геродотовский Сиргис предстанет перед нами как средних размеров река протяжением около 450 км.

ОАР И ЛИК. Эти две реки, впадающие в Меотиду, не упомянуты Геродотом в общем перечислении наиболее важных рек Скифии. Они появляются только в описании кульминационного пункта скифо-персидской войны 512 г., и, вероятно, лишь потому, что здесь, на берегах Оара, Дарий остановил движение всего персидского войска, воздвиг огромный укрепленный район и отсюда же, «покинув наполовину воздвигнутые стены, повернул назад» (§ 124). Мотив упоминания этих рек совершенно ясен — историк, описывающий поход Дария, не мог не упомянуть о такой важной детали театра военных действий.

К сожалению, мысль исследователей пошла по двум ложным путям. Во-первых, отрицалась возможность отыскать на северном берегу Меотиды геродотовские реки. «Вдаваться в разбор северного побережья Азовского моря мы не станем: это был бы совершенно бесполезный труд», — писал Ф.Браун⁵⁷. Во-вторых, многим ученым казалось облазнительным

⁵⁷ Браун Ф. Разыскания..., с. 236.

и возможным сопоставлять важную для Геродота речку Оар с Ра-Волгой⁵⁸. Но тогда приходилось допускать, что Дарий удлинил свой и без того длительный поход еще на 450 км по расстоянию и на целый месяц по времени. Это не сходилось со сведениями о двухмесячном сроке похода и плохо укладывалось в геродотовскую географию, где среди крупнейших рек Волга не названа; кроме того, пришлось бы признать, что Волга впадает в Азовское море. Получалось много несуразиц, и из них был сделан оригинальный вывод: раз Дарий не мог дойти до Волги, то, значит, весь его поход недостоверен. На самом же деле недостоверно только отождествление меотидской речки Оар с Волгой.

Снова нашим путеводителем, вызволяющим нас из этих противоречий, будет Клавдий Птолемей, который был внимателен к географическим заметкам Геродота и сумел указать координаты всех геродотовских ориентиров в Приазовье. Правда, между Птолемеем и Геродотом прошло более шести веков, но живая эллинская традиция еще не успела прекратиться, и грек Птолемей, получивший детальнейшие сведения о Крыме и Азовском море, донес до нас в более точном виде то, о чем упомянул Геродот.

На реконструкциях птолемеевской карты, предложенных Ю.Кулаковским и Ф.Брауном и восходящих к первым реконструкциям конца XV в. (например, карте 1490 г.), далеко не всегда правильно проведена береговая линия, а, кроме того, Кулаковский, как и многие другие исследователи, нередко исходил из допущения, что Птолемей наносил на свою карту наиболее крупные реки, проведя своего рода предварительную классификацию рек вообще. Поэтому реконструкторы иногда отбирали на современной карте наиболее значительные реки и подыскивали им названия в птолемеевском реестре, не учитывая того, что у греческого географа могли быть свои особые соображения, в частности вполне понятный интерес к данным Геродота. Это предположение подкрепляется тем, что у Птолемея на небольшом пространстве в 30' (около 38 км) указано пять географических точек, сгруппированных вокруг геродотовских рек Лик и Оар (у Птолемея — Агар), тогда как на все оставшее побережье Азовского моря до самого Дона, исчисленное Птолемеем в 3°20' (свыше 125 км), приходится всего три точки.

Данные Птолемея таковы⁵⁹:

Географические пункты	в. д.	с. ш.
«Перешеек» (Перекоп), западный берег	60°20'	48°20'
Устье р. Геррос (р. Молочная?)	61°	49°50'
Город Кремны	62°30'	49°45'
Мыс Агар	63°	49°40'
Устье р. Агара	62°30'	50°30'
Роща «Рыболовля бога»	62°40'	51°15'
Устье р. Лика	63°	51°50'
Город Гигрей	63°30'	52°30'
Устье р. Порита	64°30'	53°
Деревня Кария	65°	53°30'
Западное устье р. Танаис	66°20'	54°10'
Александровы алтари	63°	57°

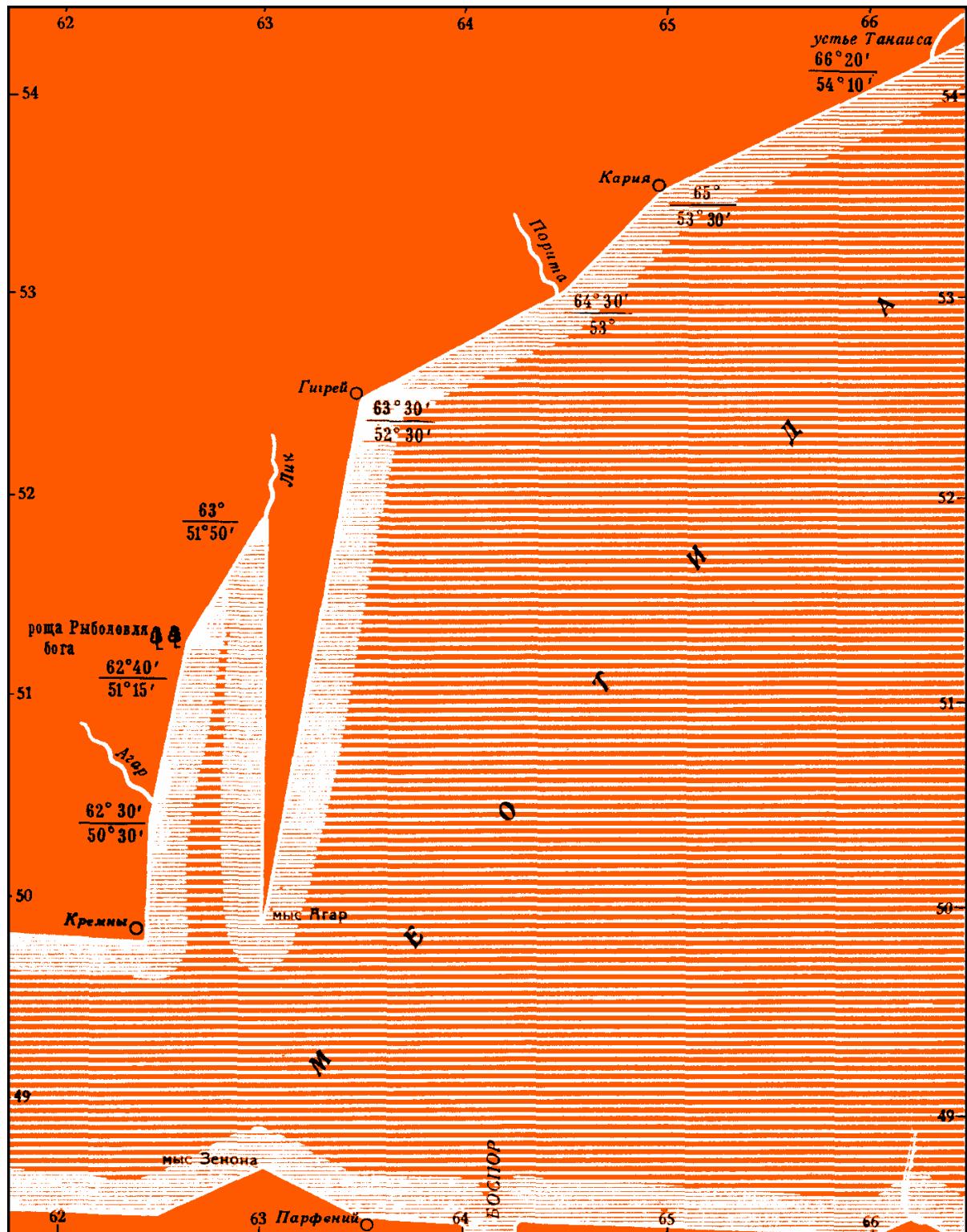
Из 12-ти поименованных точек возьмем две, легко определяемые на современной карте: Перекоп и «западное» (на самом деле северное, правое) устье Дона. Эти точки по Птолемею отстоят друг от друга ровно на 6°, но проверка показывает, что на самом деле здесь только 5°35'. Произведем интерполяцию и нанесем птолемееву сетку на современную карту.

⁵⁸ См., например: ВДИ, 1947, №2, с. 282. Примеч. комментатора; Браун Ф. Разыскания..., с. 244.

⁵⁹ Латышев В.В. Известия... — ВДИ, 1948, №2, с. 234, 235, 238.

Пользоваться этой сеткой без учета специфики античной географии, разумеется, нельзя, т.к. Птолемей, например, представлял себе Меотиду вытянутой не в северо-восточном направлении, а в северном, и это сказалось на указываемых расстояниях. Все же для получения исходной позиции нам следует начать с попытки использования птолемеевых градусных расстояний.

Возьмем за основу устье Дона как наиболее надежную точку отсчета при измерении Приазовья и разобъем пространство между Доном и Перекопом на птолемеевы градусы (с оговоренной выше поправкой). Мы получим следующую предварительную картину:

Меотида. Оар и Лик. По данным Птолемея

Кремны — где-то между озером Молочным и речкой Домузглы. Судя по тому, что «Кремны» означает «кручи», этот город следует локализовать на левом берегу р. Домузглы у самого ее устья, где действительно есть крутые склоны.

Р. Агар — показанная на одном меридиане с Кремнами, но на более северной широте, должна находиться где-то северо-восточнее по побережью, примерно в районе рек Корсак и Лозоватка.

Мыс Агар — огромная Обиточная коса длиною в 25 км, ограждающая с востока тот залив, в который впадают все упомянутые выше реки. Если за реку Агар принять р. Корсак, то расстояние между ее устьем и концом мыса будет действительно равно 30'.

Р. Лик — у Птолемея р. Лик указана на одном меридиане (63°) с мысом Агар. На современной карте на одном меридиане с Обиточной косой и точно так же, как у Птолемея, значительно севернее мыса находится устье р. Обиточной, которая, очевидно, и соответствует р. Лик.

Густок географических точек западнее косы Обиточной, будучи сопоставлен с натурой, позволяет исправить старую реконструкцию 1490 г., принятую Кулаковским, и предложить иной вариант, воспроизводящий (правда, с нарушением масштабности) реальную конфигурацию этого участка азовского побережья. Восточная часть Приазовья показана у Птолемея как залив, отделенный длинной узкой косой, чрезвычайно напоминающей существующую поныне. В XIX в. весь этот залив назывался Обиточной Пристанью. Внутри залива находятся устья рек Агар и Лик, а между устьями — загадочная роща «Рыболовля бога». На этом песчаном пустынном побережье роща сейчас нет, но как раз между устьями Корсака и Обиточной находится речка с интересным названием Лозоватка, т.е. «заросшая ивняком, лозами». Расстояние от Агара до «Рощи», в которой ловят рыбу, — 10' (т.е. около 12 км), реальное расстояние от Корсака до Лозоватки — 11 км. Думаю, что это уточняет наши расчеты и позволяет более уверенно считать рекой Агар реку Корсак. Тождество геродотовского Оара с птолемеевским Агаром едва ли вызывает сомнения, т.к. в обоих случаях это — реки северного побережья Меотиды и каждый раз Оар-Агар сопряжена с соседней рекой Лик.

На восток от рассмотренного геродотовского комплекса упомянута лишь одна река — Порита, которую по очень близкому фонетическому сходству следует сближать с р. Берда.

В итоге мы получаем следующие отождествления:

- р. Агар (Оар) — р. Корсак;
- мыс Агар — коса Обиточная, напротив р. Корсак;
- роща «Рыболовля бога» — р. Лозоватка;
- р. Лик — р. Обиточная;
- р. Порита — р. Берда.

Все эти пункты находятся на пространстве длиною в два дня конного пути, а собственно геродотовский комплекс (исключая птолемеевскую Пориту) занимает всего 30–35 км, т.е. один день пути.

Отождествление р. Оар с Ра-Волгой делало совершенно бессмысленным рассказ о скифском походе Дария и ставило под сомнение достоверность сведений Геродота вообще. Если же учесть координаты Птолемея, то геродотовский текст о походе 512 г. (к которому я вернусь в специальном разделе) получает четкое и вполне реальное истолкование: *основное* войско царя углубилось в Скифию не более чем на 20–25 дней пути, что вполне укладывается в сроки, указанные Геродотом.

* * *

Обзор геродотовских рек Скифии закончен. Мы должны признать, что Геродот собрал подробные и нередко очень точные сведения о реках, орошающих Скифию и в большинстве случаев связывающих ее с Понтом и Меотидой.

Дунай-Истр показан как юго-западный предел Скифии. Тиарант-Серет, Пората (Пирет)-Прут и Тира-Днестр, вероятно, соответствовали нашим представлениям об этих реках, т.к. у них нет крупных притоков, которые могли бы в древности быть приняты тем или иным народом за исток реки, отличающейся от того, что мы сейчас считаем истоком.

Неожиданным, но, на мой взгляд, бесспорным оказалось отличие геродотовского Гипаница от Южного Буга, с которым его обычно отождествляли. Наиболее вероятным представляется следующий составной вид Гипаница: Горный Тикич — Синюха — нижнее течение

ние Южного Буга. Протяжение всей реки — 9 дней плавания. «Незначительная речка» Эксампай, по всей вероятности, — Черный Ташлык, левый приток Синюхи. Магистральная река Скифии — Борисфен-Днепр — описана Геродотом скорее с экономической стороны, чем с географической. Правда, указана вполне достоверная протяженность течения Днепра от истоков до порогов, дважды Геродот подразумевает (но не называет) днепровские пороги, но общего целостного описания Борисфена у него нет.

Пантикапа-Ворскла, приток Днепра, разграничающий земледельческую лесостепь и ковыльную степь скотоводов-номадов. Упоминание этой реки, удаленной от моря, по всей вероятности, связано с тем, что у ее устья издавна существовала переправа через Днепр, лежащая на прямой линии Ольвия — Гелон, город, в котором жили греческие купцы и слышалась эллинская речь.

Гидрия из с. Песчаного

Труднее всего отстаивать предложенную мною реконструкцию сложного течения Гипакириса-Конки, т.к. Геродот допустил одну оплошность в описании — он не уточнил понятие «герра»: это могло быть собственным именем реки, но, по всей вероятности, могло быть и нарицательным наименованием «протока», «гирла». Геродотовский Гипакирис — Конка, втекающая в «Конские Воды» Днепра, текущая затем вплотную к Днепру и ответвляющаяся от него в низовьях; впадала эта река в древности (теперь этот отрезок пересох) в Каркинитский залив и ее остатком является Каланчак. Геррос — это р. Молочная, как давно установлено исследователями на основании координат Птолемея.

Поблизости от Герроса находятся две небольшие речки: Оар-Корсак и Обиточная-Лик, важные для Геродота как определение места лагеря Дария Гистаспа. Геродот почему-то причисляет их к крупным рекам, хотя они едва ли даже в его время были значительны и могли быть полноводны только в весеннее половодье.

Крайними восточными реками, упомянутыми Геродотом, являются Танаис и Сиргис.

Танаис — восточная граница Скифии; за Танаисом — Савроматия. Анализ разнородных данных привел меня к убеждению, что Танаис не Дон, а Северский Донец и низовья Дона, что савроматские земли начинались за Донцом, на восток от него и на юго-восток (за нашим Доном).

Рекою Сиргис мог быть Дон до впадения в него Донца, но мог быть и Чир в соединении с отрезком Среднего Дона.

Полученная речная сеть Скифии отличается в ряде случаев от нашего понимания рек Черноморского бассейна, но без попыток реконструкции геродотовского понимания речной системы мы не сможем приступить к рассмотрению племен и народов, что является нашей главной задачей.

Геродотовские реки важны для нас как единственные географические ориентиры, заменяющие позднейшую градусную сетку Птолемея.

ПУТЕШЕСТВИЕ ГЕРОДОТА В СКИФИЮ

Есть в Аравии местность, расположенная около города Буту. Я ездил туда, чтобы разузнать о крылатых змеях.

Прибыв на место, я увидел кости и хребты в несметном количестве...

Геродот

Для понимания Геродота, для определения степени достоверности его сведений чрезвычайно важно установление границ его личных наблюдений и выявление тех пунктов, где он мог собирать информацию. Еще в 1886 г. Ф.Мищенко, полемизируя с Сейсом (очень скептически относившимся к Геродоту), убедительно говорил о добросовестности историка и его личных впечатлениях, полученных во время поездки в греческие колонии Причерноморья⁶⁰.

По степени подробности описания считается общепризнанным, что Геродот был в Ольвии и именно здесь собрал свои основные сведения о скифах. «Ольвия, — пишет С.А.Жебелев, — была, так сказать, штаб-квартирой Геродота, откуда он мог совершать экскурсии сравнительно непродолжительные и не очень далекие, если принять в расчет средства сообщения в середине V в. до н.э.»⁶¹ Геродот действительно подробно говорит об Ольвии, расположенной близ устья Южного Буга, но называет он ее «Торжищем Борисфенитов», хотя географически город тяготеет к Гипанису, а не к Борисфену. Отсюда, от Гипаниса, Геродот описывает народы вверх по этой реке. Он хорошо представляет себе Днепровско-Бугский лиман, знает, что в устье Днепра «сама собою собирается соль в огромном количестве»; он пил «чистую и приятную на вкус» днепровскую воду (§ 53). Геродот знает мыс, разделяющий устья Буга и Днепра, — он «называется мысом Гипполая»; на нем находится святилище Деметры. По ту сторону святилища при Гипанисе живут «борисфениты», т.е. днепровские купцы, приезжающие в Ольвию. Геродоту известно, что Ольвия основана мильтянами. Историк записал «от Тимны, доверенного Ариапейфа», рассказы о гибели двух скифских царей: Анахарсиса (дяди Иданфирса, победителя Дария в 512 г.) и Скила, сына Ариапейфеса. Оба они погибли за измену родной скифской религии и восприятие греческих обычаяев. Оба рассказа, изобилующие генеалогическими подробностями до пятого колена (т.е. примерно до рубежа VII и VI вв. до н.э.), географически связаны с Ольвией и ее окрестностями. Анахарсис был застрелен в Гилее, «что подле Ахиллова Бега», т.е. в самых низовьях Днепра, а Скил, увлекаясь эллинским образом жизни, построил себе в городе борисфенитов «обширный пышный дом, вокруг которого стояли сфинксы и грифы из белого мрамора» (§ 79). Геродоту известно даже то, что ольвийский дворец Скила сгорел от молнии.

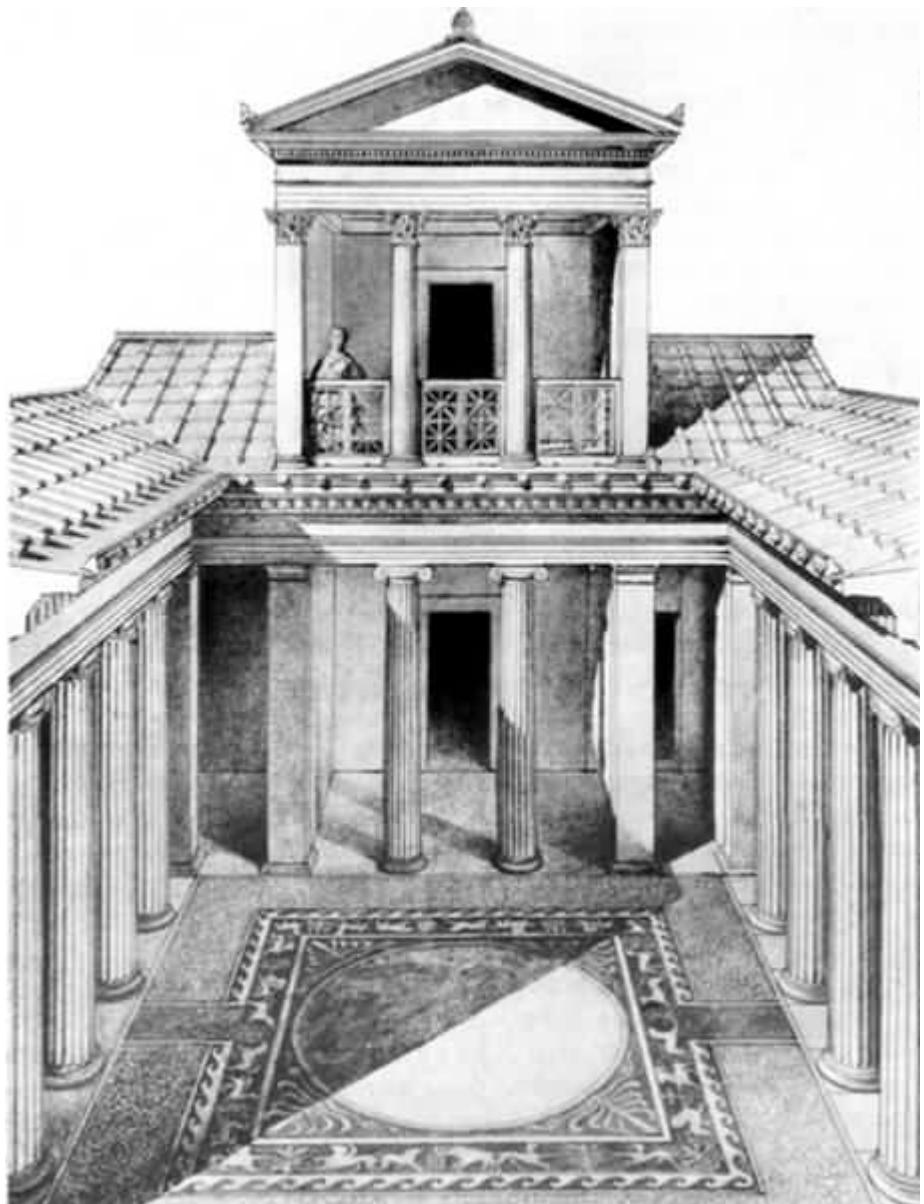
Сомневаться в том, что Геродот побывал в Ольвии и ее окрестностях, не приходится. Но только ли Ольвией и «непродолжительными экскурсиями» близ нее был ограничен круг поездок Геродота?

Для ответа на этот источниковедчески очень важный общий вопрос нам необходимо рассмотреть три частных: какую цель ставил Геродот, предпринимая путешествие на северный берег Понта? Какие города, известные нам, он упоминает? Где в его описании можно усмотреть не передачу чужих слов, а «эффект присутствия»?

Что касается цели путешествия Геродота, то мы с полным основанием можем высказать предположение, что он предпринял поездку ради сбора сведений о фракийско-скифском походе Дария Гистаспа в 512 г. Вся информация, собранная им, расценивает события не с персидской, а со скифской точки зрения и могла основываться на рассказах самих скифов (эпические легенды) или местных, причерноморских эллинов. Замыслом Геродота могло быть путешествие по следам Дария от Боспора Фракийского до Меотиды. Это предположение должно быть проверено, но высказано оно сейчас, в начале поиска, потому что оно в известной мере организует этот поиск.

⁶⁰ Мищенко Ф.Г. Был ли Геродот в пределах Южной России? — Киевская Старина, 1886, т. XV, май, с. 349–355.

⁶¹ Жебелев С.А. Источники для изучения античной культуры Северного Причерноморья. — В кн.: Античные города Северного Причерноморья, т. 1. М.—Л., 1955, с. 7.

Богатый ольвийский дом. Реконструкция Б.В. и М.В.Фармаковских

Города упоминаемые Геродотом, на первый взгляд не проясняют нашего основного вопроса; перечень их кажется случайным и весьма неполным.

Ко времени написания Геродотом его «Истории» в Северном Причерноморье существовало большое количество таких давно построенных и процветавших городов, как Тира, Ольвия, Феодосия, Пантикопей, Фанагория, Горгиппия и многие другие. Однако, как ни странно, Геродот умалчивает о всех этих городах за исключением Ольвии. Обо всех остальных прославленных городах Геродот говорит суммарно: «...прочие торжища на Понте» (§ 24). Даже тогда, когда речь идет о тех местах, где заведомо были греческие колонии, Геродот обходит их молчанием. Так, говоря об устье реки Тиры, он упоминает о «ступне Геракла в скале, которую показывают приезжим» (§ 82), пишет об эллинах-тиритах, но не говорит о том, что эти тириты построили себе город.

Точно так же он поступает и в отношении Боспора: он говорит лишь о проливе, о переправе по льду зимой, но умалчивает о многочисленных городах на берегах Боспора Киммерийского.

Все это еще раз убеждает нас в том, что Геродот неставил перед собой задач чисто географического описания. Он, как историк, интересовался теми скифами, которые смогли противостоять Дарию и обратить его семисоттысячное войско в бегство.

Описание же греческих городов не входило в его замыслы, т.к. не представляло ничего нового и интересного для его слушателей и читателей.

Из этого систематического умолчания о греческих колониях Северного Причерноморья, рассредоточенных почти по всему пути персидских войск, мы можем сделать вывод о

нейтралитете городов, точнее о дружественном нейтралитете по отношению к персам, на стороне которых были греческие тираны юго-западного Причерноморья и Пропонтиды.

В связи со всем сказанным десяток городов, все же упомянутых Геродотом, представляет особый интерес.

Первые пять городов (начиная с запада) прямо связаны с вторжением персов во Фракию. Это Халкедон и Византий на разных берегах Босфора Фракийского, близ которых архитектор Мандрокл построил мост, соединивший Азию с Европой (§§ 85–88). Далее упоминаются в связи с персидскими победами такие прибрежные города, как Салмидес, Аполлония и Месембрания, сдавшиеся Дарию (§ 93). Другие более северные города этого западного побережья Понта не названы.

Ольвия, как и другие пункты на северном берегу Понта, упомянуты не в связи с походом Дария, а при описании рек и народов Скифии. Кроме Ольвии, упомянуты в Северном Причерноморье: небольшой городок Каркинитида (§§ 55 и 99) в углу одноименного залива, маленькая пристань Порфмий (§ 45) в северо-восточном углу Керченского полуострова и нигде более не упоминаемый (кроме Птолемея) эмпорий Кремны (§§ 20 и 110) в западной части побережья Азовского моря; в глубине скифских земель упомянут огромный деревянный город Гелон (§ 108), взятый персидским отрядом.

Все эти города могут быть связаны с войной 512 г. Первые пять упоминаются в связи с военными действиями во Фракии, а четыре северных города находятся близ трассы скифского похода Дария вдоль Понта и Меотиды. Закончился этот поход неподалеку от Кремни. Единственное исключение представляет Порфмий, лежащий в стороне от театра военных действий.

* * *

Рассмотрение других признаков связи путешествия Геродота с походом Дария начнем в том порядке, в каком двигались персидские войска в 512 г.

Схема похода Дария Гистаспа в 512 г.

Поход начался в Сузах, в глубине Персидской империи. Геродот ничего не говорит о движении персов по Азии. Войско должно было пройти 3 месяца по так называемой «царской дороге» — около 2000 км от столицы до переправы в Европу на Фракийском Боспоре.

Геродот, приплывший сюда через Геллеспонт и Пропонтиду (Мраморное море), с большой подробностью говорит о пребывании на Боспоре Дария и о постройке архитектором Мандроклом моста из Азии в Европу близ Византия и Халкедона.

Геродот сам, используя сочетание скорости корабля и времени, потребного на преодоление того или иного расстояния, измерил протяженность Пропонтиды и ширину Боспора в месте постройки моста.

Геродот подробно описывает действия Дария у преддверия неведомой ему Европы; и, когда говорит о том, как царь любовался видом Черного моря, он добавляет от себя, что им, Понтом, «действительно можно было любоваться» (§ 85). Геродот знал не только то, что Дарийувековечил свой переход через Босфор постройкой двух каменных столбов с ассирийскими и греческими надписями о многоплеменном составе его войска, но и то, что жители города Византия впоследствии перенесли эти столбы в свой город и употребили их на жертвенник Артемиды Орфосии. Внимательному историку известно даже то, что один камень (тот, что с ассирийской надписью) был брошен византийцами около храма Диониса. Знал он и местные предания о постройке Византия и Халкедона и связанную с ними оценку халкедонцев (выбравших худшее место для поселения) персидским военачальником Мегабазом (§ 144). Вся сумма сообщаемых подробностей не оставляет сомнений в том, что Геродот начал свое историческое путешествие здесь, на Босфоре, где в свое время Дарий переправился на европейский берег.

Персидское войско вторглось во Фракию; царь остановился у истоков реки Теар. Геродот «по словам окрестных жителей» сообщает о целебных свойствах истоков Теара и добавляет, что «источников этой реки 38. Все они вытекают из одной и той же скалы» (§ 90). «Одни из них, — продолжает Геродот, — имеют холодную воду, другие — теплую. Пути к этим источникам одинаковы по длине от города Герея, что подле Перинфса, и от Аполлонии, что на Евксинском Понте, — каждый в 2 дня». Геродот детально описывает систему левых притоков Гебра (совр. Марицы), в которую входит р. Теар, и упоминает еще об одном памятном столбе царя Дария (§ 91). Подробности убеждают нас в том, что Геродот побывал на месте трехдневной стоянки персидского войска на Теаре.

Далее Дарий двинулся к Дунаю и шел, очевидно, широким фронтом по многим дорогам, т.к. сам он оказался на р. Артеск (совр. Арда), в земле одрисов (самая южная часть совр. Болгарии), а его войска легко овладевали приморскими городами — Салмидесом, Аполлонией и Месембрией. Персидское войско раскинулось примерно на 200 км. Маршрут Геродота определяется следующими ориентирами: Мраморное море (довольно точно измеренное самим Геродотом), окрестности Византия, город Перинф на северном берегу Пропонтиды, истоки р. Теар «в двух днях пути» от Перинфса, далее (судя по тому, что от Теара пути указаны *в два конца*) к морскому порту Аполлонии, до которого тоже два дня пути. Здесь прекращаются сведения Геродота о продвижении войск Дария по Фракии, и читатель сразу переносится к дельте Истры, в землю придунайских гетов, о нравах и верованиях которых Геродот говорит достаточно подробно (§§ 93–96). Кроме того, Геродот определяет в днях пути протяженность дунайских гирл, перечисляет мелкие речки между Прутом и Серетом, как бы смотря на них с востока, со стороны моря. Вполне возможно, что путь от Аполлонии до «шеи Истры» Геродот проделал на корабле и поэтому не разузнал никаких подробностей о сухопутном движении персов на пространстве от фракийских племен одрисов и кирман на юге до устья Истры на севере, т.е. на протяжении 350 км.

Обилие подробностей и точных сведений о дельте Дуная убеждает нас в том, что Геродот сам побывал в этих местах. Так и должно было быть, если историк писал исследование о походе 512 г. Ведь низовья Истры были важным рубежом в движении персидского войска: здесь, на гетском берегу, закончился фракийский этап похода, а на левом, северном берегу Дуная начинался тот самый скифский поход, описание которого Геродот посвятил основную часть четвертой книги.

Если к берегам Боспора Фракийского Геродота влекло желание описать место перевозы огромного семисоттысячного персидского войска из Азии в Европу, то не менее важным для него было место перевозы через величайшую реку Европы. И надо отдать ему справедливость, он собрал здесь много очень важных сведений, без которых научное восстановление хода скифской кампании 512 г. было бы невозможно. Вот краткий перечень того, что в рассказах Геродота связано с низовьями Истры:

Постройка моста Мандроклом через Истр (§ 89)

Прибытие союзной персам греческой эскадры в 600 кораблей (§ 89).

Подробнейший перечень геллеспонтских, ионийских и эолийских тиранов, командовавших кораблями 11 городов (§ 138).

Предание о попытке разрушения моста после перехода персов и о мудрой речи Косса, сына Ерксандра из Митилены на о-ве Лесбосе (§ 97).

Предание об отсчете Дарием 60 дней будущего похода, на протяжении которых греческая охрана должна сторожить мост (§ 98).

Рассказ о битве со скифами в трех днях пути от Истра (§ 122).

«Агафирский логос» — рассказ о благородной отваге агафирсов, отстоявших свою землю от вторжения скифов (§ 125).

Отправка скифского отряда от Меотиды к мосту на Дунае (§ 128).

Переговоры скифов с охраной моста (§ 133).

Вторичный приезд скифов к дунайскому мосту по истечении 60 дней (§ 136).

Совещание греческих полководцев. Спор Гистиэя с Мильтиадом (§ 137).

Ложное разрушение части моста Мандрокла (§ 139).

Уход скифов от моста (§ 140).

Переправа бежавших персидских войск через Дунай во Фракию (§ 141).

Надо думать, что Геродот собрал эти детальные сведения как в греческих городах в окрестностях дельты (Истрополе, Трезме), так и у местного гетского и агафирского населения обоих берегов Истра (§§ 93–97, 119, 125). Двух-, трехмесячная история стратегического моста Мандрокла стала нам известна во всех подробностях в результате того, что Геродот потратил много усилий на сбор разнородных данных о событиях, происходивших близ устья Дуная в 512 г. Все это, взятое вместе, не оставляет сомнения в том, что на пути из Византии в Ольвию Геродот посетил низовья Дуная.

Следующий промежуточный пункт по направлению к Ольвии — устье Тиры. Геродот говорит о нем мимоходом, из чего следует косвенный вывод, что город в днестровском лимане (Тира) не играл роли в скифо-персидской войне и не заинтересовал историка, даже не упомянувшего о нем. Дарий со своим войском, очевидно, прошел значительно севернее г. Тиры, чтобы избежать трудной переправы через широкий лиман. Однако корабль Геродота, по всей вероятности, не миновал этой бухты, т.к. в книге содержится «эффект присутствия»: «На берегу реки Тиры показывают ступню Геракла в скале, похожую на след человека, но в два локтя длины» (§ 82). Передавая легенду о междуусобицах киммерийских вождей, Геродот говорит о царском некрополе: «Всех царей, перебитых друг другом, киммерийский народ похоронил у реки Тиры; могила их до сих пор еще видна...» (§ 11).

От устья Тиры за один день плавания корабль достигал Ольвии, явившейся, по выражению С.А.Жебелева, штаб-квартирой Геродота, пребывание которого в этом Торжище Борисфенитов почти ни у кого возражений не вызывало. Не повторяя того, что уже было сказано о небольших разъездах Геродота по окрестностям Ольвии (Гипполаев мыс, святилище Деметры, Гиляя, устье Днепра), мы должны обратить особое внимание на углубление путешественника внутрь Скифии.

Прямым доказательством пребывания Геродота на Эксампае, в четырех днях пути от лимана к северу (около 140 км), является уже приводимый мною пример с чашею царя Арианта, которую Геродоту «показывали воочию» (§ 81).

Исходя из того, что речка Эксампай «протекает на границе скифов-пахарей и алазонов» (§ 52), мы должны признать, что любознательный историк добрался до тех земледельческих племен лесостепи, «которых живущие у р. Гипаниса эллины (именующие себя ольвиополитами) называют борисфенитами» (§ 18). Оживленные торговые связи ольвиополитов с борисфенитами, блестящие подтвержденные массовым археологическим материалом, облегчили Геродоту путешествие по хорошо наезженным путям от Ольвии до пограничных «Священных Путей» земледельческих скифов.

Судя по археологической карте⁶², Геродот пришел в соприкосновение с тем южным краем Киевской группы земледельческих культур скифского типа, где находились курганы близ Турии, Журовки, Макеевки и такие крупные знаменитые городища, как Шарповское и Пастырское. Здесь смыкались бассейны Гипаниса и Борисфена (притоки Тясмина-Тисмени), здесь начиналась лесостепь с островами дубрав и граба. Это была уже не та Скифия, относительно которой Дария предупреждали: «Ты готовишься, царь, вторгнуться в такую страну, где не найдешь ни вспаханного поля, ни населенного города» (§ 97). Здесь были и мощные пограничные крепости, и вспаханные поля: их, быть может, и имел в виду Геродот, когда с восхищением писал о берегах Борисфена, «вдоль которых тянутся превосходные пахотные поля» (§ 53).

К сожалению, мы не можем вполне достоверно определить, как далеко проник Геродот в землю скифов-пахарей. Местность Священные Пути, несомненно посещенная Геродотом, определяется, как выяснено выше, с достаточной точностью. Но как велика она? Если считать, что это — долина Черного Ташлыка (где и на современных картах перекрещиваются пути к низовым Роси и в долину Тясмина), то ее протяжение с запада на восток около 80 км.

Отсутствие подробностей о самой речке Эксампай, отделяющей скифов-пахарей от алазонов, не позволяет утверждать, что Геродот проехал по этим местам. Иное дело описание Гипаниса, изобилующее, как мы видели выше, многими подробностями. Ни одна река Скифии, кроме Борисфена, не описана с таким знанием всех особенностей, как Гипанис. Нельзя отрицать того, что Геродот не только по словам местных жителей, но и по личным наблюдениям мог описывать верховья Гипаниса; он знает: во-первых, что верхнее течение реки равно пяти дням плавания; во-вторых, что река на этом протяжении мелка, что вода ее сладка на вкус; в-третьих, он очень хорошо представляет себе истоки реки. Здесь расположены пастища, где пасутся дикие белые лошади, здесь есть большое озеро, из которого вытекает Гипанис (по моему мнению, Горный Тикич). Геродот как бы скрепляет, подтверждает своим свидетельством то, что Гипанис берет начало из озера: «Озеро это справедливо именуется матерью Гипаниса» (§ 52).

Система озер, из которых вытекает Горный Тикич, образует треугольник со сторонами 15 и 20 км. Само озеро Горный Тикич протяжением 8 км заслуживает название «большого». Оно действительно расположено на краю узкой зоны луговых степей с прекрасными пастищами, а дикие кони, как уже указано выше, водились на этих лугах еще в XI — XII вв. н.э.⁶³

Горный Тикич течет параллельно Днепру на протяжении 70 км, и расстояние между ними (т.е. от Гипаниса до Борисфена) равно на этом участке точно трем дням пути (около 105 км). Это заставляет нас вспомнить слова Геродота о том, что скифские земледельческие племена «занимают пространство к востоку на 3 дня пути...» (§ 18). К сожалению, ни западная точка отсчета, ни восточный рубеж им не указаны. Изложенная ситуация вполне отвечает измерениям Геродота: не вся Земледельческая Скифия была шириной в три дня пути, а от маршрута историка по Гипанису Борисфен как рубеж земли борисфенитов (на широте устья Сулы) отстоял на три дня пути, что вполне достоверно. Быть может, именно отсюда и отмечал на восток протяженность земли борисфенитов наш путешественник?

Нельзя утверждать, но можно предполагать, что Геродот, изучая две половины скифского мира, кочевую и оседлую земледельческую, захотел ознакомиться с теми скифами-земледельцами, которые были столь тесно связаны с Ольвией, что дали ей свое имя — «Пристань днепровцев», Торжище Борисфенитов.

К достоверно известному нам пути Геродота до Священных Путей мы можем с меньшей уверенностью, но все же с достаточным основанием добавить его дальнейший путь на север почти до бассейна Роси.

Маршрут историка проходил по малонаселенным (точнее, археологически мало изученным) областям, где ему могли встречаться неукрепленные поселки и курганы. Погранич-

⁶² См.: Тереножкін О.І., Ільїнська В.А. Скіфський період. — В кн.: Археологія УРСР, т.ІІ. Київ, 1971, карта.

⁶³ О конях вокруг озера косвенно может говорить топонимика: среди группы озер есть с. Конела, а несколько восточнее — с. Кобыляки.

ная цепь крепостей-городищ осталась в стороне, к востоку от его пути, чем, быть может, и объясняется полное умолчание о городах. Озеро «Мать Гипаниса» (в 35 км севернее Умани), предполагаемая конечная точка путешествия Геродота на север, находилось почти в геометрическом центре Земледельческой Скифии, на границе двух археологических групп — Киевской и Восточноподольской, километров на 50 севернее линии, проведенной от Немировского городища на Буге к Матронинскому городищу на Тясмине.

Выясняя маршрут Геродота по североскифским областям, необходимо коснуться подробного описания города Гелона в земле будинов, которое может натолкнуть на мысль о посещении Геродотом этого города.

«В земле их (будинов) есть деревянный город по имени Гелон. Каждая сторона городской стены имеет в длину 30 стадий (около 5,3 км). Стена высока, вся из дерева, равно как и дома и храмы будинов.

Там есть святилища эллинских божеств с кумирами, алтарями и храмами из дерева, а в честь Диониса там каждые два года устраиваются празднества с оргиями» (§ 108).

Соблазнительно видеть в этом описании отражение личных впечатлений путешественника, тем более что подобный огромный деревянный город нам известен — это Вельское городище на Ворске, изучаемое в настоящее время Б.А.Шрамко⁶⁴. Однако следует сказать, что «эффект присутствия» здесь не ощущим. Не нужно забывать, что в Гелоне жили греческие купцы, что там слышалась эллинская речь. Археологические данные подтверждают широкие торговые связи жителей Вельского городища с греческими городами на Понте.

Все перечисленные выше приметы этого города вполне могли быть сообщены Геродоту этими эллинскими торговцами, связывавшими Ольвию с отдаленной Пантикопой. А Геродот должен был интересоваться Гелоном, должен был расспрашивать купцов о нем, т.к. Гелон был, по всей вероятности, крайним северным пунктом, до которого добралась персидская конница во время кампании 512 г.

Мне представляется, что подробное и красочное описание Гелона — результат не личных впечатлений Геродота, а опроса купцов-эллинов, хорошо знавших этот необычный город днепровского Левобережья. Геродот даже не упомянул, на какой реке стоит Гелон, что он должен был бы обязательно сделать, если бы лично осмотрел его; он умел привязывать неизвестное к известному, но здесь он этого не сделал.

Итак, сухопутные экскурсии Геродота из Ольвии мы должны, по-видимому, ограничить долиной Гипаниса, но не только до пограничного Эксампая, находившегося на полпути, а и в глубь земледельческой Скифии до самых истоков реки, вытекающей из сердцевины археологически известных скифских, борисфенитских земель.

* * *

Проблема морских путешествий Геродота по водам Евксинского Понта почти не затронута в науке. Хотя Геродот и говорит сам о себе, что «я измерил Понт, Боспор и Геллеспонт и моря эти действительно таковы, какими я описал их» (§ 86), вопрос о его реальных плаваниях даже не ставился.

Измерения морей, которыми так гордился Геродот, были признаны совершенно ошибочными и даже фантастическими⁶⁵. Действительно, если без всякого анализа перенести результаты геродотовских измерений на современную карту Европы, то Понт окажется огромным морем от Кавказского побережья до берегов Италии.

Прежде чем производить необходимые для проверки расчеты, обратим внимание на описание Геродотом северного берега Черного моря на восток от Ольвии. Здесь, как уже бы-

⁶⁴ Шрамко Б.А. Крепость скифской эпохи у с. Вельск — город Гелон. — В кн.: Скифский мир. Киев, 1975. Возражения В.А.Ильинской (см.: Ильинская В.А. Скифы и сарматы. Киев, 1911) нельзя признать убедительными.

⁶⁵ «Приводимые Геродотом цифры совершенно не сходятся с данными о величине Черного моря, известными из древней географии» (Геродот. История. Л., 1972, с. 521, прим. №60).

ло отмечено выше, названы только три небольших городка: Каркинитида, Порфмий, Кремны.

Нетрудно заметить, что два из них (Каркинитида и Кремны) лежат на пути персидских войск в походе 512 г., когда Дария заманивали в глубь Скифии вдоль Меотиды. Именно это и могло заинтересовать историка, знакомившегося со Скифией.

Каркинитида находилась близ устья Гипакириса, впадавшего в сохранивший свое название Каркинитский залив. Сам по себе этот городок едва ли представлял интерес для Геродота, но то, что он упомянул его, упомянул третьюстепенную р. Гипакирис, может наталкивать на мысль, что, осматривая такие интересные окрестности Ольвии, как Ахиллов Бег, историк мог доплыть и до Каркинитского залива.

Для нас значительно важнее установить, плавал ли Геродот по Черному морю за пределы окрестностей Ольвии? Упоминание Порфмия и Кремн само по себе ничего не доказывает. В нашем распоряжении есть признаки того, что Геродот знал Боспор Киммерийский:

«...весь Боспор Киммерийский замерзает, так что скифы, живущие по сю сторону рва, идут в поход по льду и на повозках переезжают на ту сторону в землю синдов» (§ 23).

Этих данных недостаточно для утверждения, что Геродот видел своими глазами Боспор Киммерийский, хотя в его рассказе есть подробности, говорящие о знакомстве историка с северной зимой: он видел снег (и развеял легенду о «перьях»), он знал, что зимой здесь не бывает гроз и дождей и что зимой «не сделаешь грязи, пролив воду на землю» (§ 28).

В нашем распоряжении есть более веское доказательство продвижения Геродота восточнее Ольвии. Свой рассказ о географии Скифии Геродот начинает с северо-западного побережья Понта, с дельты Дуная:

«Начиная от Истра я буду описывать, с целью измерения, приморскую часть собственно Скифской земли» (§ 99).

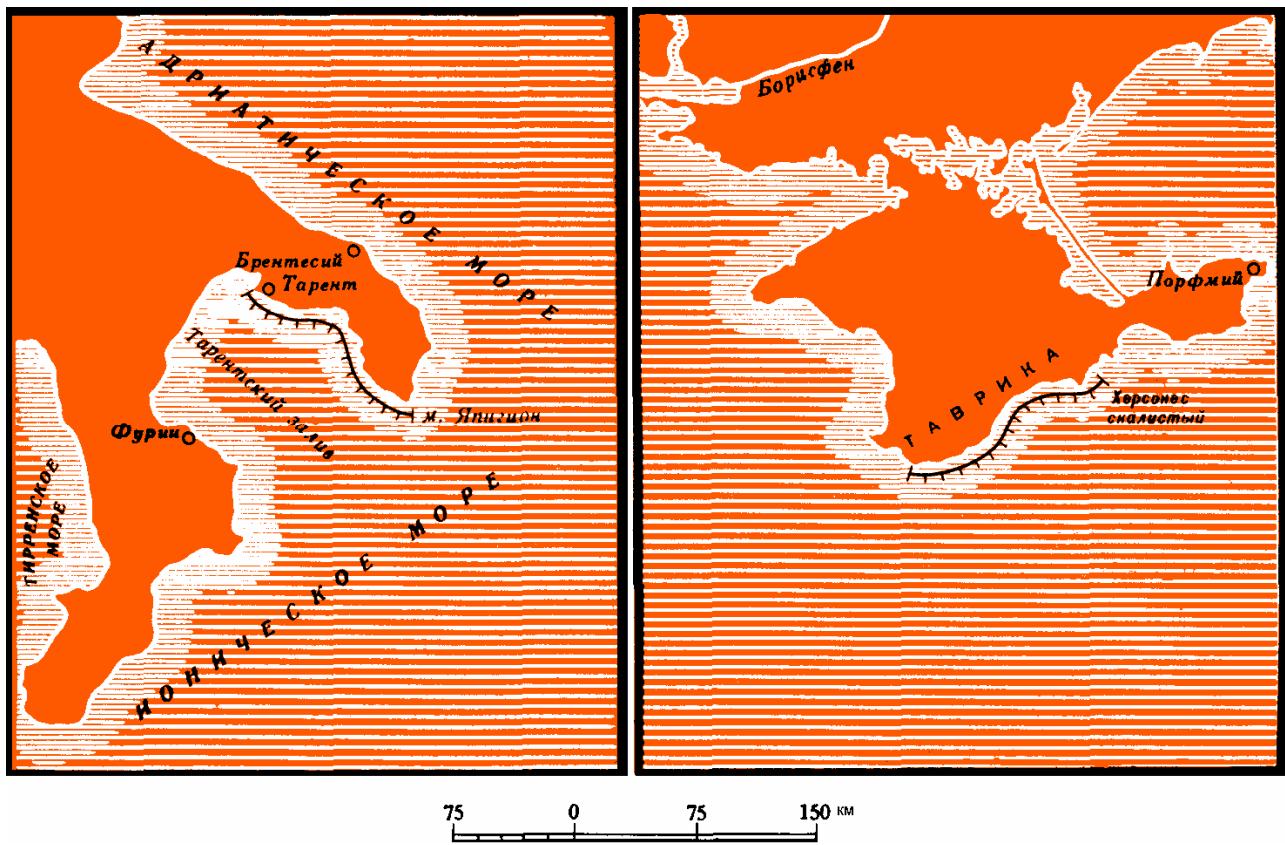
В своем описании Геродот ведет читателя далее на восток к Крыму. Описывая Таврику, Геродот пропускает всю северо-западную низменную часть Крымского полуострова и очень точно описывает все юго-западное побережье, заселенное до «Херсонеса Скалистого» таврами, а далее на восток — скифами. Под Скалистым Херсонесом следует, очевидно, понимать мыс Меганом за Судаком (иначе — Чобан-Басты), где высота скалистых берегов достигает 669–771 м. При этом Геродот дает два драгоценнейших для нас географических сопоставления, на которые не было обращено достаточного внимания: во-первых, он сопоставляет южный гористый отрог Крымского полуострова, заселенный таврами, с частью Аттики, а, во-вторых, уточняя свои сравнения, привлекает Апулийский полуостров в Италии (каблук «итальянского сапога»). В Аттике Геродот отделяет небольшую южную часть полуострова, завершающуюся мысом Сунионом (от Анафлиста на западе до Форики на востоке). Береговая линия от любого из этих пунктов до Суниона — около 10 км. Чувствуя, что это сравнение нечетко обрисовывает Крым, Геродот оговаривается:

«Я сравниваю это, насколько можно сравнивать малое с великим» (§ 99).

Малое здесь — часть Аттики в 10 км, а великое — горный Крым с береговой линией от Фороса на юге до Феодосии — около 130 км. Далее у Геродота идет текст, не оставляющий сомнений в том, что он сопоставлял именно побережья с точки зрения мореплавателя:

«Тому же, кто не плавал мимо этого мыса Аттики, я разъясню на другом примере».

«Другой пример» рассчитан на друзей Геродота, живущих в Фуриях, новопостроенной колонии в Тарентском заливе:

Сопоставление Таврии с Япигией (совр. Италия)

«Тавры обитают в этой части Скифии так, как если бы в Япигии другое племя, а не япиги отрезало бы для себя землю от гавани Брентесия (совр. Бриндизи) до Тарента и населяло бы полуостров. Кроме этих двух стран, я мог бы назвать еще много других, на которые похожа Таврия» (§ 99).

Второй пример Геродота поразительно точен: побережье от Тарента до мыса Япигиона равно 130 км. Таким образом, из словесного сопоставления Геродота мы получаем при помощи современных карт следующий цифровой материал:

Побережье тавров
130 км

Побережье япигов
130 км

Точному знанию Геродотом протяженности Калабрии (Апулии) мы не должны удивляться, т.к. в 443 г. Геродот принимал участие в постройке Фурий, находящихся на берегу того же самого Тарентского залива. Геродот жил в Фуриях, там, по мнению исследователей, писал свою «Историю» и по одному из преданий там и умер⁶⁶. Ему, вероятно, много раз приходилось плавать по заливу от Тарента до Япигиона, и он хорошо знал протяженность этого полуострова. Сравнение таврского берега Крыма с полуостровом в Италии оказалось совершенно точным.

Если Геродот мог с такой точностью определить протяженность таврского побережья, то мы вправе думать, что он проплыл вдоль этого берега и тем методом измерения морей при помощи скорости корабля, которым он сам мерил Геллеспонт и Боспор Фракийский (§§ 85, 86), определил и здесь интересующее его пространство. Недаром он писал, что «будет описывать с целью измерения». Еще больше в личном ознакомлении убеждает последующий текст, описывающий земли, лежащие восточнее таврских гор:

«За таврами опять живут скифы частично дальше на восток на морском побережье, а частью на западе Киммерийского Боспора и озера Меотиды» (§ 100).

⁶⁶ Лурье С.Я. Геродот. Л., 1947, с. 16, 24–27.

Обратимся для проверки к нашим вспомогательным материалам. Карта ландшафтных зон подтверждает, что сразу за Феодосией кончаются горные области и до самого Керченского пролива идет ковыльная степь. Археологическая карта дает нам от Фороса до Меганома и почти до Феодосии таврские селища⁶⁷, а далее на восток, на степном побережье Керченского полуострова, действительно идут скифские памятники, возглавленные знаменитым курганом Куль-Оба.

Точность описания Геродотом всего юго-восточного побережья Крыма и Керченского полуострова удостоверена, во-первых, правильным определением протяженности таврского горного побережья, уподобленного итальянской Япигии, а во-вторых, вполне достоверным размещением скифов как на морском побережье восточнее тавров, так и на западном берегу пролива. По всей вероятности, Геродот плыл из Ольвии в Каркинитиду, а оттуда — на южную оконечность Тавриды, например на маяк Форос (это объясняет невнимание к северо-западному берегу), а затем проплыл вдоль всего юго-восточного побережья до самого Боспора Киммерийского, отметив по пути как рубеж между таврами и скифами «Херсонес Скалистый».

Помимо географической точности опытного мореплавателя, мы располагаем для этого отрезка морского пути Геродота также и его личными впечатлениями. Повествуя об обычаях крымских тавров (§ 103), Геродот говорит, что они отрубают головы врагам и уносят к себе домой, а «потом натыкают на длинный шест очень высоко над домом, *большею частью даже над дымоходом...*» Эта фраза производит впечатление рассказа очевидца, наблюдавшего такие черепа на шестах на разной высоте от дома. Для того чтобы разглядеть высокие шесты с черепами на них, вздымающиеся над дымоходами, не обязательно было высаживаться в разбойничьей земле тавров — это зрелище можно было наблюдать с корабля, проплыvавшего мимо этих страшных мест. Таврские поселения располагались на склонах, обращенных к морю, и были хорошо видны мореплавателям.

Проплыv мимо таврского побережья и измерив его протяженность, Геродот ознакомился с Керченским полуостровом, проплыл вдоль Боспора Киммерийского и упомянул самый северный пункт на проливе — городок Порфмий («Переправа»), находящийся у входа в Меотиду. Напротив Порфмия, на северном, «европейском» берегу Меотиды находились Кремны, близ которых у р. Оар Дарий Гистасп начал строить свой укрепленный район, покинутый им как только он осознал полную безнадежность стратегической ситуации:

«Пришедши в пустыню, Дарий приостановил поход и расположился с войском у реки Оара, затем воздвиг восемь больших укреплений на равном расстоянии одно от другого, *приблизительно стадий на 60*.

Остатки этих укреплений уцелели до моего времени» (§ 124).

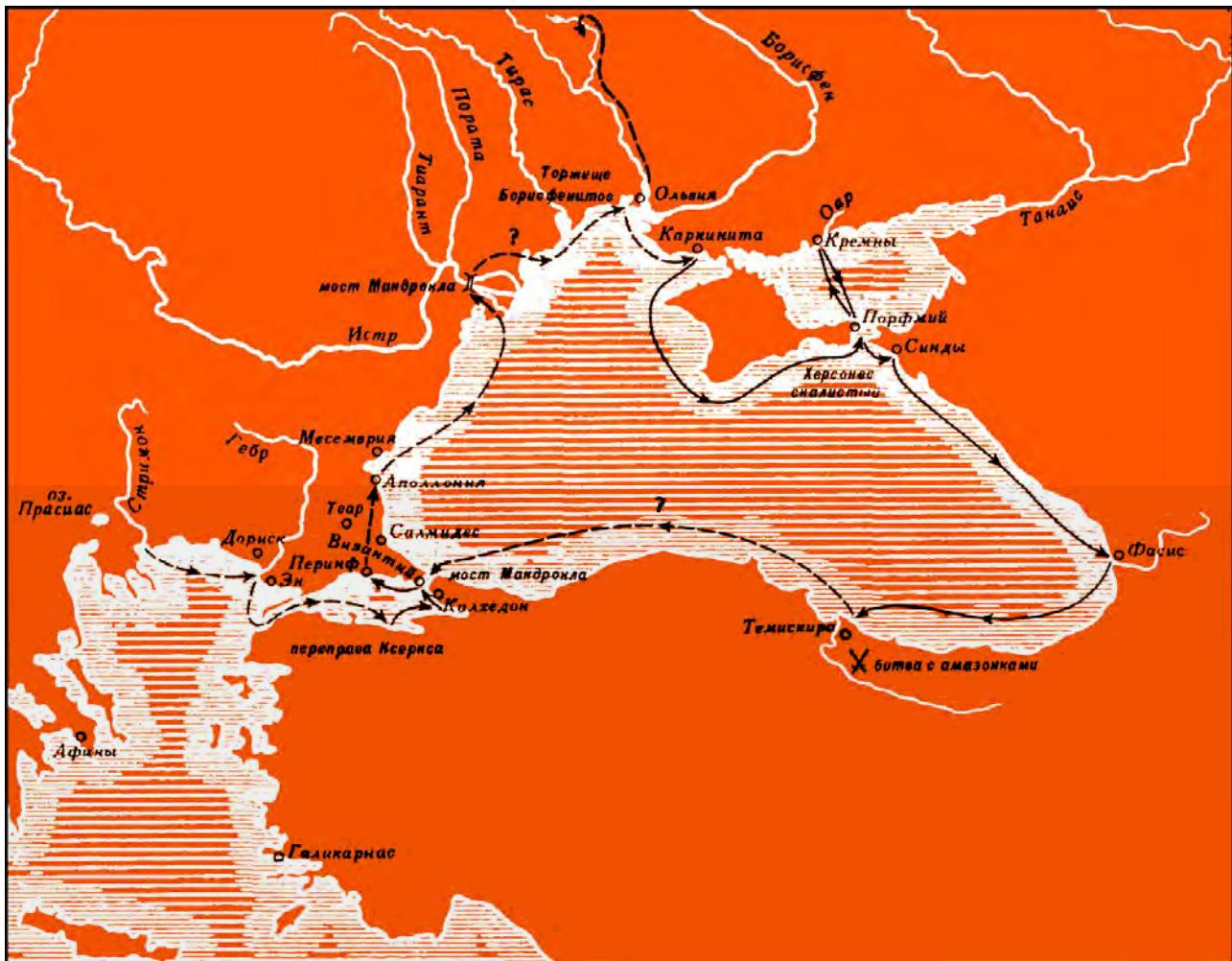
В последний раз мы ощущаем здесь «эффект присутствия» Геродота в описываемых им местах. Геродот знает небольшую речку Оар (Корсак?), на которой персидское войско строило укрепления, знает соседнюю тоже незначительную речку Лик (Обиточную?), знает пустыню, действительно подступавшую к самому морю. В этой степи «в поле безводном» потерпело поражение войско Игоря в 1185 г.; на картах XVIII в. пространство на север от Азовского моря называлось точно так же: «Deserte sans eaux».

Геродот знал размеры укреплений и, что особенно важно, отметил *приблизительность* указанной им цифры. 60 стадий — величина значительная (10 км 950 м) и измерять ее совершенно точно не было надобности. Укрепления не были завершены:

«Дарий покинул наполовину воздвигнутые стены, повернулся назад и пошел к западу».

Недостроенный лагерь был поворотным пунктом во всем скифском походе Дария; отсюда начался отход на запад, завершившийся затем бегством.

⁶⁷ См. карту таврских памятников: Крис Х.И. О таврах и кизил-кобинской культуре. — ВДИ, 1971, №4, с. 158, рис. 1.

Путешествие Геродота вокруг Понта

Вполне вероятно, что, путешествуя ради выяснения достоверной картины персидского похода 512 г., любознательный Геродот проплыл из Ольвии вокруг Тавриды в Меотиду к тому знаменательному месту, где Дарий осознал свою неудачу и начал попятное движение. Пристанью, где высадился Геродот, был, очевидно, тот единственный город на Меотиде, который он упомянул, — эмпорий Кремны (где-то западнее совр. Ногайска).

* * *

Получив бесспорные данные о морском путешествии Геродота вокруг Крымского полуострова, подтвердившие высокую точность его измерений, мы должны вернуться к тем определениям величины Черного моря, которые так скомпрометировали Геродота в глазах ученых. Описывая Понт, Геродот говорит:

«Из всех морей это — наиболее достопримечательное. В длину оно имеет 11 100 стадий, а в ширину в самой широкой части — 3300...» (§ 85).

«Измерения эти я произвел следующим образом: обыкновенно корабль проходит в течение довольно длинного дня почти 70 000 оргий, а за ночь — 60 000.

Между тем от устья Понта до Фасиса (что составит длиннейшую часть Понта) плавание длится 9 дней и восемь ночей, а это дает 1 110 000 оргий, или 11 100 стадий.

До Фемискиры, что на реке Термодонте, от Синдики (в этом месте Понт наиболее широк) — три дня и две ночи плавания, что составляет 33 000 оргий, или 3300 стадий. Таким-то способом измерил я Понт...» (§ 86).

В переводе на метрическую систему это даст нам (принимая афинскую стадию за 177,6 м) 1 953,6 км для продольного измерения Черного моря и 585 км для его меридионального поперечника. Фактические размеры действительно сильно разнятся от геродотовых вы-

числений: продольная величина моря от Босфора до устья Риона на Кавказском побережье («от устья Понта до Фасиса») около 1080 км и от Анапы почти до устья реки Ешиль-Ирмак на южном берегу («от Синдики до Термодонта») — около 400 км. Геродотовские промеры оказываются явно преувеличенными по сравнению с нашими измерениями по прямой.

В античной географии не было единой установившейся точки зрения на параметры Понта. Об этом свидетельствует сводка, сделанная Плинием Старшим, использовавшим данные Артемидора, Агриппы, Муциана, Корнелия Непота и Марка Варрона⁶⁸. Расхождения между авторами достигают 700 км. Для нас очень важно отметить, что все перечисленные авторы давали не прямолинейные измерения длины и ширины Черного моря, а *окружность* моря или измерения одного только европейского берега от Боспора Фракийского до Боспора Киммерийского. И эти измерения делались по ходу корабля, заходящего в те или иные гавани. Общее протяжение европейского берега определялось (как это видно из данных Марка Варрона, цитируемых Плинием) суммой отдельных расстояний между пристанями:

«От входа в Понт до Аполлонии — 187 500 „шагов“
отсюда до Каллатии — столько же (187 500)
отсюда до устья Истра — 125 000
от Истра до Борисфена — 250 000
до гераклийского города Херсонеса — 375 000
до Пантикея, некоторыми называемого Боспором, крайнего пункта на европейской стороне, — 212 500 шагов
В итоге образуется 1 337 500 шагов».

Марком Варроном измерен тот самый путь, который интересует и нас в связи с предполагаемым маршрутом Геродота. Следует сказать, что расстояние определено очень неточно: береговая линия от Босфора до Керченского пролива (без мелких изгибов) составляет около 1400 км, а Варрон указывает 1900. Возможно, что такое превышение произошло от захода в мелкие промежуточные пристани, когда ход корабля представлял собой подобие гирлянды, окаймляющей берег. Если с точки зрения берегового, каботажного плавания мы подойдем к расчетам Геродота, то увидим, что они довольно точно соответствуют реальным измерениям прибрежной линии вдоль черноморского берега от Босфора до Ольвии и далее мимо Крыма и Керченского пролива до самого устья Риона, до Фасиса, «где корабли поворачивают свой бег».

<i>Расстояние от «устья Понта до Фасиса», в стадиях</i>	<i>По Геродоту, в км</i>	<i>Расстояние по современной карте (каботаж)</i>
11 100	1971	1930

Репутация Геродота восстановлена: он измерял не геометрический диаметр Черного моря, как думали исследователи, а то реальное расстояние, которое нужно было проплыть на корабле для того, чтобы, отправившись из Босфорского пролива вдоль северного берега Понта, достигнуть противолежащей точки в Колхиде у устья Фасиса-Риона. И измерял, следует сказать, много точнее, чем римские географы спустя несколько веков. Такое точное измерение каботажного черноморского маршрута еще раз подтверждает высказанное выше предположение о морском путешествии Геродота из Ольвии на восток вокруг Таврики и к Керченскому проливу. Здесь Геродот должен был на время отклониться от объезда Понта и отправился через Меотиду осматривать лагерь Дария близ Кремн. Однако можно полагать, что из своей азовской поездки Геродот вернулся на восточный, азиатский берег Боспора Киммерийского в Синдику (близ Анапы). Геродотом записана, во-первых, дальность морского плавания от Синдики до южного берега Понта, а во-вторых, определено расстояние до Колхиды:

⁶⁸ См.: Латышев В.В. Известия... — БДИ, 1949, №2, с. 277.

«От озера Меотиды до реки Фасиса и страны колхов — 30 дней пути для пешехода налегке» (II, § 104) 10.

Сам Геродот, судя по точности измерения им каботажного плавания до Фасиса, плыл от Синдики на корабле, по-прежнему делающем около 230 км за сутки непрерывного хода. Пребывание Геродота в Колхиде не подлежит сомнению. Во второй своей книге Геродот пишет:

«Колхи, по-видимому египтяне; я это понял еще прежде, чем услышал от других. Заинтересовавшись этим, я *стал расспрашивать как в Колхиде*, так и в Египте. Колхи сохранили более ясные воспоминания о египтянах, чем египтяне о колхах...» (II, § 104)⁶⁹.

«Назову еще одну черту сходства колхов с египтянами: только они одни, да египтяне изготавливают полотно одинаковым способом. Так же и весь образ жизни и язык у них похожи» (II, § 105).

Цель поездки Геродота в Фасис и Колхиду нам неизвестна. Возможно, что это был просто обратный путь вдоль нового, еще не знакомого ему восточного и южного побережья Понта; западный и северный берега он уже осмотрел и изучил, а путь к Босфору Фракийскому через Фасис и Синопу был всего лишь на одни сутки длиннее. На этом обратном пути мы можем наметить, кроме Колхиды, еще одну область, в рассказе о которой ощущается «эффект присутствия». Геродот несколько раз говорит о городе Темискире на р. Термодонте. Термодонт (совр. Термех) — небольшая речка южного побережья, впадающая в Черное море в 170 км восточнее Синопы и в 30 км восточнее древнего Ириса (совр. р. Ешиль-Ирмак).

Городок Темискира находился недалеко от устья Термодонта. Сами по себе эти географические пункты были слишком незначительны для того, чтобы служить ориентирами, но Геродот, определяя ширину Понта, выбирает не Трапезунд или всем известную Синопу, прочно связанный торговыми операциями с Северным Причерноморьем, а незначительную Темискиру, расположенную в стороне от магистральных путей и даже не являвшуюся морским портом:

«До Темискиры, что на реке Термодонте, от Синдики (в этом месте Понт наиболее широк) три дня и две ночи плавания, что составляет 3300 стадий» (§ 86)⁷⁰.

Геродот хорошо осведомлен о народах вокруг Термодонта и знает о них даже разные интимные подробности. Так, ему известно, что на южном берегу Понта живут «сирийцы», воспринявшие обычай обрезания от колхов. Он называет племя макронов (южнее Трапезунда) и упоминает «сирийцев», живущих у Термодонта и далее на запад до речки Парфения. Все это говорит о хорошем знании южного берега по обе стороны Термодонта. Форма изложения («те сирийцы, что живут при Термодонте... утверждают, что недавно переняли обрезание от колхидей» — II, § 104) позволяет думать, что Геродот сам слышал эти утверждения. Нетрудно догадаться, что именно привлекло внимание «отца истории» к тем двум пунктам в юго-восточном отсеке Черного моря, о которых он сообщил столько подробностей, — к Колхиде и к Темискире на Термодонте.

Колхида — легендарная страна золотого руна, предел плавания Тесея и аргонавтов.

Темискира — место действия другой легенды, повествующей о победе эллинов над амазонками:

⁶⁹ Путь от Анапы до Поти (устье Риона-Фасиса) составляет около 500 км. Геродотовский пешеход каждый день приближался к Фасису всего лишь на 17 км, что объясняется обилием речек и извилистой линией берега.

⁷⁰ Расчет Геродота или неверен или же требует особого разъяснения. 3300 стадий = 586 км, а прямой путь от Синдики (Анапа) до устья речки Термех ≈ 410 км. Очевидно, корабли шли с севера на Синоп и оттуда доходили до Темискиры (около 580 км). Сам Геродот едва ли плыл подобным образом.

Скифский медный котел VI в. до н.э. Курган Келермес на Кубани

«На реке Термодонте эллины одержали верх (над амазонками) и на трех кораблях отплыли оттуда домой вместе со взятыми в плен амazonками. Однако в открытом море амазонки напали на эллинов и перебили их.

Но амазонки не были знакомы с кораблевождением и не умели обращаться с рулем, парусами и веслами. После уничтожения мужчин они носились по волнам и, гонимые ветром, пристали, наконец, к Кремнам на озере Меотиде...» (§ 110).

Геродот, как предположено выше, уже побывал в Кремнах, выполняя свою основную задачу — сбор сведений о походе Дария в глубь Скифии. Возможно, что какая-то часть легенды о скифах, савроматах и амазонках (§§ 110–116) записана им именно в том месте, где, по преданию, остановились корабли амazonок, — в приазовских «Кручах» — Кремнах. Поэтому совершенно естественно, что, возвращаясь из своей «научной командировки», он предпочел плыть домой не старым, изученным путем через Ольвию, а новым, сулившим ему новые сведения и легенды об аргонавтах и амазонках. Что Геродот по складу своего характера вполне мог определять обратный путь именно этими фольклорно-историческими интересами, явствует из других книг его истории:

«Есть в Аравии местность, расположенная около города Буто. Я ездил туда, чтобы разузнать о крылатых змеях. Прибыв на место, я увидел кости и хребты в несметном количестве...» (II, § 75).

«...Желая внести в этот вопрос (о происхождении культа Геракла) сколь возможно больше ясности, я отплыл в Тир Финикийский, узнав, что там есть святилище Геракла. И я видел это святилище, богато украшенное посвятительными дарами» (II, § 44).

Исходя из этой черты великого путешественника, мы не будем удивляться тому, что он из Синдики поплыл в легендарную Колхиду, а оттуда — на легендарный Термодонт.

* * *

Подведем итоги разбору данных о понтийской поездке Геродота, очевидно, одного из его последних путешествий.

Судя по характеру сопоставлений, производимых Геродотом, оно было предпринято им *после* его поездки в Египет, которую датируют 445 годом⁷¹.

В 443 г. Геродот уехал в Италию основывать новую афинскую колонию — Фурии близ Тарентского залива, где по предположению многих он и обработал свои записи, превратив их в «Историю».

Путешествие вокруг Понта он мог совершить между поездкой в Египет и отъездом в Фурии. Это косвенно подтверждается тем, что в свое описание Таврии Геродот ввел, как мы помним, второе, *дополнительное* определение протяженности таврского побережья — он сопоставил Крымский полуостров с полуостровом Япигией неподалеку от Фурий и сопоставил удивительно точно. Это может свидетельствовать о близости во времени обоих путешествий: когда Геродот ознакомился с Тарентским заливом, он мог по свежим впечатлениям сопоставить с ним размеры недавно измеренной Таврии, сделав это для тех, кому был непонятен первый пример (где он сравнивал Крым с окрестностями Суниона близ Афин), т.е. для жителей Италии.

Приблизительно около 445 г. Геродот совершил поездку в Македонию ко двору царя Александра в Пеллах⁷². Он как очевидец упоминает путь от р. Стримона (совр. Струма) и озера Прасиады мимо горы Дисорон и серебряного рудника в Македонии (V, § 17). Не исключено, что, возвратившись из своей длительной поездки в Египет около 445 г., Геродот посетил Македонию, а уже оттуда в 445–444 гг. отправился через Геллеспонт в Мраморное море, откуда и начал свой понтийский перипл. Расстояние от Стремонского залива до начала Дарданелл могло быть покрыто менее чем за сутки. Здесь Геродот начал свои измерения морских пространств, проливов и береговой линии, пользуясь скоростью корабля. Очевидно, на всем пути у него был один и тот же корабль (или, по крайней мере, совершенно однотипный), т.к. иначе невозможно было ссылаться на его устойчивую скорость.

Анализ прямых и косвенных географических примет показал, во-первых, что круг разъездов Геродота не ограничивался окрестностями Ольвии, как это считалось до сих пор, а во-вторых, что главной задачей историка был не сбор географических или этнографических сведений (которые давались попутно и очень выборочно), а осмотр театра военных действий кампании 512 г. Геродот шел по следам Дария Гистаспа, собрал на этом пути много разнородных (и, как увидим далее, даже разноречивых) сведений и получил много личных впечатлений о тех местах, где происходили знаменательные события.

Побывав в Македонии, где в 512 г. действовал полководец Дария Мегабаз, и собрав здесь интересные легенды о свободолюбии македонцев, Геродот проплыл через Геллеспонт и Пропонтиду к Боспору Фракийскому в Византий; здесь Геродот осмотрел место переправы персов в Европу через пролив, проехал к первой стоянке Дария во Фракии у целебных источников Теара и, по всей вероятности, на корабле проплыл от Аполлонии к дунайским гирляндам. Здесь ему предстоял осмотр места второй переправы персов из Фракии в Скифию через Дунай и ознакомление с исходной точкой скифского похода Дария в двух днях пути от моря.

Как продвигался Геродот далее на восток, мы не знаем. Он мог проехать от Истра до Ольвии на коне по той сухопутной дороге, протяженность которой (10 дней пути) он отметил в своих записях, но мог проплыть это расстояние и на корабле. Единственная промежуточная точка — устье реки Днестра, где Геродот осматривал достопримечательности — ступню Геракла в скале и курган киммерийских царей.

Далее следовала Ольвия, «Горжище Борисфенитов», где Геродот мог получить много ценных сведений. Из Ольвии, жившей интересами борисфенитов, приднепровских земледельческих племен, Геродот предпринял конное (?) путешествие вверх по Гипанису. Здесь

⁷¹ Brown T.S. Herodotus speculates about Egypt. — Philol., 1965, LXXXVI, p. 61; см. также: Борухович В.Г. Научное и литературное значение труда Геродота. — В кн.: Геродот. Л., 1972, с. 466, прим. 16.

⁷² Лурье С.Я. Геродот, с. 29–30.

на границе алазонов и пахарей он осмотрел грандиозный бронзовый котел царя Арианта и, по всей вероятности, поднялся к истокам тогдашнего Гипаниса (Горного Тикича), находившись в сердцевине территории земледельческих скотов. Затем Геродот оказывается в маленьком городке Каркинитиде у устья малозначительной речки Гипакирис. Далее на корабле Геродот проплывает мимо разбойничьей Таврики, рассматривая с палубы высокие шесты с черепами. По Керченскому проливу историк доплывает до крайней северной пристани Порфмия, находящейся уже на берегу Азовского моря, пересекает Меотиду и оказывается в Кремнах, от которых не более чем в одном дне конного пути находились еще хорошо видимые во времена Геродота остатки полупостроенных укреплений 512 г.

Район Кремн и р. Оар (Корсак?) был окраинной землей царских скотов; здесь археологами обнаружены наиболее восточные сковские курганы.

Изучив весь путь Дария и добравшись до того лагеря, который в свое время оказался поворотным пунктом всей сковской войны персидского царя, Геродот мог считать свою задачу выполненной — он объехал все земли, где могли сохраниться рассказы и предания о событиях семидесятилетней давности.

Возвращаясь Геродот из своего плавания, надо полагать, вдоль восточного побережья Понта. Он побывал в Колхиде, беседовал с местными жителями, наблюдал нравы колхов и даже успел отметить высокое качество колхидских тканей. Пытливость историка заставила его сделать остановку на южном берегу у Термодонта, где, согласно эпосу, произошла некогда битва эллинов с амазонками. Последний пункт южного берега, упоминаемый Геродотом, — река Парфений (близ Амастриды); отсюда до Византия, с которого началось путешествие, — немногим более одних суток хода на морском корабле.

Реконструкция маршрута Геродота интересует нас не сама по себе, а прежде всего потому, что познание маршрута точнее определяет источники информации и точки зрения информаторов историка.

УСТНЫЕ ИСТОЧНИКИ ГЕРОДОТА

Я обязан сообщать все, что мне передают, но верить всему не обязан.

Геродот

Четвертая книга «Истории» Геродота — «Мельпомена» очень пестра по своему составу. Тематически она относится к событиям конца VI в.: фракийский и скифский походы Дария I (§§ 1–144) и завоевание Ливии (§§ 145–205). Повествование компонуется из трех видов сообщений: во-первых, география и этнография страны; во-вторых, изложение скифо-персидской войны и, в-третьих, отдельные рассказы, легенды, не связанные прямо с основным содержанием.

Композиция «Мельпомены» (за исключением рассказа о Ливии) такова:

§§ 1–12. Легенды о происхождении скифов.

§§ 13–15. Вставной рассказ об Аристее Проконесском.

§§ 17–28. Географическое размещение народов в Скифии и на восток от Скифии.

§§ 28–31. О холодах в Скифии.

§§ 32–36. Вставка о гипербореях.

§§ 36–45. Рассуждение о географии Европы, Азии и Ливии.

§§ 46–58. Природа и реки Скифии.

§§ 59–75. Религия и быт кочевых скифов.

§§ 76–80. Рассказы о скифских царях, нарушивших обычай предков.

§ 81. Чаша царя Арианта на Эксампае.

§ 82. Отсутствие достопримечательностей в Скифии.

§§ 83–85. Начало похода Дария Гистаспа.

§ 86. Метод измерения морей.

§§ 87–93. Фракийский поход Дария.

§§ 94–96. Верования гетов.

§§ 97–98. Переход Истра персами. Скифский поход.

§§ 91–101. Общее географическое представление о Скифии.

§ 102. Скифы и их соседи узнают о вторжении персов.

§§ 103–110. Обычаи соседей скифов.

§§ 110–117. Легенда об амазонках.

§§ 118–122. Стратегия скифов.

§§ 123–125. Сильно перепутанные сообщения о постройке Дарием укреплений и погоне за скифами.

§§ 126–134. Переговоры скифского царя Иданфирса с Дарием.

§§ 135–143. Отступление персов и уход из Европы.

§ 144. Анекдот о полководце Мегабазе.

(Далее идет описание Ливии.)

В размещении основных частей повествования есть определенная логика: в начале говорится о происхождении скифов, затем дается размещение племен и подробно описываются реки. Далее автор излагает нравы и обычаи скифов; закончив вводную часть, он переходит к главной теме — походу Дария 512 г. Кратко обрисовав фракийский поход, Геродот возвращается к Скифии и описывает нравы тех нескифских племен, которые или вступили в скифский союз (гелоны, будины, савроматы), или же остались нейтральными. Затем говорится о скифской стратегии заманивания персов, об остановке Дария на р. Оаре и о переговорах враждующих царей. Последние параграфы посвящены бегству Дария из Скифии. Вставные рассказы нарушают плавность изложения, но они тоже имеют свою логику: отступление об Аристее связано с использованием Геродотом его сведений о далеких аримаспах; гиперборейцы и рассуждения о разделе континентов логически связаны со Скифией, находящейся в холодном поясе и на самом краю Европы. Живые, полные подробностей рассказы

об Анахарсисе и Скиле дополняли обобщенное описание Скифии. Легенда об амазонках прямо связана с происхождением савроматов.

Даже двукратный перечень народов вокруг Скифии имеет вполне резонное обоснование: в первом случае (§§ 17–28) указывается *географическое* размещение, а во втором (§§ 103–110) — *этнографические* особенности народов, их сходство или несходство со скифами. Правда, отрыв второго перечня от этнографии самих скифов нарушает несколько изложение похода Дария: он искусственно связан с совещанием «царей» этих народов в момент вторжения персов (§ 102). Не на месте, с нашей точки зрения, находится интереснейшее общее географическое описание Скифии (§§ 99–101). Оно, казалось бы, должно было предварять и географическое описание народов (§§ 17–27), и перечень скифских рек, т.к. представляло собой общий взгляд на Скифию в целом. Эти три параграфа (99–101) производят впечатление отрывка из путевого дневника. Начинается он с упоминания Фракии и Истры, затем следует уже известная нам фраза: «...начиная от Истры я буду описывать с целью измерения приморскую часть собственно Скифии», указывается «древняя», «исконная» Скифия от Дуная до Перекопа (до г. Каркинитиды), затем следует измерение Таврики и определение юго-восточных рубежей Скифии (Боспор, Меотида и Танаис). В заключение этого отрывка содержится описание скифского тетрагона.

Создается впечатление, что в рассматриваемых параграфах Геродот соединил какие-то предварительные данные, может быть полученные им до путешествия или во время путешествия от pontийских греков, об общих габаритах Скифии и о сухопутной дороге от Дуная до Днепра и далее до Керченского пролива со своими собственными впечатлениями от плавания вдоль скифских и таврских берегов.

Исследователи творчества Геродота нередко упрекают его в недостаточной географической четкости; другие справедливо возражают им, указывая на то, что Геродот — историк, а не географ и сам себя географом не считал. Это верно, для Геродота главным было изложение исторических событий, раскрытие действующих сил (народов и правителей), а географическое описание было определением театра военных действий, тех декораций, на фоне которых происходило движение истории. Композиция «Мельпомены» полностью подтверждает сказанное. Даже вклинившийся и кажущийся инородным географический отрывок (§§ 99–101) оправдан с точки зрения историка: он приурочен в тексте к тому моменту, когда Дарий переправился через Дунай и вступил в «Древнюю Скифию». Читатель узнавал из этого отрывка, что перед персидским войском открывалась обширная страна протяжением в 4000 стадий. Дарий предполагал завоевать ее за два месяца и к этому сроку вернуться к дунайскому мосту.

Геродот создал произведение, в котором историческая динамика сочеталась с географо-этнографической статикой и щедро расцвечивалась отступлениями в область легенд и полудостоверных рассказов. Даже Плутарх, говоря о «злокозненности» Геродота, признавал, что «стиль Геродота — простой, легкий и живой...», что «язык писателя имеет много приятности и силы...»⁷³.

* * *

Книга Геродота явилась результатом большого количества бесед и расспросов, ведшихся во время целенаправленных путешествий историка. Промежуточной стадией были, по всей вероятности, записи бесед, сделанные на месте, сразу после получения информации, а в отдельных случаях, может быть, и позже по припоминаниям.

Попытаемся выявить в окончательном тексте «Истории» те группы сведений, которые могут быть возведены к каким-либо местным источникам. Порядок рассмотрения поставим в связь с предполагаемым маршрутом Геродота.

Я опускаю византийско-фракийскую группу записей, т.к. она невелика и для нашей темы интереса не представляет.

Первая остановка Геродота у ворот Скифии приходится на дельту Дуная. Здесь, как уже говорилось, перечислены большие и малые притоки, измерена длина гирла, собраны подробнейшие сведения о той греческой эскадре в 600 кораблей, которая была оставлена для охраны моста Мандрокла, и обо всем, что около этого моста происходило в 512 г. Перечень

⁷³ Лурье С.Я. Геродот. Л., 1947, прил. 1, с. 161.

тиранов, командовавших греческими войсками, настолько детален (§ 138), что позволяет предполагать какой-то греческий письменный источник, сохранившийся в одном из понтийских городов.

В низовьях Дуная скифские земли соприкасались с землями гетов и агафирсов (обитавших, по всей вероятности, по обе стороны Карпат). Вполне возможно, что владения агафирсов доходили до пространства между Карпатами и Днестром.

Собирая сведения в низовьях Дуная и хорошо изучив его левые, северные притоки, текущие из земли агафирсов, Геродот имел возможность получить информацию и от представителей этого племени.

Если мы взглянем на сумму сведений Геродота о племенах, окружающих Скифию, то увидим, что из всех племен в особое положение поставлены агафирсы. Это тем интереснее, что Геродот в изложении скифо-персидской войны неизменно находится на стороне скифов. Он подчеркивает растерянность Дария, его жестокость по отношению к своим слабым воинам, подробно описывает то невыгодное положение, в каком очутился царь, когда скифы вместо изъявления покорности послали ему дерзкие символические дары: лягушку, мышь, птицу и стрелы. Агафирсы же не только отказались войти в союз со скифами, но и выставили вооруженный заслон на своей границе против скифов.

В описании нравов различных племен только одни агафирсы противопоставлены диким и разбойным таврам:

«Агафирсы, напротив, отличаются самыми мягкими нравами и очень охотно носят золотые украшения».

Даже пережитки первобытного брака поставлены им в заслугу:

«Женщинами агафирсы пользуются сообща с той целью, чтобы всем быть братьями между собою и родными и не возбуждать друг в друге ни зависти, ни вражды» (§ 104).

Конфликт у агафирсов со скифами возник потому, что будто бы скифы, воюя с персами, одновременно решили наказать те племена, которые не примкнули к их союзу. Ускользая от Дария, скифская конница как бы вела персов «в земли народов, отказавших им в союзе» (§ 125). Скифы уже будто бы победоносно разгромили меланхленов, андрофагов и невров, и только одни агафирсы сумели отстоять свою землю:

«Агафирсы видели, как бежали от скифов соседи их и какое разорение терпели от них, а потому до вторжения скифов агафирсы отправили к ним глашатая с требованием не преступать их пределов, т.к., в случае попытки вторжения, скифам непременно придется прежде всего выдержать битву с агафирсами. Одновременно с этими угрозами агафирсы послали войско к границам для отражения нападающих. Меланхлены, андрофаги и невры при вторжении персов вместе со скифами не обратились к оружию, забыли об угрозах и, объятые страхом, бежали все дальше к северу в пустыню. Однако скифы под страхом угрозы не входили уже в землю агафирсов и из Невриды повели персов за собою в свои владения» (§ 125).

Не подлежит сомнению, что приведенный рассказ исходит из агафирской среды и, очевидно, записан где-то близ Дуная, где Геродот, как мы выяснили, находился некоторое время.

Этот «агафирский логос» краток, но выразителен: все племена бежали, «объятые страхом», и только одни отважные и гордые агафирсы отстояли свою свободу.

К сожалению, в исследованиях геродотовских сведений о походе 512 г. прошло незамеченным, что агафирский рассказ не только повествует о мужестве агафирсов, но и *дает одновременно свою версию всего похода Дария*.

Нам надлежит определить следующее: во-первых, объем агафирского предания; во-вторых, степень его достоверности; в-третьих, каково его место в геродотовском тексте.

Рассмотрим все, что говорится об агафирсах.

В географических записях Геродота была заметка о западных областях земли агафирсов, откуда вытекает р. Марис (§ 49), современный Мареш. К сожалению, общего представления о расселении агафирсов и о разграничении их со скифами Геродот почему-то не дал.

Агафирс, мифический родоначальник всех агафирсов, как рассказывали понтийские греки, был старшим из трех сыновей Геракла и девы-змеи; он не смог натянуть отцовский лук, и мать изгнала его (очевидно, из «Древней Скифии») (§§ 9–10).

Геродотом описаны какие-то скифо-агафирские конфликты: царь агафирсов Спаргапейф убил царя скифов Ариапейфа (§ 78). Эта часть сведений об агафирсах не должна была входить в собственно агафирский (по происхождению) рассказ, т.к. содержит осуждение агафирского царя: скифский царь «пал жертвой *коварства* Спаргапейфа, царя агафирсов» (§ 78)⁷⁴. В агафирский рассказ входило идеализирующее их нравы описание в § 104, уже известное нам. Главной частью агафирского логоса следует считать приведенное выше предание об участии агафирсов в событиях 512 г. Противоречащая общему тону Геродота анти-скифская направленность четко обосновывает это предание от остального текста Геродота.

Вглядимся внимательнее в содержание этого лаконичного рассказа и попытаемся определить степень его достоверности. События (§ 125) изложены в нем в такой последовательности:

Дарий «быстрым маршем» достиг Скифии и начал преследовать две скифские армии.

Скифы отступали в земли тех народов, которые не захотели вступить в скифский союз.

Скифы, увлекая за собою персов, вторглись прежде всего в землю меланхленов.

«Затем скифы двинулись во владения андрофагов. Разоривши и этот народ, они отступили к Невриде».

«По разорении этой страны (земли невров) скифы устремились к агафирсам».

Агафирсы (см. приведенный выше отрывок) выставили войско и не пустили скифов.

Скифы «из Невриды повели персов за собою обратно в свои владения».

Нельзя отрицать того, что скифы могли отомстить своим соседям за их отказ воевать против персов, но совершенно невероятно, чтобы они совершили свои карательные экспедиции, убегая от неотступно преследующей их персидской конницы, гнавшейся за ними «в одном дне пути». Как могло скифское войско вступать в бой с целым племенем (а точнее, — обширным племенным союзом), если персы у них «сидели на хвосте»? По всей вероятности, сведение счетов с недружественными племенами происходило *после* стратегической победы скифов над персами и разоряли меланхленов и невров, очевидно, только одни скифы, а не преследующие их персы. Это — первая нелогичность. Второй нелогичностью является немыслимый географический размах военных действий скифов и персов. Мы еще не определили точно местоположения племен, упомянутых в § 125, но даже при самом приблизительном расчете маршрут Дария должен измеряться по этому рассказу многими сотнями километров.

Меланхлены жили за Танаисом, за сарматами, в 20 днях пути (700 км) от моря, т.е. где-то на левобережье Среднего Дона.

Андрофаги определены Геродотом как самые отдаленные северные племена. На Среднем Днепре на 11 дней плавания (385 км) от р. Пантикопы живут земледельческие

⁷⁴ Царское имя Спаргапейф было общим и у агафирсов и у скифов: так звали прародителя скифского царя Иданфирса (§ 76). Если этот Иданфирс тождествен тому, с которым воевал Дарий, то его прародителя следует отодвинуть (по геродотовской шкале поколений в 30 лет) примерно в середину VII в., а единство имен у скифов и агафирсов (Спаргапейф) может тогда свидетельствовать о действительном родстве этих племен в древности, отраженном генеалогической легендой об Агафирсе, Гелоне и Скифе.

скифские племена; «над ними простирается обширная пустыня» (§ 18), в которой, как мы увидим ниже, следует видеть припятские болота. «За пустыней обитают андрофаги... еще выше лежит настоящая пустыня». Ограничимся пока самым приблизительным определением: племена, названные людоедами-андрофагами, обитали где-то севернее Припяти.

Невры жили севернее скифов-пахарей, следовательно, где-то на северной окраине лесостепи, южнее Припяти и Сожа.

Поход Дария с точки зрения агафирского предания выглядит так: персидское войско, преследуя скифов в восточном направлении, проделало путь от Дуная до Дона (около 1300 км), а затем из земли меланхленов двинулось прямо на запад через лесостепь и леса, преодолев еще минимум 900 км до андрофагов; отсюда до Невриды оставалось еще около 200 км. Весь этот фантастический путь составит примерно 2400 км. Для пересчета на дни пути здесь нельзя пользоваться обычным расчетом в 200 стадий. Для движения войска у Геродота приведен другой расчет — 150 стадий в день (V, § 50–54), т.е. 26,6 км. Другими словами, путь Дария только до Невриды должен был занять три месяца. А ведь, по агафирскому преданию, скифы «из Невриды повели персов за собою *обратно* в свои владения», т.е. Дарий, находившийся на крайнем западе скифского мира, будто бы пошел снова на восток по второму кругу...

Совершенно не согласуется с агафирским рассказом легенда о ремне-календаре с 60-ю узлами, завязанными Дарием у истринского моста. Судя по § 136, персидское войско опоздало сверх двух месяцев на очень незначительный срок — греческая стража еще стояла у моста и мост еще был цел. Повторный же поход в Скифию, если бы он состоялся, превратил бы экспедицию Дария в 5–6-месячную кампанию.

Агафирское племенное предание, записанное Геродотом 60–70 лет спустя после событий 512 г., освещало один узколокальный эпизод — успешное противостояние агафирсов скифской попытке вторгнуться в их земли. Скорее всего это могло произойти не тогда, когда персы гнались за скифами, а тогда, когда скифы перешли в наступление и, преследуя истрепанные войска Дария, загнали их за Дунай, за пределы своей земли. На этом последнем этапе скифо-персидской войны скифское войско, двигаясь к Дунаю, соприкасалось своим правым флангом с агафирсами. Здесь и могли происходить конфликты, породившие горделивое эпическое предание агафирсов. Поход Дария рассматривался в этом предании из далекого карпато-дунайского угла, и авторы его очень туманно представляли себе реальную географию земель вокруг Скифии. В агафирском рассказе нет ни вторжения персов в землю савроматов, ни их похода против будинов. Доверчивость Геродота, записавшего предание, объясняется тем, что сбор сведений был начат им, как я предполагаю, именно здесь, в низовьях Истра. Историк еще не получил тех более подробных сведений о размещении племен и о маршруте персидского войска, которые он собрал впоследствии в местах, расположенных ближе к театру военных действий 512 г.

Агафирское предание представляется мне эпическим произведением, возникшим по поводу второстепенного (с точки зрения всей кампании 512 г.) эпизода, интересного лишь для самих агафирсов; широким историческим фоном для выпячивания доблести агафирсов послужил перечень отдаленных племен, не пошедших против персов.

Компонуя книгу, Геродот не отбросил агафирское предание как дублирующее другие сведения, а включил его весьма неудачно в середину общего рассказа о персидском вторжении, чем сильно запутал общую картину и создал почву для упреков в фантазировании.

В результате механического слияния двух групп источников (скифских и агафирских) в книге Геродота получилась следующая последовательность событий:

СКИФСКОЕ ПРЕДАНИЕ

Переход Дуная и определение сроков предстоящего похода (§§ 97–98).

Съезд царей окрестных племен; создание скифского союза (§§ 102, 118, 119).

Выработка стратегии заманивания персов. Замысел заставить силой воевать против персов те племена, которые уклонились от союза со скифами (§ 120).

Отправка кибиток с женами на север (§ 121).

Вторжение персов в Скифию вплоть до земель савроматов за Танаисом и будинов (§ 122).

Разорение персами страны будинов (§ 123).

Приостановка похода персами. Создание Дарием укрепленного района на р. Оар (§ 124).

Уход персидского войска из лагеря на р. Оаре на запад (§ 124).

АГАФИРСКОЕ ПРЕДАНИЕ

Вторжение Дария в Скифию (§ 125).

Отступление скифов в восточную землю меланхленов и вторжение туда же персов.

Перемещение скифов и персов из земли меланхленов в расположенные на западе земли андрофагов и невров.

Мужество агафирсов, не пустивших в свою землю ни скифов, ни персов.

Скифы из Невриды повели за собою персов на восток «обратно в свои владения» (§ 125).

Переговоры Дария и Иданфирса. Персы «просят поля». Скифы изматывают персидскую армию (§§ 126–130).

Дарий покидает лагерь, и персы поспешно идут на запад к Дунаю по старой дороге. Скифы преследуют персов (§§ 134–136, 140).

Дарию и всему персидскому войску удалось переправиться со скифского берега Дуная на фракийский.

Фракия завоевана персами.

Если говорить о составительской работе Геродота над собранными материалами, то следует отметить, что порядок расположения записей у Геродота не безупречен. Вызывает сомнение, например, § 123 о действиях персов в земле будинов; подробный разбор его можно будет сделать лишь после того, как удастся определить географическое положение этого племени. Мне представляется, что нарушена последовательность и в рассказе о переговорах и посольствах: переговоры о генеральном сражении (§§ 126–127) не могли происходить после бегства Дария из укрепленного лагеря, когда уже скифы начали преследовать персов. В § 124 кратко говорится об уходе Дария из лагеря на запад, а в §§ 134–136 повторно и более подробно описывается торопливый уход Дария из лагеря на запад к Истру.

Вот среди этих-то недостаточно отредактированных самим историком материалов и оказалась здесь запись агафирского предания.

В низовьях Дуная Геродот собрал, как выяснено выше, две группы сведений: от местных эллинов — подробности о составе стоявшей здесь греческой эскадры в 512 г. и об охране дунайского моста, а от агафирсов — целое предание о противостоянии скифам во время той же кампании. Следующая точка в маршруте историка — устье Тиры.

Здесь, кроме впечатления о виденной Геродотом ступне Геракла, могли быть записаны, во-первых, сведения о первом бое персов со скифами: «скифский передовой отряд напал на персов на расстоянии около *трех дней пути от Истра*» (§ 122), а во-вторых, легенда о киммерийцах. Надежных оснований для утверждения, что эти записи сделаны именно здесь, у нас нет. Но где-то «около реки Тиры» находился царский киммерийский курган, виденный Геродотом⁷⁵. Обычно мифы и легенды, будучи приурочены к определенному месту, бытуют в наиболее полном виде близ этого места. Запись киммерийской легенды о гибели царей вполне могла быть записана на той западной окраине киммерийского мира, куда скифы оттеснили своих предшественников.

Далее в маршруте Геродота был такой центральный эмпорий Северного Понта, как Ольвия, Торжище Борисфенитов.

⁷⁵ Среди изученных А.И.Тереножкиным киммерийских древностей большой коллективный курган близ Днестра не известен. Царское киммерийское захоронение исследовано на гето-фракийской территории на южном берегу Дуная (см.: Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976, с. 91, 215).

Одним из информаторов Геродота был вельможа Тимн, доверенное лицо скифского царя Ариапейфа (§ 76). Нигде не сказано, что интереснейшие сведения о гибели Анахарсиса в Гилее («что подле Ахиллова Бега») и Скила, казненного царем Октамасадом, были записаны в Ольвии, но подробности ольвийской жизни, описание царского дворца Скила в Ольвии (сфинксы и грифы из белого мрамора), сгоревшего от молнии, — все это подтверждает уставновившееся мнение, что Тимн знакомил Геродота с генеалогией скифских царей, скифо-агафирскими отношениями и с двумя трагическими эпизодами из жизни царей-реформаторов, воспринимавших эллинские религиозные обряды именно в Ольвии. Здесь же в Ольвии Геродот мог получить ряд общих сведений и о самих скифах, как о земледельцах-борисфенитах, так и о царских скифах-кочевниках, но отделить те сведения, которые могли быть почерпнуты из рассказов эллинов-ольвиополитов, от личных наблюдений историка очень трудно.

Создается впечатление, что в землю царских скифов на Днепре Геродот не проникал. Он хорошо как очевидец описал устье Днепра, пил сладкую днепровскую воду, вероятно, отведал днепровских осетров, но едва ли далеко поднимался по Днепру. О Герросе, месте священных царских курганов, он говорит понаслышке и никаких следов личных впечатлений от курганов и днепровских порогов мы в его тексте не находим. Землю царских скифов Геродот оглядел со стороны ее пограничья, с четырех южных точек: устье Борисфена, Каркинитский залив и устье Гипакириса, Боспор Киммерийский и берег Меотиды.

Крайние восточные скифские курганы на берегу Азовского моря подходят как раз к тому району, где следует искать Кремны и р. Оар близ Герроса-Молочной⁷⁶.

В этой периферийной степной полосе, посещенной Геродотом, он вполне мог наблюдать кочевой быт скифов, их кибитки, костры из костей животных в безлесной степи, окуриивание коноплей, жертвенные бога войны «по околоткам», обряд побратимства, чаши из вражеских черепов и колчаны из человеческой кожи, «которая, — как удостоверяет историк, — действительно толста и блестяща, блеском и белизною превосходит почти все другие кожи» (§ 64). Даже скифский обряд погребения в глубоких ямах с большой курганной насыпью Геродот мог наблюдать в посещенных им местах: курган V в. до н.э. у с. Владимировки высотою в 5,6 м⁷⁷ расположен на берегу р. Корсак-Оар. Путешественнику могли описать процесс погребения, а «большую земляную насыпь» (§ 71) он мог видеть воочию.

Именно отсюда, от приазовских скифских курганов, *самых восточных* могил царских скифов, и отсчитывал Геродот владения главного скифского племени:

«По ту сторону реки Герра находятся так называемые царские владения и живут храбрейшие и многочисленнейшие скифы, прочих скифов почитающие своими рабами» (§ 20).

«По ту сторону Герра» может означать только — *западнее* Герроса-Молочной, т.к. вся масса скифских царских курганов расположена западнее Молочной. Следовательно, Геродот действительно собирал часть своей информации близ «торжища Кремн», а земля царских скифов была для него «по ту сторону Герра».

* * *

Помимо трех разобранных выше групп источников информации (нижнедунайской, ольвийской, царско-скифской), в четвертой книге Геродота совершенно явно угадывается еще одна группа, связанная с земледельческими борисфенитами. Эту группу, отличающуюся от всех остальных особым подбором сведений, можно было бы назвать словами Геродота: «*Рассказ скифов о них самих*» (§ 8). Этим он закончил целостное повествование о мифологической генеалогии борисфенитов, о трех царствах, о четырех племенах, о ежегодных земледельческих праздниках, о хранении священных золотых предметов: рала с ярмом, топора и чаши (§§ 5–7).

К этой же группе должны быть отнесены как промеры земли самих борисфенитов, так и отсчеты от нее до конца степных кочевий. Точка зрения информатора, пространство, от

⁷⁶ Яценко И.В. Скифия VII — V вв. до н.э. М., 1959, с. 19, карта.

⁷⁷ Там же, с. 66–67.

которого он ведет отсчеты и окрестности которого он подробно описывает, находится где-то на Среднем Днепре. Отсюда он описывает соседних невров, их переселение в середине VI в. в землю будинов, их легенды об оборотнях-волках, отсюда же, очевидно, описаны и северо-восточные соседи — будины и вселившиеся к ним гелоны со своим грандиозным городом Гелоном. Только борисфенит, живший на берегах Днепра, мог знать, например, что течение реки от истоков до порогов равно 40 дням плавания или что река Пантиакапа-Ворскла вытекает из озера, протекает через лес и отделяет земледельцев от кочевников.

Наличие скифа-борисфенита с широким кругозором в числе информаторов Геродота едва ли подлежит сомнению.

Более трудным и менее существенным является вопрос о том, где, в какой точке своего изыскательского маршрута Геродот встретился с таким интересным и знающим собеседником (собеседниками). Это мог быть борисфенитский купец, привезший хлеб на продажу в Ольвию, мог быть скифский царек вроде Скила, изучивший язык эллинов и проводящий часть своего времени в большом приморском городе. Не следует забывать и того, что Геродот, как предположено выше, поднимался вверх по Гипанису, возможно до самых его верховий, т.е. въезжал в сердцевину таких скифских земледельческих пунктов, как Журковка, Рыжановка, Турция, Буга-Макеевка, Орловец и др.⁷⁸ Провожатые любознательного иностранца и люди, принимавшие его как гостя, могли дать ряд материалов для его записок.

Таким образом, предполагаемые устные источники Геродота можно перечислить в таком порядке:

- Греческие с дельты Дуная.
- Агафирские (оттуда же).
- Греческие из Тиры (?).
- Греческие из Ольвии.
- Сообщения Тимна.
- Сообщения скифов-борисфенитов.
- Наблюдения и сообщения греков и царских скифов (Ольвия, Боспор, Кремны).

Расцвечивание основного повествования вставными эпизодами, вклинивание отступлений в основной текст было признаком жанра, избранного историком; все это оживляло рассказ, не искажая его.

Геродот, как правило, очень умно использовал записи, сделанные во время своего скифо-понтийского путешествия. Однако, учитывая, что, по предположению многих исследователей, он завершал обработку своего труда в Фуриях, вдали от мест записи, мы можем установить, что в некоторых случаях историк не разобрался в своих неисчислимых записях и допустил неточности и неправильное соединение записанных фрагментов. Такие неточности, порождающие «темные места», можно указать в §§ 18 (начало), 22 (конец), 56, 120, 123, 124, 125. Часть их уже разобрана выше, а к остальным необходимо будет возвратиться. Эти немногие исключения не бросают тени на добросовестнейшего создателя грандиозного историко-этнографического труда.

⁷⁸ Тереножкін О.І., Ільїнська В.А. Скіфський період. — В кн.: Археологія УРСР, т.ІІ. Київ, 1971, карта.

ГЕРОДОТ И АРХЕОЛОГИЯ

Наши представления о происхождении скифов, об их вы-
ходе на историческую арену, об их жизни и политическом мо-
гуществе, о влиянии на соседей стали намного яснее в резуль-
тате современного размаха археологических исследований в
Советском Союзе.

Ян Эйнер

Проделав работу по уточнению речной системы Геродота, его предполагаемого маршрута и точек зрения его многочисленных информаторов, мы можем, опираясь на полученные данные (даже если они не бесспорны), приступить к наиболее интересной части анализа — к сопоставлению геродотовского перечня племен и народов с выявленными к настоящему времени археологическими культурами.

Как уже говорилось, попытка приурочения геродотовских племенных названий к тем или иным археологическим культурам было сделано много. Хорошее представление о развитии археологической мысли в этом направлении дает историографический очерк Н.Н.Погребовой, предпосланный публикации материалов конференции по скифо-сарматской археологии в 1952 г.⁷⁹ Н.Н.Погребова добросовестно обрисовала ту путаницу, которая существовала в распределении геродотовских племен на географической карте в 1920–1940-е годы. Следует напомнить, что путаница не исчезла и в последующие десятилетия, о чем красноречиво говорят приведенные мною выше карты, составленные крупнейшими археологами-скифологами Б.Н.Граковым, А.И.Тереножкиным, М.И.Артамоновым, А.П.Смирновым. Соответствия с данными Геродота не достигла ни одна из этих карт, что видно хотя бы из того, что на трех из них (Смирнов, Тереножкин и Граков, 1971 г.) совсем отсутствуют геноны, подробно обрисованные Геродотом: геноны родственны скифам по легенде о сыновьях Геракла; они вселились в землю будинов; в их земле были эллинские купцы; геноны построили гигантский деревянный город... Изъятие генонов из историко-археологической карты является свидетельством нерешенности проблемы геродотовских племен в целом.

Вне поля зрения оказались и окраинные агафирсы, о которых не упоминали в общих обзорах даже тогда, когда речь шла об археологических памятниках по Днестру⁸⁰. А агафирсы, как и геноны, являются персонажами той же генеалогической легенды о сыновьях Геракла и, следовательно, расценивались в древности как племя, родственное скифам, о чем свидетельствует и одинаковость царских имен.

Рассмотрение скифского мира в археологическом аспекте надлежит начать не с отдельных племен, а с общей картины, с общего вопроса: «что есть Скифия с точки зрения археологии?»

Материал для ответа в настоящее время собран А.И.Тереножкиным и В.А.Ильинской⁸¹.

Со времен М.И.Ростовцева и А.А.Спицына считалось, что геродотовский термин «скифы» совпадает с ареалом культуры скифского типа (скифская триада: оружие, сбруя, звериный стиль), но на упомянутой конференции 1952 г. было внесено очень важное уточнение. Заглавным на этой конференции был доклад Б.Н.Гракова и А.И.Мелюковой «Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время»⁸². Выводы этого доклада таковы: «...собственно скифам соответствует *степная скифская культура*»; «...может быть, скифы-пахари принадлежали к другой этнической группе»; «...в лесостепной полосе жили не斯基фские племена Геродота, сходные со скифскими по быту»; «...собственно скифы — это ираноязычные родственные племена, и кочевые и *оседлые*, занимавшие сравнительно небольшую *степную территорию*»⁸³.

⁷⁹ Погребова Н.Н. Состояние проблем скифо-сарматской археологии к конференции ИИМК АН СССР 1952 г. — В кн.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954, с. 3–38.

⁸⁰ Там же, с. 91.

⁸¹ Тереножкин О.І., Ільїнська В.А. Скіфський період. — В кн.: Археологія УРСР, т.ІІ. Київ, 1971.

⁸² Погребова Н.Н. Состояние проблем..., с. 39–93.

⁸³ Там же, с. 93.

В этих основных тезисах установлено очень важное положение о различии скифской этнически территории (небольшой) и значительно более широкого ареала археологической культуры скифского типа. Есть здесь и сильно уязвимое место о смешении или чересполосице на небольшой *степной* территории собственно скифов *кочевников*-скотоводов с оседлыми земледельцами, якобы тоже скифами в узком смысле слова. Происхождение этого компромисса понятно: Геродот пишет о скифах-земледельцах близ «гилей», а за таковую принимали плавневые леса в устьях Днепра. Следовательно, у тех авторов, которые понимали «гилею» только так, появлялась необходимость упомянуть оседлых земледельцев при описании собственно скифской степной территории.

Обратимся к Геродоту. В тех случаях, когда Геродот называет скифов просто скифами, не добавляя никакого эпитета вроде «пахари», «земледельцы» (и не описывая культа земледельческих орудий), он говорит о степных кочевниках:

Скифы доят кобылиц и ослепляют рабов, бьющих масло (§ 2).

«Не земледельцы ведь они, а кочевники» (§ 2).

«Скифы-кочевники жили сначала в Азии» (§ 11).

«Скифы не имеют ни городов, ни укреплений, но передвигают свои жилища с собою и все они — конные стрелки из луков. Пропитание себе скифы добывают не земледелием, а скотоводством и жилища свои устраивают на повозках» (§ 46).

«Т.к. скифская земля совсем безлесна, то скифы варят жертвенное мясо на костре из костей животного».

«В жертву приносятся всякие домашние животные, преимущественно лошади» (§ 61).

«Свиней они не приносят в жертву вовсе и вообще не имеют обыкновения содержать свиней в своей стране» (§ 63)⁸⁴.

При похоронах царя убивают 50 лошадей (§ 72).

Царя Дария перед его походом в Скифию предупреждают: «Ты готовишься, царь, вторгнуться в такую страну, где не найдешь ни *вспаханного поля*, ни населенного города» (§ 97).

Скифские женщины «постоянно сидят на своих *повозках* и занимаются женскими работами...» (§ 114).

При вторжении персов скифы «все *повозки*, на которых жили их дети и женщины, и весь скот с ними отправили заранее... на север» (§ 121).

Скифский царь отвечает Дарию: «У нас нет ни городов, ни *обработанной земли*; мы не боимся их разорения и опустошения...» (§ 127).

При таком многократном и недвусмысленном определении Геродотом скифского образа жизни как кочевого, скотоводческого, при таком настойчивом отрицании земледелия у степных скифов большой натяжкой является допущение наличия оседлых земледельцев в южной степной полосе.

Торевтика из скифских курганов полностью подтверждает слова Геродота о кочевниках: уход за конем, доение овец, раскрой овечьего руна, скачущие всадники-лучники — все это говорит о скифах-скотоводах. Ни одного земледельческого сюжета в скифском искусстве нет. Учитывая эту существенную поправку к тезисам Гракова — Мелюковой, рассмотрим, во-первых, общую область скифской археологической культуры, а во-вторых, землю, занимаемую собственно скифами-кочевниками.

У Геродота Скифия дана в двух исторических планах: указана «Исконная Скифия» и описан союз племен, выступивших против Дария в 512 г.

«Эта, от Истра начинающаяся страна, есть исконная (древняя, начальная) Скифия. Она простирается на юг до города, именуемого Каркинитидою» (§ 99).

⁸⁴ Свиней, как известно, разводили оседлые земледельцы и никогда не разводили кочевники.

Археологические культуры скифского времени

Каркинитида находилась в устье Гипакириса несколько западнее Перекопа. Протяжение «Древней Скифии» — около 400 км по побережью Черного моря; как далеко на север, в степи, простиралась эта первоначальная Скифия, нам не известно. На север от очерченного побережья А.И.Тереножкин указывает для предскифского времени большое количество киммерийских памятников⁸⁵. В западной части побережья, где-то близ Тиры, Геродот указывает могилу киммерийских царей, погибших накануне скифского вторжения. Скифских памятников на указанном степном пространстве очень немного.

«Исконная Скифия» остается для нас понятием линейным, а не двумерным — мы знаем длину береговой линии, но не можем определить ширину этой степной прибрежной полосы.

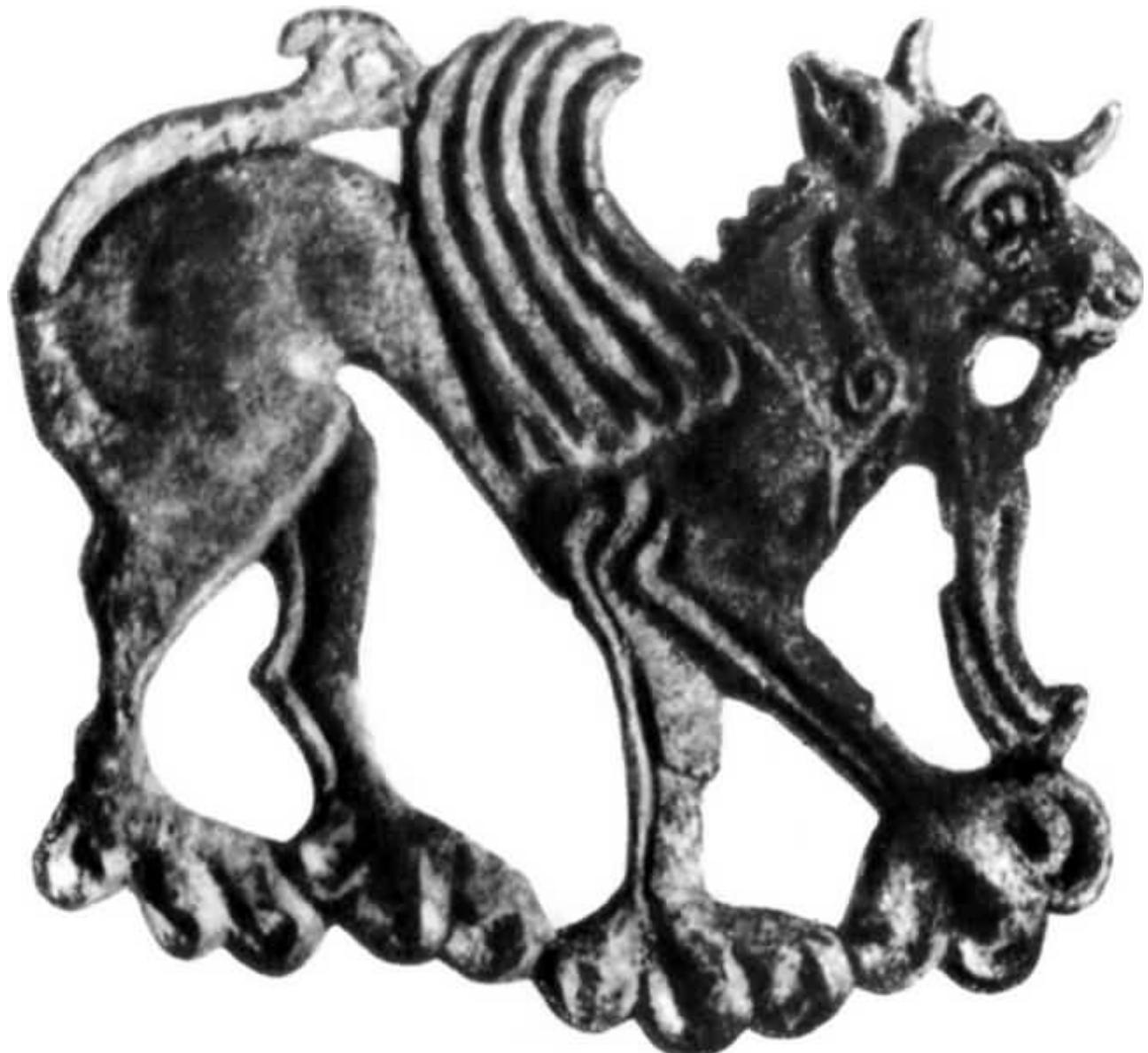
Для эпохи VI — IV вв. до н.э. понятие «Скифия» в глазах археологов значительно расширилось. Единая скифская культура охватила к этому времени причерноморские степи и лесостепь от Днестра до Северского Донца (от Тиры до Танаиса). К сожалению, в нашей литературе нет детальных сводных карт по основным типично скифским признакам⁸⁶. Карта

⁸⁵ Тереножкин А.И. Киммерийцы. Киев, 1976, с. 15, карта.

⁸⁶ Единственная работа, где проведено картографирование «полного комплекса скифского типа», — это статья И.В.Фабрициус «До питання про топографізацію племен Скіфії» (в кн., Археологія, т. V. Київ, 1951, с. 52, карта). Карта эта крайне схематична и неполна. Общая географическая концепция И.В.Фабрициус

Тереножкина и Ильинской — это карта, которую можно назвать так: «местонахождение памятников, относимых данными исследователями к скифской культуре». Авторитет этих двух крупнейших скифологов является гарантией добротности карты, хотя она и не заменяет подробного картографирования всех элементов скифской триады. Для наших целей этой подробной карты вполне достаточно.

К скифским (в общем смысле) на карте Тереножкина и Ильинской отнесены следующие условные археологические группы: степная (на карте I), киевская (II), восточноподольская (III), западноподольская (IV), ворсклинская (VI), посульская (VII), северско-донецкая (VIII), воронежская (XV). Пограничье скифского мира на западе составляют: волынская группа по Случи и Горыни (V), высоцкая на Львовщине (XIV) и молдавская (IX)⁸⁷.

*Крылатый бык. Бляшка из кургана скифов-пахарей V в. до н.э.
(с. Защита Кировоградской обл.)*

Таким образом, условная Скифия может быть очерчена по археологическим данным следующим образом: среднее течение Днестра, частично Волынь, верхнее и среднее течение Южного Буга, Днепр от устья Десны до моря, среднее и нижнее течение Сейма, Псла, Вор-

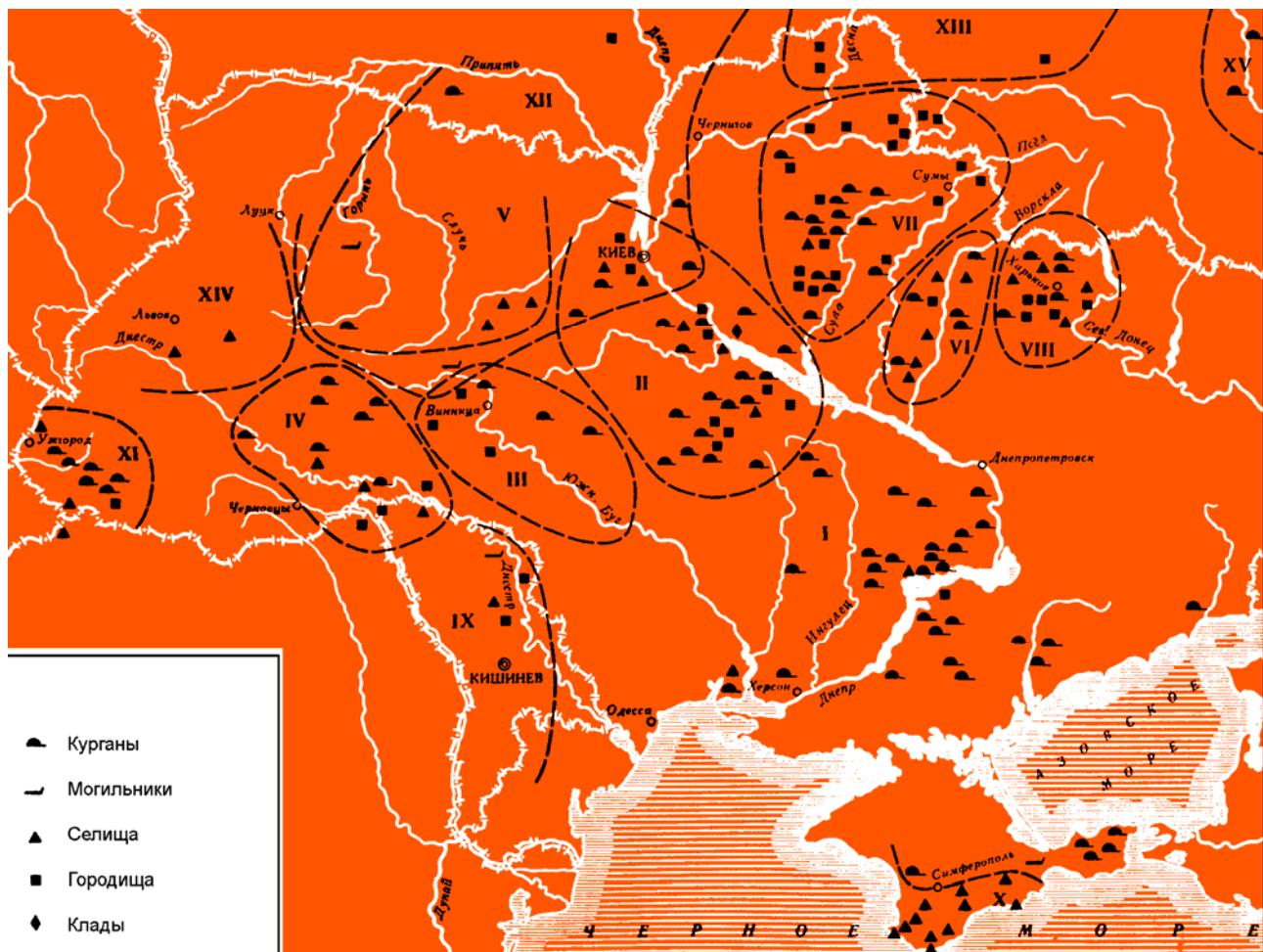
вызывала резкую справедливую критику А.И.Тереножкина (см.: ВДИ, 1952, №2, с. 147–153). В полной и подробной работе А.И.Мелюковой «Вооружение скифов» (САИ. М., 1964) карты, к сожалению, вообще отсутствуют. Большой интерес представляет карта, приложенная к указанной выше статье Гракова и Мелюковой. Она дает общее представление о размещении памятников скифского времени. Учитывает она типы погребальных сооружений, лощеную керамику, но не «скифскую триаду».

⁸⁷ Тереножкін О.І., Ільїнська В.А. Скіфський період, с. 102, 120.

склы, верховья Северского Донца, пространство от Молочной до Днепра и Керченский полуостров.

Особым, оторванным от основного «скифского» массива островом является воронежская группа скифских памятников на Среднем Дону.

Основное отличие археологических данных от геродотовских заключается в том, что в степной части скифские памятники прослежены не везде: мало находок на территории «Исконной Скифии» от Дуная до Днепровско-Бугского лимана и почти отсутствуют памятники между днепровской порожистой лукой и Танаисом (излучина Донца и Нижний Дон). Эти степные просторы были, по всей вероятности, местом сезонных кочевий скифов, трудноуловимых археологически. Это не противоречие между археологией и Геродотом, а специфика степных скотоводческих культур.

Археологические культуры скифского типа. Кочевые скифы

Скифия (в широком понимании этого названия) по археологическим данным занимала значительное пространство, выглядящее на карте в виде опрокинутой трапеции. Ее широкое основание (от Волыни до верховьев Северского Донца), обращенное к северу, равно примерно 750 км. В меридиональном направлении от Керченского полуострова до Сейма расстояние по прямой около 700 км.

Геродотовский скифский тетрагон довольно точно совпадает по объему и местоположению с археологическим ареалом культур скифского типа. Совпадение в общих чертах археологического ареала с геродотовским общим обводом скифских земель в высшей степени интересно.

* * *

ЦАРСКИЕ СКИФЫ. СКИФЫ-КОЧЕВНИКИ. Полная выборка всех замечаний Геродота о скифах как таковых, приведенная выше, показывает, что к скифским в прямом смысле памятникам следует относить только кочевнические: «...не земледельцы ведь они, а кочевники» (§ 2). Незначительное вкрапление земледельческих поселений, встречающееся в приморской полосе, близ греческих городов, мы не имеем права связывать со скифами не

только в связи с категорическим отрицанием скифского земледелия Геродотом, но и потому, что историк точно указал имена этих приморских земледельцев: каллипиды и алазоны, данные о которых мы рассмотрим позже.

С царскими скифами отождествляют степную археологическую группу. Подтверждая Геродота, писавшего об отсутствии городов и укреплений у скифов, археологи отмечают, что «единственными памятниками кочевых скифов являются курганы»⁸⁸. Каменское городище возникло, очевидно, уже в послегеродотовское время.

В полном соответствии с Геродотом царские курганы скифов размещаются в Днепровской луке — в геродотовском Герросе — западнее порогов (Александровский, Кичкасский, Острая Могила, Чертомлык и др.). Значительная часть курганов (Солоха, Чмырева Могила и др.) расположена южнее Конских Вод и у Молочной, что тоже может рассматриваться как земля Геррос.

Гидрия из с. Песчаного

Народ геррос — «отдаленнейший, подчиненный им» (скифским царям) (§ 71). Археологическая северная граница проходила примерно по линии Кировоград — Днепропетровск. Но до ближайшей (киевской) археологической группы оставалась еще полоса в 60–80 км почти без скифских памятников. Возможно, что здесь кочевали эти самые герросы, наиболее северные из скифских кочевых племен.

Скифские курганы хорошо известны и на Керченском полуострове (Куль-Оба).

⁸⁸ Тереножкін О.І., Ільїнська В.А. Скіфський період, с. 47.

Однако следует сказать, что археологическая карта царских скифов совпадает со сведениями Геродота лишь в главной, срединной, части. Геродот описывает землю скифов с большим размахом:

«По ту сторону реки Герра (на запад от Молочной) находятся так называемые царские владения и живут храбрейшие и многочисленнейшие скифы, прочих скифов почитающие своими рабами.

На юге они простираются до Таврики, на востоке до того рва, который выкопали потомки слепых, и до торжища на Меотидском озере, называющегося Кремнами.

Владения их частью доходят и до реки Танаиса...» (§ 20).

Окрестности Кремн, судя по археологическим находкам, действительно были восточной окраиной царских скифов⁸⁹, а главная масса их действительно находилась «по ту сторону Герроса» (Молочной), если отсчитывать от Кремн. Очень точно указана и граница скифов близ Керчи⁹⁰.

Существенным, но вполне объяснимым расхождением является определение восточных пределов. В полном согласии с нашими археологическими сведениями Геродот обозначил восточные рубежи Кремнами⁹¹ и Боспором, но сделал интересную оговорку: «...владения их *частью* доходят и до реки Танаиса». Археологических данных здесь немногого, они отрывочны, но такое необнаружение к настоящему времени источников археологами еще не может быть аргументом против Геродота. Степи между Молочной и Нижним Доном могли быть районом кочевий беднейших скифских племен, отесненных в эти полупустынные пространства с литофитной растительностью своими более могущественными соседями, т.е. царскими скифами, занимавшими великолепные пастища Нижнего Днепра, Запорожья и Степного Крыма. Другими словами, здесь могли обитать те племена, которых историк называл просто «скифы-кочевники». Они могли находиться в известной зависимости от царских скифов, чем и объясняется формула Геродота: владения басилидов частично доходят до Танаиса. Нецарские свободные скифы, жившие на запад от Герроса (Молочной), обитали и далее на восток по побережью Меотиды, а их власть, их *владения* простирались до самого Танаиса.

У нас есть еще два ориентира, позволяющие уточнить пустынное в археологическом смысле пространство скифов-кочевников:

«К востоку от скифов-земледельцев по ту сторону реки Пантиапы обитают скифы-кочевники, не сеющие ничего и не пашущие.

Вся эта страна, за исключением гиляй, — безлесна. Кочевники занимают область к востоку на 14 дней пути, простирающуюся до реки Герроса.

По ту сторону реки Герроса находятся... царские владения...» (§ 19).

Этот параграф стал понятен лишь после того, как выяснилась речная система Геродота. Только отождествление Пантиапы с Ворсклой позволяет понять истинную географию простых скифов-кочевников, четко противопоставляемых скифам царским.

Если от Ворсклы-Пантиапы отложить расстояние в 14 дней (≈ 500 км), то мы окажемся в излучине Танаиса, т.е. точно там, где и должны кончаться пределы Скифии. Линия в 14 дней пути оставит позади за Ворсклой лесостепь, а от Ворсклы на юго-восток пойдет до

⁸⁹ См. курганы близ Ногайска у Азовского моря (Яценко И.В. Скифия VII — V вв. до н.э. М., 1959, с. 66–67), а также курганы близ Мелитополя и на р. Обиточной (Граков Б.Н. и Мелюкова А.И. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время. — В кн.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954, с. 66, 74).

⁹⁰ «Ров слепых» на Керченском полуострове проходил на 20 км западнее самого пролива, оставляя греческим поселениям эту неширокую полосу; на восток до тавров жили скифы (см.: Античные города Северного Причерноморья. М.—Л., 1955, с. 142 (карта Боспорского царства в статье Г.Ф.Гайдукевича).

⁹¹ В другом месте, передавая легенду об амазонках (§ 110), Геродот окрестности эмпория Кремны называет землей «свободных скифов». Здесь определение «свободные» является синонимом «царские».

самого устья Донца по ковыльной разнотравной степи. Страна эта, за исключением лесных массивов на Ворскле и в верховьях Донца, действительно безлесна.

Дав поперечник степного пространства скифов-кочевников и определив тем самым северо-западную (Ворскла) и юго-восточную (Танаис) границы их кочевий, Геродот двумя ориентирами фиксирует размежевание простыхnomadov с царскими. Река Геррос-Молочная действительно являлась рубежом между двумя группами скифских племен: вдоль Меотиды до Танаиса жили простые кочевники, почти не оставившие археологических следов, а «по ту сторону Герра», на запад от Молочной, находились владения «храбрейших» царских скифов, власть которых в какой-то мере простиралась и на всех простых скифов вплоть до пограничного Танаиса, за которым начиналась уже земля савроматов.

Вторым (кроме Герроса) ориентиром в приазовских степях для Геродота была река Гипакирис:

«Шестая река Гипакирис начинается из озера. Течением своим разделяет землю скифов-кочевников пополам...» (§ 55).

Верховья Гипакириса-Конки действительно находятся почти на средней линии степей между Днепром и Доном: от Конских Раздоров как до Ворсклы, так и до устья Дона одинаково по 300 км.

Пребывая около Кремни на рубеже царских и простых скифов, Геродот мог получить достаточно полные сведения, которые теперь помогают нам восстановить географическое положение земли скифов-кочевников с большей точностью даже, чем землю их царственных соседей.

Северную половину земель скифов-кочевников очерчивает граница степной ландшафтной зоны, идущая по Нижней Ворскле, дубравам Харьковщины (часть «гилей») и среднему течению Северского Донца, окаймлявшего скифов-кочевников и с востока; южной границей была Меотида. На западе граница шла примерно по Молочной и где-нибудь выше Конских Вод (принадлежавших, судя по курганам, скифам царским) шла по левому берегу Борисфена до Пантикопы.

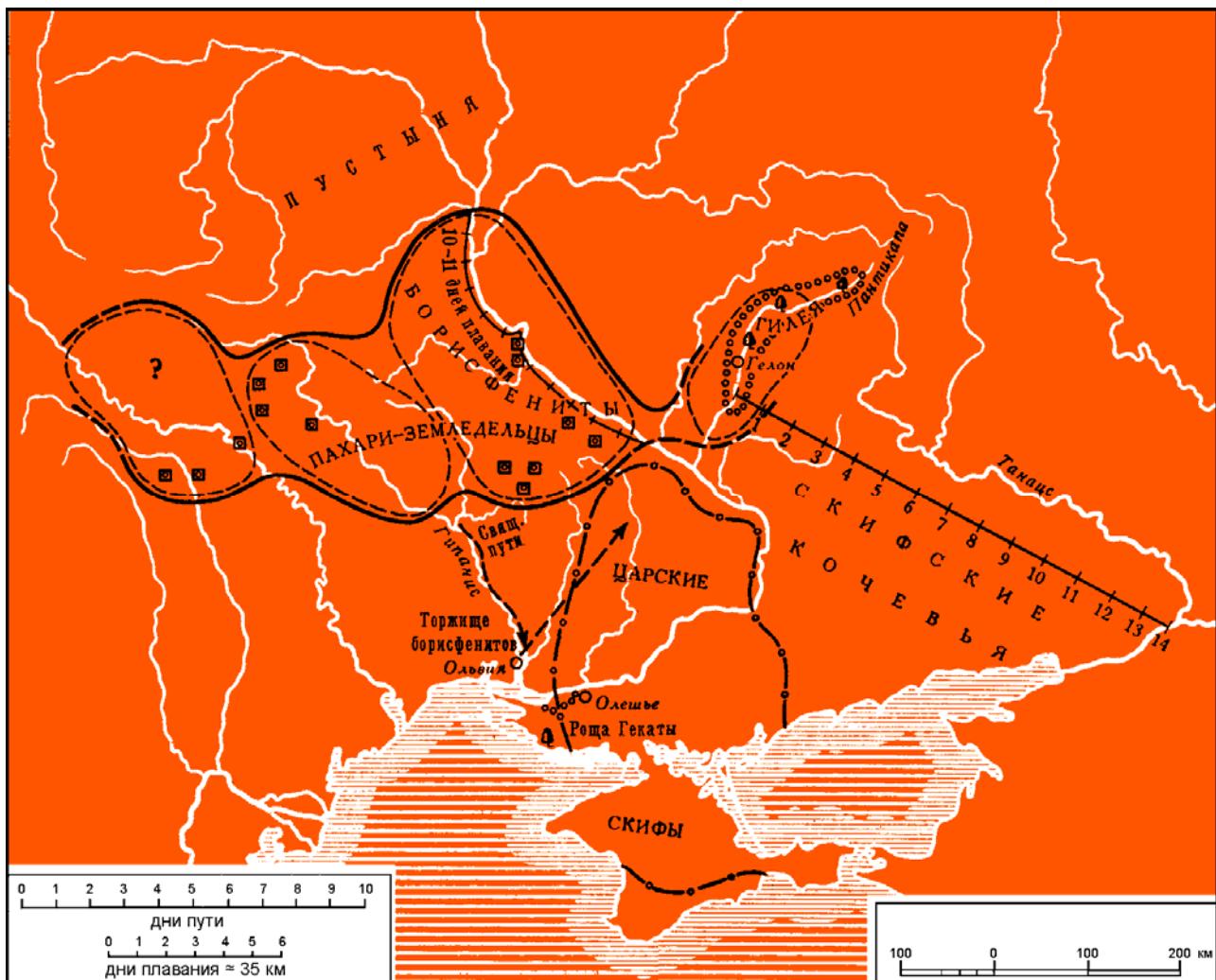
* * *

«ОСОБЫЕ СКИФЫ» И МЕЛАНХЛЕНЫ. Проблема размещения на карте царских скифов остается незавершенной, если мы не обратим внимания на § 22 четвертой книги Геродота, обычно игнорируемый исследователями:

«Над этими народами по направлению к востоку живут, другие скифы, прибывшие в эту местность *по отделении от царственных скифов*».

Причиной того, что это интереснейшее сообщение мало комментировалось скифологами, является, на мой взгляд, неудачное размещение его в геродотовском тексте — оно явно должно было находиться не в конце 22-го, а в конце 21-го параграфа. Приведу доказательства. В том виде, в каком дошел до нас текст Геродота, запись об «особых скифах» находится после подробного рассказа о северных охотничих племенах йирков и тиссагетов, живущих в стране, изобилующей лесами. У нас нет еще (пока мы не определили географическое положение будинов) надежных данных для определения страны этих лесных конных охотников. Обычно их помещают далеко на северо-восток от Скифии, за пределами скифского тетрагона, сближая или с дьяковскими и городецкими племенами или же с еще более удаленными другими финно-угорскими народами⁹². Такое размещение йирков и тиссагетов в северо-восточном углу охваченным описанием Геродота земель представляется наиболее вероятным. В этом случае «особые скифы» должны были бы находиться где-то на Среднем Урале, но там никаких скифских древностей мы не знаем.

⁹² См., например: Смирнов А.П. Скифы. М., 1966, с. 50 (карта). Из всех скифологов А.П. Смирнов был лучшим знатоком финно-угорского мира.

Земледельческая Скифия

Тонкую путеводную нить нам может дать § 20, где говорится о соседстве царских скотов с меланхленами; тонка эта нить потому, что данный параграф представляет собой одно уравнение с двумя неизвестными:

«Земли, лежащие к северу от царственных скотов, заняты меланхленами, народом особым, не скотовским».

На первый взгляд может показаться, что речь идет о тех самых царских скотов, географическое положение которых мы только что определили. Но против этого говорит их непосредственное соседство с меланхленами; меланхлены же, как известно (§ 101), обитали не по южной стороне скотовского квадрата (подобно скотов царским), а где-то далеко, в 20 днях пути от моря, т.е. уже за пределами восточной стороны квадрата. Исходя из этого приблизительно наметить ту область, где возможно *искать* меланхленов, следует так: от линии р. Сейм далее на восток в бассейн Дона и его левых притоков — Воронежа, Битюга и Вороньи. Проводя в широтном направлении эту двадцатидневную линию в 700 км от моря, мы пересечем область знаменитых воронежских скотовских курганов⁹³. Эта область неширокой полосой тянется вдоль Дона на протяжении 250 км; центр ее близ г. Воронежа находится в 20 днях пути от моря. Это не означает, что данные скотовские курганы принадлежат меланхленам — рядом с этими курганами, восточнее их, на таком же удалении от моря по левому берегу Дона (в бассейнах Битюга, Хопра и Медведицы) существует археологическая культура кочевников VI — IV вв. до н.э. В этой культуре есть ряд скотовских черт, но есть и ряд отличий. П.Д.Либеров назвал ее среднедонской культурой⁹⁴.

⁹³ Граков Б.Н.и Мелюкова А.И. Об этнических и культурных различиях..., с. 83.

⁹⁴ Либеров П.Д. Проблема будинов и гелонов в свете новых археологических данных. — В кн.: Население Среднего Дона в скотовское время. М., 1969, с. 17–21, карта на с. 19.

Изображение легенды об Агафирсе, Гелоне и Скифе на сосуде из Частых курганов под Воронежем. IV в. до н.э. Юноша, получающий лук, — Скиф

В наше уравнение мы можем вместо одного неизвестного — «особых скифов» — поставить скифов воронежских курганов, а вместо второго неизвестного — среднедонскую культуру. Однако и то и другое требует подкрепления дополнительными аргументами. Подходит ли геродотовская характеристика меланхленов к племенам среднедонской культуры?

«...От моря внутрь страны до меланхленов, что живут над скифами, — 20 дней пути» (§ 101).

Дуга длиною в 20 дней пути, центр которой помещен у Боспора Киммерийского, пересечет всю среднедонскую культуру поперек от Битюга до Медведицы. Следовательно, с

этой точки зрения у нас нет препятствий к отождествлению меланхленов со среднедонской культурой,

«Меланхлены все носят черные одежды, откуда и произошло их наименование, а образ жизни ведут скифский» (§ 107).

«...Меланхлены народ особый, не скифский. Выше меланхленов, насколько нам известно, лежат озера и безлюдная пустыня» (§ 20).

По этимологии племенного названия меланхленов — «черноодетых» — их неоднократно помещали в районе Чернигова, который более или менее соответствует удалению на 20 дней пути. Однако и район среднедонской культуры не лишен подобных этимологических сближений: через область этой культуры протекают реки Воронеж, Ворона, связанные с обозначением черного, вороного цвета. На карте Фра-Мавро 1459 г. где-то здесь, между Доном и Волгой, указана «Rossia Negra» («Черная Россия»).

Более существенными мне представляются два других пункта в геродотовских записях: скифский образ жизни (при отсутствии родства со скифами) и сопредельность дальнего конца земли меланхленов с безлюдной пустыней. П.Д.Либеров, впервые исследовавший и определивший эту культуру, пишет, что «основным занятием населения левобережья Дона было кочевое скотоводство»⁹⁵, что и придавало ему скифский облик быта. Почти весь ареал среднедонской культуры приходится на древнюю степную зону.

Между среднедонской и лежащей на север городецкой культурой находится водораздел бассейнов Оки и Дона. Археологически он пустынен: безлюдный интервал между синхронными культурами насчитывает около 150 км.

П.Д.Либеров отождествляет среднедонскую культуру с будинами, но впредь до разностороннего рассмотрения вопроса о будинах осторожнее будет не отдавать предпочтения ни одной из двух десятков гипотез о местоположении будинов. Примем пока условно область среднедонской культуры за область расселения кочевников-меланхленов.

Весь массив среднедонских меланхленов в целом оказывался несколько севернее воронежских скифов (хотя в основном они были восточными соседями «соборных скифов»); этим, быть может, и объясняется то, что Геродот считал меланхленов северными соседями царских скифов (географический «север» у Геродота, как и у других авторов, нередко означал большую удаленность от моря, иногда — северо-восток). По существу это замечание Геродота не противоречит предложенной локализации меланхленов.

Остается последний вопрос о том, можно ли воронежский скифский остров, удаленный от основной территории царских скифов, по крайней мере на 10 дней пути, и отделенный от них землями скифов-кочевников и савроматов (за Танаисом), считать частью царских скифов и сближать с той заметкой Геродота, где говорится о скифах, отделившихся от царских (§ 22)? На помощь нам приходит известный серебряный сосуд с изображениями скифов (Частые курганы близ Воронежа), многократно изучавшийся и издававшийся. Только в 1970 г. сюжет, вычеканенный греческим торевтом, получил убедительное и исторически важное истолкование. Д.С.Раевский доказал, что на сосуде изображена главная часть генеалогической легенды о сыновьях Геракла, рассказанной Геродотом в §§ 8–10⁹⁶. На фризе серебряного ритуального сосуда, сопровождавшего в могилу знатного скифа, изображено испытание сыновей Геракла — Агафирса, Гелона и Скифа — отцовским луком. Здесь нет самого состязания, но показаны три пары фигур, из которых особенно интересна одна пара: юному безбородому воину его собеседник протягивает лук. Как известно, двое старших братьев не смогли натянуть лук Геракла и поэтому не получили права на отцовское царство на Нижнем Днепре. Победил младший брат — Скиф, натянувший лук и получивший царство; Агафирс и Гелон были изгнаны их матерью.

Расшифровка Д.С.Раевского важна для нас тем, что утверждает за воронежскими скифами IV в. бытование у них древней легенды, сложившейся именно в среде царских скифов Нижнего Днепра. Поэтому вполне обоснованным будет предположение, что обособлен-

⁹⁵ Либеров П.Д. Проблема будинов и гелонов..., с. 17.

⁹⁶ Раевский Д.С. Скифский мифологический сюжет в искусстве и идеологии царства Атея. — СА, 1970, №3, с. 91–95.

ный воронежский район скифской культуры и является местом обитания тех «других скифов, которые прибыли в эту местность по отделении от царственных». Поселились они действительно рядом с меланхленами, удаленными от Черного моря на 20 дней пути. При перечислении народов от моря в глубь страны писатель должен сначала упомянуть отделившихся скифов, а затем уже более далеких меланхленов, живущих восточнее и севернее их на kraю пустыни. Так и следует понимать конец § 20.

Почти бесспорным доказательством тождества «отделившихся скифов» со скифами Среднего Дона является начало § 23, прямо продолжающее заметку об «отделившихся»:

«До владения этих скифов вся упомянутая выше страна представляет равнину с толстым слоем чернозема. Начиная же отсюда земля уже твердая как камень и неровная. После долгого перехода по этой каменистой области придешь в страну, где у подножья высоких гор обитают люди...»

Горы эти исследователями единодушно отождествляются с Уралом; следовательно, предполагается движение в восточном направлении. На восток от Дона действительно идут паммофитные степи и полупустыни, тянувшиеся и далее за Волгу. Геродот очень точно отметил, что область отделившихся скифов является восточной окраиной черноземных пространств, пригодных, добавим, для древнего земледелия. Восточнее Дона в древности и в средние века земледелием почти не занимались. Если земля отделившихся скифов дает нам комплексное земледельческо-скотоводческое оседлое хозяйство⁹⁷, то обширная соседняя степная область меланхленов, так красочно описанная Геродотом, использовалась только для кочевого скотоводства, что и позволило историку назвать их образ жизни типично скифским, т.е. кочевническим.

Южными соседями и меланхленов, и воронежских скифов были савроматы, памятники которых встречены восточнее Северского Донца⁹⁸. Савроматы занимали земли к востоку от Северского Донца и к югу от Нижнего Дона («за Танаисом»), проникая частично на Северный Кавказ и простираясь на восток за Волгу. Вопрос о размещении савроматов разобран мною выше в разделе «Реки Скифии» в связи с определением течения Танаиса.

* * *

ЮЖНЫЕ И ЗАПАДНЫЕ СОСЕДИ СКИФОВ (ТАВРЫ, КАЛЛИПИДЫ, АЛАЗОНЫ, АГАФИРСЫ).

ТАВРЫ. География крымских тавров достаточно подробно изучена по археологическим данным Х.И.Крис⁹⁹.

Таврские поселения VII — V вв. до н.э. тянулись от самой южной оконечности Крыма по юго-восточному побережью до Отуз, немного не доходя до Феодосии. Как мною уже установлено выше, Геродот очень точно измерил (очевидно, с моря) это таврское побережье протяжением в 130 км и сопоставил его с побережьем Тарентского залива от древнего Та-рента до мыса Япигиона, также равным 130 км.

«За таврами опять живут скифы: частично далее на восток на морском побережье, а частью на западе Киммерийского Боспора и озера Меотиды до реки Танаиса...» (§ 99).

Все это, как уже говорилось, полностью подкрепляется археологическими данными о размещении тавров и скифов в Крыму и на Керченском полуострове. Тавры занимали обширный район гор и побережья, а скифы (царские) — степные пространства и часть побере-

⁹⁷ Либеров П.Д. Памятники скифского времени на Дону. — СА, 1966, №2; Он же. Проблема будинов и гелонов..., с. 17.

⁹⁸ Сведения эти любезно сообщены мне К.Ф.Смирновым.

⁹⁹ Крис Х.И. О таврах и кизил-кобинской культуре. — ВДИ, 1971, №4, с. 158, карта.

жья восточнее античной Феодосии. Постепенно происходит процесс ассимиляции туземного населения скифами¹⁰⁰.

КАЛЛИПИДЫ. АЛАЗОНЫ. Первыми народами Скифии, которые Геродот начал перечислять, продвигаясь на север от Ольвии, были каллипиды (по переводу Б.Н.Гракова — «потомки доброконных») и алазоны, или ализоны¹⁰¹.

«От торгового города борисфенитов, составляющего наиболее срединный пункт во всей приморской Скифии, первыми живут каллипиды, представляющие собой эллино-скифов. Выше их живет другой народ, именуемый алазонами. Как алазоны, так и каллипиды во всем ведут такой же образ жизни, как и скифы, но хлеб они сеют и употребляют в пищу, равно как лук, чеснок, чечевицу и просо...»

«...Народы эти (каллипиды, алазоны, пахари и невры) живут вдоль реки Гипаниса к западу от Борисфена» (§ 17).

Археологические памятники тех степей, которые подступают к Ольвии к западу от Днепра, немногочисленны. Оседлые поселения земледельцев в этих краях обнаружены близ моря, по берегам лиманов и в самых низовьях Днепра. Границу земледельческих поселений VI — V вв. на Нижнем Днепре И.В.Яценко определяет примерно около Каховки, «значительно южнее Никополя»¹⁰², т.е. на расстоянии около 100 км от устья Борисфена. Граница между каллипидами и алазонами не определена Геродотом. Археология почти бессильна помочь здесь, т.к. в степях в удалении от моря памятников так же мало, как и в земле скифов-кочевников в Приазовье. Возможно, что, говоря о «скифском образе жизни», Геродот в большей степени имел в виду степных алазонов, чем земледельцев каллипидов, смешавшихся с приморскими греками.

По происхождению каллипиды могут быть потомками каких-либо кочевых конных племен киммерийского времени, частично осевших на землю после потери обширных днепровских пастбищ, занятых «храбрейшими и многочисленнейшими» царскими скифами.

Географически каллипиды размещались в срединной части «Исконной Скифии» и, очевидно, были покорены скифами в первую очередь. Западными прибрежными соседями каллипидов были тириты, жившие в устье Тиры. А.И.Мелюкова относит греко-фракийское по антропологическому облику население Днестровского лимана тоже к каллипидам¹⁰³, но, может быть, правильнее было бы следовать Геродоту:

«У устья Тиры живут эллины, которые называются тиритами» (§ 51).

Северная граница алазонов известна нам хорошо, это — речка Эксампай:

«Ручей этот протекает на границе скифов и алазонов... Тира и Гипанис сближаются своими излучинами в земле алазонов. Далее обе реки делают новые повороты и разделяющее их пространство становится все шире» (§ 52).

Таким местом сближения является примерно параллель 48° северной широты, идущая от Первомайска на Буге на запад через Балту к излому Днестра. Именно здесь кончаются алазонские степи и начинается лесостепь скифов-пахарей.

¹⁰⁰ Троицкая Т.Н. Скифские погребения в курганах Крыма. Автореф. канд. дис. Симферополь, 1954, с. 7.

¹⁰¹ В новейших изданиях Геродота принято чтение Αλισ νες — Ализоны (см.: ΗΡΟΔΟΤΟΥ ΙΣΤΟΡΙΑ. Α ναις, 1951, σ. 672).

¹⁰² Яценко И.В. Скифия..., с. 98. И.В.Яценко, анализируя памятники Нижнего Днепра и Днепровско-Бугского лимана, отождествляет их с геродотовскими «скифами-земледельцами», считая, что это «теперь уже не представляется спорным» (там же, с. 97–98).

Логичнее признать в этих южных земледельцах каллипидов, как это сделали А.И.Тереножкин и В.А.Ильинская (см.: Тереножкін О.І., Ільїнська В.А. Скіфський період, с. 72–74).

¹⁰³ Мелюкова А.И. Поселение и могильник у с. Николаевки. М., 1975, с. 174.

Труднее определить широтное протяжение земли алазонов. Предположительно можно говорить о кочевании их между Днестром и Ингулом или Ингульцом, за которыми уже начинались владения царских скифов. На западе алазонские кочевья должны были соприкасаться с тиритами и агафирсами.

Любопытно отметить, что в описании кампании 512 г. ни разу не упомянуты ни каллипиды, ни алазоны: они не участвуют в совещаниях, нет речи об их царях, они не упомянуты ни в составе скифских войск, ни в числе тех племен, которые пытались сохранить вооруженный нейтралитет. Это тем более странно, что персидские войска должны были проходить сквозь всю прибрежную территорию каллипидов. Очевидно, каллипиды и алазоны были полностью подчинены царским скифам и самостоятельного политического целого не представляли.

АГАФИРСЫ. Несмотря на наличие у Геродота специальных записей о нравах агафирсов, об их участии в событиях 512 г. и о других агафирско-скифских отношениях, Геродот нигде не охарактеризовал географическое положение этого народа. У него есть только два попутных упоминания: то, что из земли агафирсов вытекает река Марис (Мареш), и то, что скифы граничат близ Дуная сначала с агафирсами, а потом с неврами (§§ 49, 100). Б.Н.Граков размещает агафирсов вдоль Днестра-Тиры¹⁰⁴, а А.П.Смирнов — в верховьях Мареша, за Прутом¹⁰⁵. Думаю, что правильнее было бы объединить обе точки зрения и считать землей агафирсов пространство от Мариса до Тиры включительно и связывать с ними находящиеся здесь археологические памятники молдавской группы, идущие от Днестра далее на запад¹⁰⁶.

Геродот, очевидно, не отредактировал свои записи о юго-западной части Скифии и об агафирсах, т.к. у него ощущается двойственное отношение к понятию «скифского» применительно к этому району. Левые притоки Истра (Тиарант и Пората), очевидно, вытекают из прикарпатской земли агафирсов, т.к. Тиарант-Серет отстоит всего лишь на три дня пути от верховьев Мариса. А между тем и низовья Истра и эти притоки Геродот называет скифскими так, как если бы агафирсы обитали только за Карпатами, западнее Серета. Возможно, что Геродота смущила историческая справка о том, что «Исконная Скифия» начиналась непосредственно от дунайского устья. В результате агафирсам не нашлось места в этногеографическом описании Геродота, хотя сведения о конфликтах агафирских царей со скифами он получил в Ольвии от Тимна.

К сожалению, и археологи-скифоведы не уделили внимания проблеме агафирсов. Агафирсы оказались пасынками науки. Мы не найдем их имени ни на карте Б.Н.Гракова (1947), ни в археологическом тексте А.И.Тереножкина и В.А.Ильинской¹⁰⁷.

Некоторые основания сближать агафирсов со скифами заложены в геродотовой генеалогической легенде, где родоначальники обоих народов — родные братья, сыновья Геракла (§§ 8–10). Близость к фракийцам тоже отмечена Геродотом:

«По образу жизни агафирсы походят на фракийцев» (§ 104).

Мне думается, что скифо-фракийские взаимоотношения — это прежде всего проблема агафирсов, родичей скифов, воспринявших обычай фракийцев.

Древности скифского времени занимают часть течения Днестра (вокруг Рыбницы), Прута, Серета и лишь немного не доходят до истоков Мареша. Памятники фракийского гальштата господствовали на Днестре до середины VII в., а с этого времени появляются скифские. Очевидно, в это время скифоидные агафирсы наслоились на местный фракийский (?) субстрат¹⁰⁸.

¹⁰⁴ Граков Б.Н. Скифы. М., 1971, с. 14, карта.

¹⁰⁵ Смирнов А.П. Скифы, с. 50, карта.

¹⁰⁶ Тереножкін О.І., Ільїнська В.А. Скіфський період, с. 9, карта; см. также: Vulpe A. Forschungen über das 7 bis 5 Jh. v. u. Z. — In: Memoria Antiquitatis, Bd II. 1970, S. 115–214. А.Вульпе связывает с агафирсами древности по обе стороны Карпат до Прута.

¹⁰⁷ «За Днестром на запад начинается территория с фракийским, вероятно гетским, населением» (Тереножкін О.І., Ільїнська В.А. Скіфський період, с. 74).

¹⁰⁸ Если, следуя Б.Н.Гракову, размещать агафирсов на Днестре и за Днестром, то следует обратить внимание на то, что в самом названии агафирсов-агатирсов, может быть, содержится указание на Тиру-Тира-

Мы рассмотрели степную половину того огромного археологического ареала, который устойчиво именуется скифской культурой. Ядром здесь оказалась территория царских скифов на Нижнем Днепре и прилегающих землях по направлению к морю и Меотиде и на Боспоре.

У этой земли, заполненной огромными курганами царей и вождей, было как бы два широких крыла кочевий, распространенных в обе стороны от Борисфена: пустынные кочевья алазонов на запад и такие же, не оставившие следов, кочевья скифов-номадов на восток от Днепра. За пределами этой компактной территории протяжением около 900 км и глубиной от моря 300–500 км находился обособленный скифский остров в лесостепи на Среднем Дону, удаленный от скифских царских могил примерно еще на 500 км к северо-востоку.

У нас осталось нерассмотренным значительное пространство восточноевропейской лесостепи от Львова до Харькова и сопредельной с лесостепью части лесной зоны.

В запасе у нас осталось еще много геродотовских имен, прикрепление которых к тем или иным районам или сопоставление с теми или иными археологическими культурами вызывало и продолжает вызывать оживленные споры. Это будины, гелоны, скифы-пахари, скифы-земледельцы, невры, андрофаги, тиссагеты, йирки. Следует сказать, что для племен, затронутых скифской культурой, район поиска уже значительно сократился: на востоке предел предположительно поставлен «обособившимися скифами» и меланхленами.

Вести поиск земледельческих племен Геродота нужно (в рамках общего ареала археологических культур скифского облика) на запад от Среднего Дона и на север от рассмотренных уже областей разных кочевых скифских племен.

ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКАЯ СКИФИЯ. Важнейшим, но и最难нейшим вопросом географии геродотовой Скифии является правильное размещение «скифов-пахарей» и «скифов-земледельцев» в согласии как с текстом «Истории», так и с новейшим массовым археологическим материалом. То обстоятельство, что Геродот в разных местах своей книги употребил два синонимичных и вполне взаимозаменимых названия (ροτρες и γεωργοι), создало представление о двух разных, размещенных в разных местах народах.

Вторым препятствием к правильному пониманию ситуации явился такой географический ориентир, как «гилея» — «лес», «полесье», под которым почему-то всегда понимали (применительно ко всему обширному пространству Скифии) единственно только незначительную плавневую растительность в устье Днепра.

Третьим обстоятельством, смущающим исследователей, оказался археологический материал, который, впрочем, противоречил не словам Геродота, а ставшим привычными толкованиям этих слов. Чем успешнее работали археологи, чем определенное вырисовывались контуры земледельческих культур скифского времени, тем больше противоречий обнаруживалось между новыми фактами и старой интерпретацией Геродота.

Что касается первого препятствия, то давно уже обращалось внимание на синонимичность терминов «аротеры» и «георгои», обозначавших «пашущие землю», которые вполне могли быть применены к одному и тому же народу¹⁰⁹.

Л.Нидерле, особо интересовавшийся Земледельческой Скифией как возможной частью прародины славян, полагал, что оба обозначения употреблены Геродотом по отношению к одному и тому же народу: «Видеть в них два разных племени крайне ошибочно». Нидерле объясняет появление двух наименований (аротеры и георгои) двумя разными источниками информации у Геродота: «Можно думать, что Геродот разделил единый народ лишь на

(Днестр). В.И.Абаев, анализируя скифский язык, отмечал роль суффиксов «-аг», «-ак», придававших смысл: «происходящий оттуда», «принадлежащий к чему» (Абаев В.И. Скифский язык. — В кн.: Осетинский язык и фольклор. М.—Л., 1949, с. 224). В данном случае перед нами не суффикс, а префикс, но, возможно, с тем же значением: «ага-тиры» — «происходящие с Тираном» (?).

¹⁰⁹ Macan R.W. Herodotus, the fourth, fifth and sixth books, v. II. Apend. II. Geography of Scythia. London, 1895, p. 32. Автор считает «пахарей» и «земледельцев» одним народом, жившим на обоих берегах Днепра. Точно так же на обоих берегах Среднего Днепра размещал «пахарей» и «земледельцев» на своей карте и Ф.Г.Мищенко в 1888 г. Без археологического подтверждения это построение не казалось скифологам убедительным и долго не принималось во внимание.

основании двух разных свидетельств: в первый раз при перечне племен по Гипанису, а второй — по Борисфену, не противопоставляя эпитеты «георгои» и «аротеры» друг другу¹¹⁰. Думаю, что Нидерле здесь безусловно прав. Новейший переводчик «Истории» Г.А.Стратановский, переводя 17-й и 18-й параграфы IV книги, в обоих случаях переводит рοτ ρες и γεωργοι одинаково словом «земледельцы»¹¹¹, устранив тем самым дублировку.

Второе препятствие — «лес», «полесье» — частично уже рассмотрено мною выше в разделе о реках Скифии. Однако этот вопрос настолько важен, что его придется разобрать вновь и притом разобрать совершенно независимо от его предварительного решения, не опираясь на те выводы, которые были уже сделаны мною ранее.

Слово «гилея», означающее «лес», «роща», может быть как нарицательным, так и собственным, подобно русскому «полесью», «олешью». При переводах и пояснениях исследователи систематически принимали Гилею только как имя собственное, означающее небольшую лесистость близ устья Днепра, где и много сотен лет спустя после Геродота существовало так называемое Олешье, упоминаемое в русских летописях. Геродот в IV книге шесть раз в разном контексте употребляет слово «гилея». Никто из исследователей не сомневался в том, что во всех шести случаях историк имел в виду одно и то же нижнеднепровское лесное урочище. В литературе мне неизвестны попытки анализа всех упоминаний гилеи. Принималось как аксиома, что Гилея была только одна, и ее считали даже очень надежным географическим ориентиром, группируя вокруг нее другие данные и размещая народы и реки поблизости от Гилеи-Олешья, невзирая на противоречия и натяжки.

Вычленим из множества возникающих перед нами вопросов один, первоочередной: об одной ли гилее говорит Геродот во всех шести случаях?

Геродот пересказывает местный миф о Геракле, встретившем в Гилее деву-змею, родившую ему трех сыновей (в том числе и Скифа). Географических примет нет. Логически следует допустить, что миф должен был быть приурочен к «Исконной Скифии» как первичному местопребыванию скифов. Нет препятствий к отождествлению с нижнеднепровским Олешьем. Назовем условно эту гилею первой. (§ 9).

Гилея расположена за Борисфеном. На север от нее на большом пространстве живут «борисфениты», скифы-земледельцы. Так же условно назовем эту гилею второй. (§ 18).

Гилея находится на краю земли скифов-кочевников, живущих к востоку от упомянутых выше земледельцев. Т.к. этот параграф является прямым продолжением предыдущего, то и здесь необходимо подразумевать гилею вторую. (§ 19).

Река Пантикопа, отделяющая земледельцев от кочевников, протекает через гилею и, вышедши из лесного массива, впадает в Днепр. Угол между левым притоком и Днепром занимают скифы-земледельцы. Это несомненно гилея вторая. (§ 54).

Река Гипакирис впадает в Каркинитский залив Черного моря, «причем правою стороною ограничивает Гилею и так называемый Ахиллов Бег». Здесь очень точно указано местоположение Гилеи западнее Каркинитского залива (название сохранилось до наших дней) и севернее Тендровской косы, т.е. имеется в виду нижнеднепровское Олешье. Гилея первая. (§ 55).

Со слов Тимна Геродот передает рассказ о смерти Анахарсиса, который решил устроить празднество в честь Матери Богов и с этой целью «удалился в так называемую Гилею, что подле Ахиллова Бега, всю покрытую лесом разной породы деревьев». Несомненно тождество с гилеей § 55, т.е. гилеей первой. (§ 76).

Теперь нам следует решить: насколько справедливо было условное деление сведений о гилее на две категории, не могли ли здесь быть ошибки, не являются ли все же нижнеднепровское Олешье и пантикопская гилея одним и тем же лесным урочищем?

¹¹⁰ Niederle L. Slovanské Starožitnosti, d. I, sv. 2. Praha, 1902, s. 250.

¹¹¹ Геродот. История. Л., 1972, с. 191–192. (Ред. пер. Н.А.Мещерский).

Нижнеднепровское Олешье (Гиляя в §§ 55 и 76) — это плавневые леса по левому берегу Днепра и в пойме среди многочисленных днепровских протоков от лимана до города Цюрупинска (быв. Алешки) напротив Херсона. Лес начинается от Соляных озер, упомянутых Геродотом (§ 53), и тянется километров на 20 полосою около 8 км. Это сравнительно небольшое лесное уорчище было отметным потому, что вокруг него лежали песчаные полу-пустыни, значительные безводные пространства, описание которых есть у Страбона: Ахиллесов Бег — «низменный полуостров», «место хотя и лишенное растительности, но называемое „рощей“, посвященной Ахиллесу», «это песчаная отмель, где вода добывается рытьем колодцев»¹¹². В северной части этого непривлекательного полуострова и находилась первая гиляя, описание которой дано Дионом Хризостомом:

«В остальной части лимана берега болотисты и покрыты густым тростником и деревьями; даже в самом лимане видно много деревьев, издали похожих на мачты так, что неопытные корабельщики ошибаются, правя к ним как бы к кораблям»¹¹³.

Заросшие растительностью плавни и отдельные ритуальные рощи — такова эта нижнеднепровская Гиляя. Географическое положение ее не вызывает сомнений: она расположена на самом юго-западном краю земли царских скотов невдалеке от Ольвии и от земледельцев-каллипидов.

Сопоставим гилюю первую с гилемой второй. У второй гиляй (§§ 18, 19, 54) следующие отличительные признаки: во-первых, в связи с ней не упоминается Ахиллов Бег; во-вторых, через этот лесной массив протекает левый приток Днепра — Пантикапа. В-третьих, Гиляя и Пантикапа находятся на рубеже лесостепи и степи и разграничивают скотов-земледельцев и скотов-кочевников; сразу за Пантикапой (а следовательно, и за гилемой, растущей по ее берегам) на восток идут на 500 км земли скотов-кочевников.

Обратимся к нижнеднепровскому Олешью. Никаких рек в Алешковских песках нет. В Днепр со стороны гиляй (слева) не впадает ни одна река; на всем протяжении нижнего течения Днепра единственным левым притоком является маленькая речка Рогачик в 150 км от устья Днепра и в 130 км от Гиляй. Поиск р. Пантикапы, проходящей сквозь нижнеднепровскую Гилюю и впадающей в Днепр, дает бесспорный *отрицательный результат*¹¹⁴.

Рассмотрим, в каком отношении друг к другу находятся Гиляя (нижнеднепровская) и скотов-кочевники. Если бы гиляя первая и гилема вторая были на самом деле одним и тем же лесом, то согласно § 19 сразу за ней на восток должны были начинаться земли скотов-кочевников. На самом же деле от той Гиляи, местоположение которой нам хорошо известно, от нижнеднепровской, на восток лежат земли царских скотов. Для того чтобы добраться до земель приазовских кочевников (за Молочной), нужно было пройти на восток 250 км, пересекая поперек всю землю скотов царственных. Это обстоятельство, никогда ранее не принимавшееся во внимание, я считаю самым убедительным доводом в пользу того, что Геродот писал о двух разных гиляях. Наша вторая, пантикапская гилема не может быть отождествлена с Гилемой-Олешьем. Из сказанного выше вытекает еще один важный вывод — *вторую гилюю Геродота следует искать где-то за пределами земель царских скотов*, т.е. выше днепровских порогов.

¹¹² Страбон. География. М., 1961, с. 281. Географ писал не только о Тендровской косе, отождествляемой с Ахилловым Бегом, но обо всем полуострове, ограниченном Днепровским лиманом и Черным морем до Каркинитского залива. Протяжение полуострова Страбон исчисляет в 1000 стадий (177 км), что очень точно соответствует расстоянию от м. Кинбурна до Перекопа. Птолемей на этом полуострове упоминает рощу Гекаты.

¹¹³ Латышев В.В. Известия... — ВДИ, 1948, №1, с. 355.

¹¹⁴ Учитывая отсутствие рек на левом берегу Борисфена, Пантикапу пытались искать на правом берегу и отождествлять с правым притоком Днепра — Ингульцем. При этом игнорировалось то, что Геродот описывал реки в строгом порядке с запада на восток и должен был бы в этом случае упомянуть Пантикапу ранее Борисфена. Но у Геродота Борисфен — четвертая река, а Пантикапа — пятая. Кроме того, Геродот прямо говорит, что Пантикапа течет через гилюю, а Гилема-Олешье находится не на том берегу, по которому течет Ингулец.

Гипотеза Пантикапа-Ингулец построена на двух натяжках.

Не обращало на себя внимание и то, что Геродот предусмотрительно предупреждал читателя о существовании другого леса, другой гиlei: упоминая в трех параграфах гиleiю пантикопскую и очертив ее достаточно подробно, Геродот в двух последующих случаях должен был по ходу дела говорить о другом лесном массиве. В первом случае (§ 55) он определил его нижнеднепровское местонахождение в процессе самого описания р. Гипакириса, протекавшей восточнее Гиlei и Ахиллова Бега. Во втором случае (§ 76) географическое положение Гиlei из самого рассказа не явствовало, и Геродот, заботясь об устранении путаницы у его читателей, сделал очень важное для нас пояснение: «*Гиleiя, что подле Ахиллова Бега*» (§ 76).

Путаница все же возникла. Читатели XIX — XX вв. стремились сгруппировать все сведения вокруг одной-единственной нижнеднепровской Гиlei. В этом им сильно мешали скифы-земледельцы, которых очень трудно было уместить на нижнеднепровских песках и плавнях. Однако, как увидим, умещали и даже, вопреки многочисленным утверждениям Геродота о *кочевом быте* скифов, размещали земледельцев и кочевников «вперемежку»¹¹⁵ или же объявляли каллипидские поселения скифо-земледельческими. К нашей основной задаче — поискам Земледельческой Скифии — мы можем подойти теперь, преодолев два указанных в начале препятствия: мы не обязаны во что бы то ни стало рассматривать скифопахарей и скифов-земледельцев как два разных, в разных местах обитавших народа. Мы совершенно не связаны в своем поиске нижнеднепровской Гиleiей, т.к. скифы-земледельцы имели отношение не к ней, а к другой, пантикопской гиleiе, находившейся за пределами земли царских скифов¹¹⁶.

* * *

Впервые археологические материалы для обрисовки Земледельческой Скифии были привлечены в широком масштабе А.А.Спицыным в 1918 г.¹¹⁷ Он выделил под этим названием лесостепные культуры правого и левого берегов Днепра. В 1951 г. к вопросу о скифах-пахарях подошел П.Д.Либеров, пришедший к выводу, что «основная территория скифов-пахарей лежала к западу от Днепра и по течению Южного Буга»¹¹⁸.

Не имеет смысла излагать всю противоречивую историю развития представлений о земледельческих скифских племенах. Взглянем на состояние дела к 1970-м годам.

Б.Н.Граков в своей последней работе (1971 г.) далеко отошел от своих прежних взглядов (1947 г.), когда он расселял земледельцев от порогов до Сейма, и сильно сдвинул земледельческие племена на юг в *низовья* Буга и Ингульца. Скифы-пахари оказались у него в зоне ковыльных и типчаковых степей в области алазонов, а земледельцы тоже не выведены за пределы чистой степи и расселены вокруг курганной области Геррос¹¹⁹. Вся лесостепь отдана неврам и будинам. Концепция Гракова является шагом назад по сравнению с его же прежними взглядами: в тех степях, где он разместил земледельческие племена, нам неизвестны ни земледельческие поселения VI — V вв., ни античный импорт — эквивалент продававшегося хлеба.

Взгляды М.И.Артамонова, как мы видели, эволюционировали в обратном направлении: если Граков крайне утесnil земледельческие племена, то Артамонов, отказавшись от своего прежнего размещения пахарей от Карпат до Буга, а земледельцев — от устья Днепра до порогов, счел возможным в последней работе широко расселить эти же племена от Днестра до Дона: «Скифами-пахарями мы называем все оседлоземледельческое население лесостепной Скифии от Днестра до Дона, независимо от того, называл ли его этим именем Геродот или нет». Весьма странно звучит утверждение Артамонова, что «о среднеднепровских скифах Геродот не упоминает и даже, по-видимому, не знал об их существовании так же, как о скифах донских»¹²⁰.

¹¹⁵ Граков Б.Н. Скифы, с. 17.

¹¹⁶ В этом разделе я умышленно не использовал выводы главы «Реки Скифии», где определена «вторая гиleiя» как лесной массив по Ворскле-Пантикопе.

¹¹⁷ Спицын А.А. Скифы-пахари. — Известия Археологической комиссии. Пг., 1918, №65.

¹¹⁸ Либеров П.Д. К вопросу о скифах-пахарях. — ВДИ, 1951, №4, с. 185; см. также: Ильинская В.А. О скифах-пахарях и будинах Геродота. — Краткие сообщ. Ин-та истории материальн. культ., вып. XII, с. 28.

¹¹⁹ Граков Б.Н. Скифы, с. 14, карта.

¹²⁰ Артамонов М.И. Киммерийцы и скифы. Л., 1974, с. 94.

А.И.Тереножкин и В.А.Ильинская в своей исторической карте (1971 г.) размещают скифов-пахарей от верховий Буга до Тясмина, а скифов-земледельцев — между Пслом и Донцом, отдавая обоим народам в совокупности почти всю лесостепь между Днестром и Северским Донцом¹²¹. Плюсом этой концепции является интуитивный отказ от размещения земледельцев близ устья Днепра. Однако следует еще раз напомнить, что данная концепция создана при помощи полного умолчания о гелонах-земледельцах; их вообще нет на этой исторической карте.

Как видим, путаница продолжает существовать, и каждая карта, каждая концепция совершенно исключает другие.

Общая тенденция скифологов, крупных знатоков археологического материала, состоит в стремлении как-то согласовать данные Геродота с необычайно расширившимся представлением о земледельческих культурах. К сожалению суммирование археологических новинок не сопровождается новым анализом данных Геродота. От него или беспринципно отреагали, или о нем умалчивали.

Нашей основой для сопоставления археологии с историей может быть только подробная карта древностей скифского времени, составленная А.И.Тереножкиным и В.А.Ильинской и несравненно более полезная, чем их историческая карта, упомянутая выше¹²². Важным выводом этих украинских ученых является не столько выявление отдельных локальных групп, сколько определение степени родственности и близости их между собой.

Среди лесостепных земледельческих памятников скифского времени особый интерес представляют четыре соседящие друг с другом группы, образующие единый культурный массив. Это группы: киевская (II)¹²³, восточно-подольская (III), западно-подольская наПравобережье Днепра и ворсклинская группа (VI) на левом берегу Днепра. Тереножкин и Ильинская отмечают значительную близость их между собой. Три правобережные группы отличаются тем, что киевская — поднепровская наиболее обширна и богата и в большей степени пронизана скифским степным влиянием¹²⁴. По мере удаления на запад уменьшается как количество исследованных памятников, так и роль скифского воздействия¹²⁵. Тереножкин и Ильинская устанавливают общее происхождение земледельческих групп от предшествующей чернолесской культуры X — VII вв. до н.э.¹²⁶

Особый интерес представляет левобережная ворсклинская группа, «которая сложилась, очевидно, в результате миграции части населения из Правобережья в позднечернолесское время» (VIII в. до н.э.)¹²⁷. Чернолесская культура охватывала Волынь, верхнюю половину Южного Буга и шла по рубежу степи и лесостепи до Днепра у устья Ворсклы, здесь она переходила на левый берег и доходила по Ворскле примерно до Ахтырки. Северный ее рубеж шел по Правобережью приблизительно на уровне устья Десны. Главное средоточие больших городищ находилось на Тясмине.

В целом перечисленные правобережные археологические группы скифского времени занимают лесостепь от Верхнего Днестра до Днепра включительно, а на левом берегу тянутся на две трети течения Ворсклы. В широтном направлении это составит около 400 км.

Киевская группа тянется вдоль Днепра от устья Тетерева до устья Ворсклы примерно на 380 км. Южная граница киевской и обеих подольских групп идет точно по границе лесостепи со степью, соприкасаясь в верховьях Ингула и Ингульца с царскими скифами. Северная граница интересующих нас земледельческих культур тоже идет довольно точно по северному рубежу лесостепи с борами и дубравами припятского Полесья. На всем пространстве правобережного комплекса мы видим полное соответствие его зоне лесостепи с сильным

¹²¹ См.: Тереножкін О.І., Ільїнська В.А. Скіфський період, с. 192, карта.

¹²² Там же, карта 2.

¹²³ Киевскую группу эти же авторы в своей предшествующей работе назвали более удачно — «поднепровской» (см.: Нариси стародавньої історії Української РСР. Київ, 1957, карта 7). Поднепровская группа по топографическому распределению памятников четко делится на две половины: северную — киевскую и южную — тясинскую; их разделяет течение Роси, лишенное памятников скифского времени.

¹²⁴ Тереножкін О.І., Ільїнська В.А. Скіфський період, с. 93–94.

¹²⁵ Там же, с. 97, 100.

¹²⁶ Там же, с. 15, 97; см. также: Тереножкин А.И. Предскифский период. Киев, 1962.

¹²⁷ Там же, с. 108 и 23; см. также: Ковпаненко Г.Т. Племена скіфського часу на Ворсклі. Київ, 1967.

преобладанием широколиственных лесов. Точно такая же природная среда и на Ворскле: лесостепь с широколиственными дубравами.

Археологическими соседями лесостепного комплекса культур на севере были перемешанные между собой милоградская (подгорцевская) культура (XII группа) и недостаточно ясная волынская группа (V), довольно примитивная по своему облику. Забегая вперед, отмечу, что милоградскую культуру, идущую от истоков Южного Буга на северо-восток в междуречье Днепра и Десны, связывают с неврами¹²⁸. Это мнение не вызвало возражений, и почти на всех картах Скифии невров помещают именно здесь, на юг от Припяти. Неврида прикрывала с севера правобережных земледельцев.

Западное пограничье не особенно выяснено. На востоке, за Днепром, в некотором отдалении от реки располагались другие лесостепные земледельческие группы, которые Тереножкин и Ильинская не включают в правобережное единство и рассматривают особо. Самая восточная из этих групп находится в верховьях Северского Донца¹²⁹.

Комплекс правобережных археологических групп, объединенных Тереножкиным и Ильинской под именем скифов-пахарей, представлен не только курганами (в том числе и богатыми «царскими»), но и поселениями, рядом огромных, хорошо укрепленных городищ вроде Пастирского, Трахтемировского, Шарповского, Севериновского, Немировского, Григорьевского. Городища больше всего вдоль Днепра от Киева до устья Тясмина (летописной Тисмени) и вдоль границы со степью; на северных пространствах таких укреплений нет. Городища укреплены валами, которые увенчивались в свое время деревянными стенами. Обычные размеры их около полутора километров в окружности, но есть и несравненно большие, как, например, Трахтемировское в излучине Днепра севернее устья Роси, периметр укреплений которого достигает 12 км.

На территории южной, тяминской половины приднепровской группы находится очень много более древних городищ, возникших еще в предскифское время. Городища чернолесской культуры меньше скифских: обычно они имеют 150–300 м в окружности, но есть и крупные, вроде самого Чернолесского, имеющего около 5 км в окружности. Граница со степью была укреплена и в скифское и в киммерийское время.

* * *

После такого общего взгляда на размещение археологических земледельческих групп по всему лесостепному поясу от Тиры до Танаиса-Донца мы можем перейти к рассмотрению сведений Геродота о земледельческих племенах Скифии и к сопоставлению их с археологической географией.

Скифский тетрагон Геродота, если это понимать буквально, охватывал на севере земли вплоть до Припяти. Лесостепная земледельческая Скифия, отстоявшая от Черного моря на 150–200 (южная граница) — 450 (северная граница) км, безусловно, входила в скифский квадрат, сторона которого превышала 700 км. Инкорпорация земледельческой лесостепи в общее понятие Скифии существует из описания войны с Дарием, где земледельческие племена не выделяются из состава скифов вообще. Можно уловить только намеки на существование скифов-земледельцев как определенной части общего скифского войска. Так, например, в скифском союзе, выступившем против персов в 512 г., упомянуты *четыре* племени: скифы, гелоны, будины и савроматы. А царю Дарию было послано в качестве символа угрозы *пять* стрел. Один из компонентов союза остался неупомянутым; возможно, что это и были земледельческие скифы лесостепи, вошедшие в описание под именем просто скифов, но по существу являвшиеся особой составной частью военного союза.

Сведения о Земледельческой Скифии Геродот разместил в трех разделах своей четвертой книги: в разделе о происхождении скифов (легенда о золотом плуге и ярме — §§ 5–7), при описании народов, живших по Гипанису и Борисфену (§§ 17–19), и при описании рек (§§ 51–54). Отложим рассмотрение легенды и обратимся к географическим описаниям.

В § 17 Геродот описывает народы, живущие западнее Днепра: исходная точка — «Город Борисфенитов» — Ольвия, «срединный пункт во всей приморской Скифии». Первыми

¹²⁸ Мельниковская О.Н. Племена Южной Белоруссии в железном веке. М., 1967, с. 167–173.

¹²⁹ См.: Ильинская В.А. Скифы днепровского Левобережья. Киев, 1968.

названы эллино-скифы каллипиды, сеющие хлеб. Затем назван «другой народ, называемый алазоны» (ализоны).

«...Севернее ализонов живут скифы-земледельцы (пахари)¹³⁰. Они сеют зерно не для собственного пропитания, а на продажу. Наконец, еще выше их живут невры, а севернее невров, насколько я знаю, идет уже безлюдная пустыня. Это племена по реке Гипанису к западу от Борисфена» (§ 17).

Выясняя маршрут Геродота, я предположил, что он предпринял поездку из Ольвии, на север по Гипанису и конечной точкой его путешествия могли быть верховья Горного Ти-кича. Если это так, то земли каллипидов и алазонов он пересек полностью и мог убедиться сам, что у них есть и лук, и чеснок, и чечевица, и просо. Миновав степную полосу, Геродот должен был несколько углубиться в землю скифов-земледельцев, к которым в этом месте он применяет термин *ροτῆρες*. Границу между алазонами и земледельцами Геродот устанавливает (§ 52) в четырех днях пути от Ольвии, т.е. в 140 км, что точно соответствует в районе Южного Буга расстоянию от моря до лесостепной полосы, во-первых, и до южной окраины поднепровской археологической группы, во-вторых.

Севернее поднепровской группы расположена обширная область милоградской культуры, к которой справедливо относят наименование невров. Безлюдная пустыня западнее Борисфена это — обширная и действительно пустынная область припятских болот на запад от Днепра.

Примечание Геродота об экспорте хлеба для нас чрезвычайно важно. Историк, разумеется, хотел сказать, что земледельческие скифы сеют хлеб не только для себя, но и на продажу. Показателем важности хлебного экспорта является наименование Ольвии — «Торжище Борисфенитов». Это связывает скифо-греческие торговые взаимоотношения именно с Днепром-Борисфеном, с вытянутой вдоль Днепра почти на 400 км киевской археологической группой. Эквивалентом среднеднепровского хлеба были различные предметы роскоши, покупаемые скифской знатью у эллинов: вино и масло в амфорах, красивая столовая посуда, бронзовые и серебряные изделия. Как показала карта, составленная Н.А.Онайко, импорт из греческих городов густо насыщает археологические памятники преимущественно поднепровской группы. Импортерами греческих товаров (и, соответственно, экспортерами хлеба) было главным образом население Среднего Поднепровья, именно те борисфениты, по которым получила свое название Ольвия.

Описав племена, расположенные к западу от Борисфена, Геродот продолжает описание, руководствуясь уже течением Днепра:

«А если переправиться через Борисфен со стороны моря, то, во-первых, будет полесье (гилея); вверх от него живут скифы-земледельцы, которых живущие у реки Гипаница эллины называют борисфенитами...

Эти земледельцы-скифы занимают область на три дня пути к востоку, простираясь до реки Пантикопы, а к северу — на 11 дней плавания вверх по Борисфену.

Выше их далеко тянется пустыня. За пустыней живут андрофаги — особое, но отнюдь не скифское племя. Еще выше лежит настоящая пустыня и никаких людей там, насколько мне известно, больше нет» (§ 18).

«К востоку от скифов-земледельцев по ту сторону реки Пантикопы обитают скифы-кочевники. Они вовсе ничего не сеют и не пашут» (§ 19).

Воспев Борисфен, стержневую, срединную реку Скифии, и описав ее богатства, Геродот несколько сбивчиво сводит воедино все справки, полученные им о течении Днепра. Не-

¹³⁰ Геродот. История. Л., 1972. Пер. Г.А.Стратановского, с. 191. Перевод, сделанный Г.А.Стратановским, в отдельных пунктах отличается от старого перевода Ф.Г.Мищенко (1888 г.) и от перевода Е.А.Бессмертного, помещенного в ВДИ (1947, №2) в составе корпуса известий В.В.Латышева. В ряде сомнительных случаев я обращался к крупному знатоку греческого языка А.Ч.Козаржевскому, которому приношу глубокую благодарность.

которая нелогичность объясняется, очевидно, тем, что Геродот еще до поездки в Скифию запасся кое-какими записями по географии Скифии, вроде перечня основных рек, и механически вставил их в окончательный текст. Одним из признаков этого является как бы итоговая фраза, написанная после описания Дуная, Днестра, Гипаниса и Днепра: «Таковы мои сведения об этих реках». А непосредственно вслед за этими словами идет описание еще трех рек, несравненно менее значительных, чем перечисленные ранее (Пантика, Гипакириз, Геррос), сведения о которых Геродот мог получить только после объезда Скифии. Вторым признаком сшивки разных источников служит заметка об истоках Днепра: «...это — единственная река, да еще Нил, истоков которой я не могу указать, да, как мне думается, и никто из эллинов» (§ 53). А между тем в этом же параграфе Геродот приводит точную (и верную) цифру дней плавания от истоков до порогов. Очевидно, в процессе разъездов расспросов Геродот сумел в конце концов сделать в отношении Борисфена то, что ему не удалось в отношении Нила.

В приведенном ниже тексте тоже есть следы такой сшивки: сказав о том, что страны выше Герроса (у порогов) «никому не ведомы», Геродот делает явную вставку относительно обширной страны земледельцев, ставшей ему известной, очевидно, уже по прибытии в Скифию. Рассмотрим частично уже нам известные параграфы о Днепре и Пантике:

«До местности Герров, куда 40 дней плавания, Борисфен течет, как известно, с севера. Страны, через которые он протекает выше этого пункта, никому не ведомы. Несомненно только, что до области скифов-земледельцев он протекает через пустыню. Скифы эти живут вдоль него на 10 дней плавания» (§ 53).
«За ними (четырьмя перечисленными ранее реками: Истром, Тирой, Гипанисом и Борисфеном) следует пятая река по имени Пантика, текущая также с севера... Пространство между нею и Борисфеном занимают скифы-земледельцы...» (§ 54).

Анализ этих драгоценнейших сведений начнем с самого ясного и крупномасштабного — с размещения на Днепре страны борисфенитов-земледельцев. Отложим пока все археологические данные и рассмотрим только то, что содержится в тексте Геродота. Размещение скифов-земледельцев исходя из текста должно удовлетворять следующим условиям:

Страна земледельческих скифов должна находиться на берегах Днепра-Борисфена, т.к. их называют борисфенитами.
Борисфениты живут и на левом и на правом берегах Днепра, т.к. «пахари» упомянуты на запад от Борисфена, а «земледельцы» за Днепром («...если перейти Борисфен...»).
Скифы-пахари расположены севернее границы степей, т.е. в лесостепи, т.к. пограничная речка Эксампай течет в четырех днях пути на север от моря.
На север от страны борисфенитов находится пустынное пространство.
На восток от границы земли борисфенитов начинается безлесная степь на 14 дней пути (около 500 км), занятая скифами-кочевниками.
На этой границе со степью течет р. Пантика с лесистыми берегами.
Страна борисфенитов должна содержать какие-то признаки систематической активной торговли с Торжищем Борисфенитов — греческой Ольвией.
Страна борисфенитов обширна: она простирается от границы степной зоны на север, вверх по Борисфену на 10–11 дней плавания, т.е. окруженно на 350–400 км.

Не обращаясь к археологическим материалам, исходя только из того, что записал Геродот, и сверяя эти записи с картой восстановленных ландшафтных зон, мы имеем право размещать земледельческих скифов («пахарей» и «земледельцев-борисфенитов») *не южнее пограничья лесостепи и степи*, т.е. на север от «наиболее многочисленного племени» царских скифов. Северный предел области царских скифов находится в Герросе у днепровских

порогов («до которых Борисфен судоходен»), «в земле *отдаленнейшего* подчиненного им народа герров, где расположены курганы» (§ 71).

Следовательно, на берегах Борисфена Геродот знал два скифских массива:

1. Массив собственно скифских племен, кочевников по образу жизни, «царственных» по своему первенствующему положению среди других кочевых же и скифских же племен (простиравшихся до Танаиса).

Многочисленные царские скифы жили в безлесной степи. Северной границей этого массива была степная область днепровского припорожья.

2. Массив земледельческих племен («эллины назвали их скифами» — § 6), названных Геродотом применительно к Правобережью Днепра артерами-пахарями, а применительно к Днепру вообще — георгиями-земледельцами и борисфенитами-днепровцами. Южная граница этого земледельческого массива и на правом и на левом берегу Борисфена шла севернее степной зоны, по самой границе степи и лесостепи. На правом берегу южный рубеж проходил, как уже говорилось, в 140 км от моря по речке Эксампай, а на левом берегу Борисфена рубеж шел, по словам Геродота, точно по границе степи и лесостепи по отделявшему степь лесу (гилее) на р. Пантике. Этот второй земледельческий массив, начинавшийся на юге примерно в верховьях Ингула и низовьях Псла и Ворсклы, поднимался на север по лесостепной зоне Среднего Поднепровья, судя по расчетам Геродота, примерно до Киева или до устья Тетерева, занимая всю лесостепную полосу с юга на север. Севернее этого земледельческого массива лежали малонаселенные земли лесной зоны.

Вот теперь, когда мы получили большое количество достаточно точных географических ориентиров, сверенных с древними ландшафтными зонами, для нас наступило время наложения данных Геродота на археологическую карту скифского времени. Лучше всего это сделать при помощи карты, опубликованной А.И.Тереножкиным и В.А.Ильинской в 1957 г.¹³¹

Тот земледельческий массив, о котором только что шла речь, обозначен на этой карте суммой следующих (довольно условных) локальных археологических групп: поднепровской, восточноподольской, западноподольской, волынской и ворсклинской. Все эти уже знакомые нам скифские группы объединены на карте ареалом более ранней чернолесской культуры IX — VII вв. до н.э. В сопоставлении этих двух периодов большая заслуга А.И.Тереножкина, очень много сделавшего для изучения предскифской эпохи в Среднем Поднепровье.

Чернолесский ареал на карте важен для нас потому, что он очень убедительно показывает полную и безусловную преемственность всех перечисленных лесостепных земледельческих групп (может быть, в меньшей мере западноподольской?) скифского времени от местной земледельческой культуры предшествующего киммерийского времени. Совпадение ареала чернолесской культуры с пространством, занятым археологическими группами скифского времени, полное.

Даже своеобразный клин правобережных культур по Ворскле, оказывается, возник в чернолесское время как результат земледельческой колонизации VIII — VII вв. из киевско-тясминского Правобережья на левый берег Борисфена к лесистым тогда берегам Пантике-Ворсклы. Этот клин правобережных культур по Ворскле очень хорошо подтверждает местоположение загадочной ранее Пантике.

Для скифского времени точно по контуру чернолесской культуры следует обвести общим ареалом группу среднеднепровских земледельческих культур Правобережья, а на левом берегу Борисфена включить в этот ареал группу памятников на Ворскле. Зрительно оба ареала чернолесский и скифский (в указанных пределах) — совпадают полностью.

Более подробная карта Тереножкина и Ильинской 1971 г. позволяет детальнее представить себе распределение памятников внутри общего ареала. Страна борисфенитов по археологическим данным выглядит в виде большого треугольника, одна сторона которого идет по Днепру от Киева до устья Ворсклы, другая сторона идет от устья Ворсклы на запад по границе со степью до Среднего Днестра, а третья, намеченная как бы пунктиром, идет от

¹³¹ Нариси стародавньої історії..., карта 7 («Карта Скифии по Геродоту и археологическим данным»). Историческая часть этой карты не заслуживает внимания: земледельцы здесь традиционно размещены по Нижнему Днепру, царские скифы почему-то только в Крыму и восточнее (!) Герроса, будины далеко за Воронежем, невры только на Стыри и Икве, а гелонов и вовсе нет на карте.

Днестра на восток по направлению к Киеву, примерно по линии лесов на Тетереве. От этого треугольника отходит небольшой клин за Днепр. Основная масса памятников группируется у восточной стороны треугольника вдоль Днепра широкой полосой в 100–120 км по правому его берегу. Южный угол этого условного треугольника наиболее насыщен городищами.

Произведем наложение данных Геродота в моей разработке на эту археологическую карту и окажется, что:

1. Страна борисфенитов в 350–400 км по Борисфену — это поднепровская археологическая группа (с Киевским и Тяминским районами), насыщенная богатыми курганами и окаймленная с юга мощными городищами.

2. Земледельцы-борисфениты за Борисфеном (от моря), т.е. на Левобережье, размещенные между Борисфеном и его левым притоком Пантикопой — это ворсклинская группа, «правобережный остров» среди иных скифов лесостепного Левобережья.

3. «Скифы-пахари», жившие на север от верховий Гипаниса, — та же самая поднепровская, густо насыщенная памятниками археологическая группа с огромным (наибольшим во всех степях и лесостепи) количеством греческого ольвийского импорта. Речка Эксампай течет по направлению от Борисфена и впадает в Гипанис, т.е. вытекает откуда-то из южной части поднепровской (тяминской) археологической группы. А ведь это — «Священные Пути», пути из земледельческой страны борисфенитов к Торжищу Борисфенитов — Ольвии, А.И.Тереножкин справедливо причислил все правобережные группы к скифам-пахарям, но скифов-земледельцев он, повинуясь упорной традиции, отселил из лесостепи в южную степь, в соседство с каллипидами на Нижний Днепр, чего делать не следовало.

Полное, абсолютное совпадение размеров и местоположения поднепровской археологической группы с геродотовским описанием земли борисфенитов не оставляет в Среднем Поднепровье места какому-либо особому племени пахарей.

Важным итогом наложения данных Геродота на карту ландшафтных зон и на карту археологических культур является прежде всего устранение терминологической разноголосицы: скифы-пахари и скифы-земледельцы, жившие очень густо на правом берегу и частично занимавшие левый берег Днепра, одинаково имеют право именоваться «борисфенитами». Земледельческие эпитеты Геродот придавал им для того, чтобы отделить от разных кочевых, скотоводческих скифских племен. По месту жительства основной массы они действительно борисфениты. Другим еще более важным результатом является то, что земледельцы-борисфениты обрели географическую, а тем самым и историческую конкретность. Мы можем рассматривать теперь курганы и городища Среднего Поднепровья не как неопределенную часть общей условно скифской культуры, а как древности борисфенитов, земледельческих соседей царских скифов, скифов-кочевников и северных невров. Дальнейшие изыскания, как увидим, позволят нам определить и самоназвание лесостепных земледельцев, названных Геродотом по чисто географическому принципу днепровцами-борисфенитами.

Третьим выводом из сделанных сопоставлений является проверка достоверности сведений Геродота. Проверка показала, что любознательный путешественник получил очень точные сведения, которые полностью соответствуют реальному положению. Есть одно кажущееся нарушение точности, сознательно не разобранное мною ранее, — это указание Геродота на то, что борисфениты «занимают область на 3 дня пути к востоку, простираясь до реки Пантикопы» (§ 18). Здесь отсутствует определение точки отсчета, да и конечная точка не очень ясна, т.к. по конструкции фразы она могла быть и ближе Пантикопы. Если три дня пути (около 100 км) считать поперечником всей земли днепровских борисфенитов, то тогда и западноподольскую и ворсклинскую группы нельзя включать в общий круг, и единство этих культур, доказанное археологами, расчленится.

Все становится на свое место, если мы примем гипотезу о личном посещении Геродотом или верховий Эксампая, или близлежащих земель борисфенитов в верхнем течении Гипаниса (Тикича). От этих пунктов, лежащих или у самой кромки поднепровской археологической группы (верховья Ташлыка) или уже внутри страны борисфенитов (Тикич), направим к до самого Борисфена, служившего Геродоту важнейшим географическим ориентиром, действительно около 100 км, т.е. три дня обычного пути, а поселения борисфенитов действительно «простираются далее» до Ворсклы.

* * *

СЕВЕРНЫЕ И ВОСТОЧНЫЕ СОСЕДИ БОРИСФЕНИТОВ (НЕВРЫ, АНДРОФАГИ, БУДИНЫ, ГЕЛОНЫ)

НЕВРЫ. Рассмотрим прежде всего записи Геродота о неврах.

«Выше их (скифов-пахарей) живут невры. К северу от невров, насколько мы знаем, лежит пустыня. Народы эти (каллипиды, алазоны, пахари, невры) живут вдоль Гипаниса к западу от Борисфена» § 17).

Река Тира «берет свое начало из большого озера, на границе Скифии и Невриды» (§ 51).

«От Истра внутрь материка скифы граничат прежде всего с агафирсами, затем с неврами, потом с андрофагами и, наконец, с меланхленами» (§ 100).

«У невров обычай скифские. За одно поколение до похода Дария им пришлось покинуть всю свою страну из-за змей. Ибо не только их собственная земля произвела множество змей, но еще больше напало их из пустыни внутри страны. Поэтому-то невры были вынуждены покинуть свою землю и поселиться среди будинов. Эти люди, по-видимому, колдуны. Скифы и живущие среди них эллины, по крайней мере, утверждают, что каждый невр ежегодно однажды в год на несколько дней обращается в волка, а затем снова принимает человеческий облик.

Я не верю этим рассказам, но так говорят и рассказы удостоверяют клятвой» (§ 105).

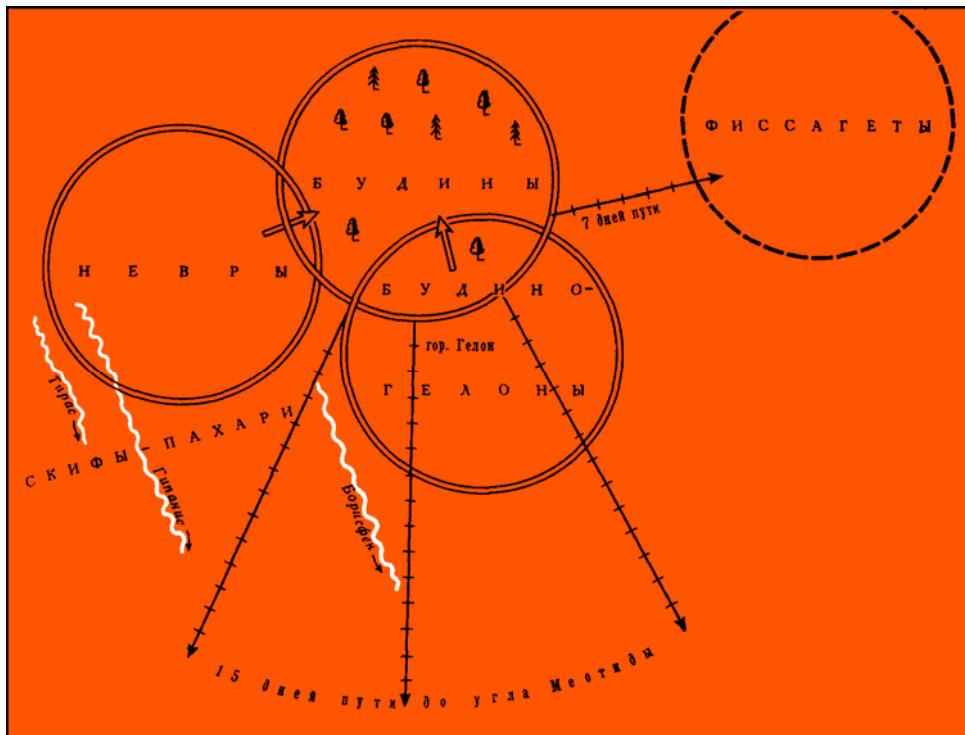
«Агафирский логос»: «...Скифы двинулись во владения андрофагов; разоривши и этот народ, они отступили к Невриде. По разорении этой страны скифы бежали к агафирсам» (§ 125).

Самые общие выводы из приведенных текстов таковы: страна невров была велика, т.к. ее одну из всех соседей Скифии Геродот называет землей, а не народом — Неврида. Западный край этой земли лежит западнее Днепра, где-то неподалеку от прикарпатских агафирсов, близ верховий Днестра; правда, мы не можем быть уверены в том, что геродотовское понимание этих верховий совпадало с нашим — за верховья Тиры могли быть приняты и Збруч и Серет-Днестровский (?).

Большое озеро, близ которого проходила граница скифов и невров, обычно отождествляется с припятскими болотами, но в этом месте у Геродота нет достаточной ясности — разделяло ли это озеро Скифию и Невриду или же оно только находилось близ соприкосновения этих двух земель? Более вероятно второе допущение, т.к. если бы мы приняли первое, то Неврида оказалась бы далеко на севере и была бы значительно удалена и от агафирсов и от верховий Тиры.

В согласии с этими данными исследователи довольно дружно размещают невров южнее Припяти и западнее Днепра между Западным Бугом и Случью. Исключение составляет только Б.Н.Граков, разместивший невров на своей карте 1971 г. по всей лесостепи Правобережья от Днестра до Тясмина и до Днепра, отдав неврам все земледельческое пространство киевской и обеих подольских археологических групп и оттеснив пахарей и борисфенитов в открытую степь.

Восточная граница Невриды Геродотом не указана, но она очень определенно связана с землей будинов, куда переселились невры, гонимые «змеями». Как бы ни относиться к сущности этих змей — реальные ли они гадюки или же северный народ с тотемом змеи, но факт перемещения невров в восточном направлении Геродотом указан очень определенно. Мы еще не знаем точно, где была расположена земля будинов, но несомненно, что она находилась восточнее Днепра, т.к. где-то соприкасалась с савроматами. Следовательно, невров или какую-то часть их следует искать и на восток от Днепра. Вселение невров в землю будинов происходило за одно поколение до 512 г., т.е. в самой середине VI в. до н.э. Если «змеи» не змеи, а народ «из пустыни внутри страны», то мы вправе искать на западной окраине Невриды следы такого вторжения, очевидно со стороны Припяти.

Будины, невры, гелоны (условная модель размещения)

Таковы выводы, полученные только из рассмотрения текста.

Археологический эквивалент геродотовской Невриде найден О.Н.Мельниковой и убедительно ею обоснован¹³². Это милоградская (или подгорцевская) культура VI — III вв. до н.э. Начинаясь в верховьях Збруча, притока Днестра, и Случи, эта культура простирается в северо-восточном направлении за Припять и за Днепр, захватывая низовья Десны, Сожа и Березины.

Помимо географического и хронологического совпадения милоградской культуры с данными Геродота, для нас представляют очень большой интерес наблюдения Мельниковой над *перемещением* милоградского населения *с запада на восток*. «Милоградские памятники Южной Белоруссии, — пишет исследовательница, — известны здесь именно с того времени, когда исчезают близкие или совершенно аналогичные им памятники Восточной Волыни (в основном VI в. до н.э.)». Это позволяет сделать вывод «о передвижении части населения в северо-восточном направлении с Волыни в Южную Белоруссию»¹³³.

На новой земле, так сказать в Новой Невриде, поселенцы-невры сразу же стали укрепляться и строить городища; если на старых местах было много селищ, то на новых местах «памятники милоградской культуры возникают сразу как *укрепленные* поселения. Количество городищ очень велико, под городище занимался буквально каждый удобный мыс»¹³⁴.

Более полного археологического подтверждения слов Геродота трудно ожидать! У нас остается лишь одна географическая загадка — невры переселились в землю будинов; значит, земля будинов должна быть где-то поблизости от Чернигова, очевидно на восток от него. Но это расходится с мнением большинства исследователей, отодвигающих будинов очень далеко на восток от восточной части милоградской культуры. О.Н.Мельниковая, убедительно обосновав принадлежность милоградской культуры неврам, стала в тупик перед проблемой «загадочных будинов»: «Мы позволим себе не останавливаться здесь на разборе сложного вопроса о локализации будинов... Обратим, однако, еще раз внимание на полное соответствие данных Геродота о времени перехода невров *по направлению к будинам* (подчеркнуто мною. — Б.Р.) с данными по относительной хронологии милоградской культуры»¹³⁵. Такое толкование, обусловленное запутанностью вопроса о будинах, совершенно рас-

¹³² Мельниковая О.Н. племена Южной Белоруссии..., с. 167–171, карта на с. 4.

¹³³ Мельниковая О.Н. Племена Южной Белоруссии, с. 167–168.

¹³⁴ Там же, с. 167.

¹³⁵ Там же, с. 171. Вычисляя время переселения невров, О.Н.Мельниковая делает небольшую ошибку, полагая, что оно произошло в конце VI в. до н.э. Это поход Дария 512 г. был в конце VI в., а время «за одно поколение до похода Дария» — середина VI в. (считая 30–35 лет на поколение).

ходится с прямым указанием Геродота о том, что покинувшие свою землю невры вынуждены были «поселиться среди будинов». О.Н.Мельниковская пренебрегла Геродотом, не решаясь пойти против традиции размещать будинов где-то за Доном, от Воронежа до Саратова.

Если милоградская культура — это невры, то следует или будинов искать в непосредственной близости от нее, или же отказаться от отождествления невров с милоградцами.

Я решительно принимаю точку зрения О.Н.Мельниковой о милоградцах-неврах, удовлетворяющую всем записям Геродота.

АНДРОФАГИ. Андрофаги описаны Геродотом как народ, находящийся за пределами скифского квадрата. Они попали в перечень окраинных племен, перечисленных «в агафирском предании», и упоминаются в перечне между неврами и меланхленами, хотя нигде не сказано о том, что они являются *непосредственными соседями* невров или меланхленов. По прямому смыслу этой части геродотовского текста (§§ 100 и 125) они находятся на периферии скифского мира, но делать какие-либо географические выводы из данных агафирского рассказа преждевременно. Самых андрофагов Геродот характеризует так:

«Из всех народов андрофаги имеют самые дикие нравы; нет у них ни суда, ни законов. Андрофаги — кочевники. Одежду носят подобную скифской, но язык у них особый. Это единственное племя людоедов в той стране» (§ 106).

Географическое положение андрофагов довольно четко обрисовано Геродотом в том разделе, который посвящен описанию народов по Борисфену:

(Скифы-борисфениты живут вверх по Днепру, на север на 11 дней плавания по Борисфену).

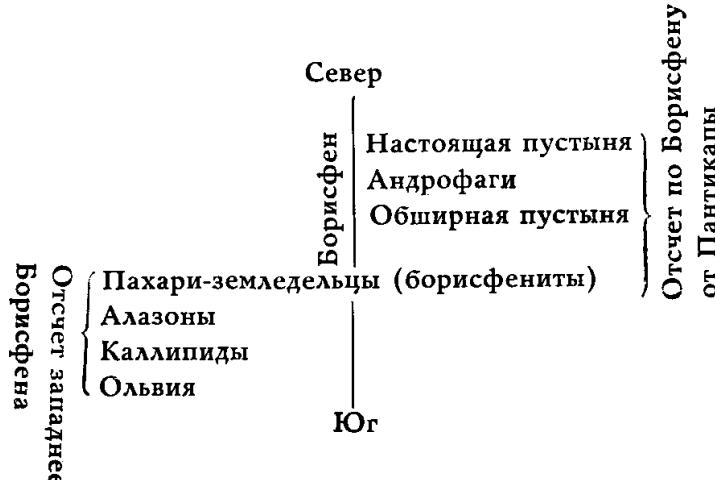
«Выше их далеко простирается пустыня. За пустыней обитают андрофаги, особое, но отнюдь не скифское племя.

А к северу простирается настоящая пустыня и никаких людей там, насколько мне известно, больше нет» (§ 18).

Геродот дважды говорит о том, что севернее, выше земли борисфенитов по течению Днепра, находится пустыня (§§ 18 и 53). Эти сведения Геродота хорошо согласуются как с географической, так и с археологической картой Среднего и Верхнего Поднепровья.

Надежной точкой отсчета для нас может служить северный край земли борисфенитов, приходящийся, как выяснено выше, на ту часть Днепра, которая расположена севернее Киева, примерно близ устья Ирпеня и Тетерева (10–11 дней от Пантикопы).

При описании того, что находилось севернее Земледельческой Скифии, мы улавливаем у Геродота как бы некоторое противоречие: перечисляя народы по Гипанису и по Борисфену, Геродот по-разному размещает пустынные места и народы. На сравнительной таблице это будет выглядеть так:

Если Невриду мы отождествляем с милоградской культурой, то нас может удивить отсутствие невров во втором перечне, который упоминает народы по Борисфену. Однако ознакомление с детальной картой О.Н.Мельниковской¹³⁶ показывает, что на всем нижнем отрезке Припяти и в болотистом углу между Припятью и Днепром (исключая узкую прибрежную полосу) ни милоградских, ни каких бы то ни было иных памятников нет вовсе. Это — пустота внутри Невриды; на юго-запад и на северо-восток от нее памятники невров известны. Пустыня припятских болот, начинаясь над западной частью Невриды (она и упомянута Геродотом в первом перечне) врезалась значительным клином в область милоградской культуры. До наших дней на наших современных картах эта обширная лесная и болотистая область и припятско-днепровский клин остаются крайне малонаселенными.

Информаторы Геродота имели право сказать ему, что за северным краем земли правобережных борисфенитов лежит пустынная земля, которая все же не является настоящей, полностью безлюдной пустыней. Что же ждет нас за щекой полупустыней? Севернее общего ареала милоградской культуры (с входящими в него пустынными местами) располагаются две синхронные Геродоту культуры: днепро-двинская и культура штрихованной керамики¹³⁷. «Штриховики» размещались на северо-запад от припятско-днепровской пустыни, доходя до Немана и Вилии, а днепро-двинская культура охватывала верховья Днепра и Западной Двины.

Будучи близки по своему хозяйственному строю (скотоводство и подсечное земледелие), эти культуры резко различаются по керамике. Именем андрофагов, вероятно, называли племена только одной из культур. Аргументом в пользу днепро-двинской культуры (впрочем, не очень надежным) является то, что информаторы Геродота, описавшие ему весьма подробно местоположение андрофагов вверх по Борисфену, удовлетворили его любознательность и в отношении истоков Днепра, точно определив, что для плавания от истока до порогов потребуется 40 дней (§ 53). А Днепр вытекает из области днепро-двинской культуры.

Так определялось местоположение андрофагов во времена Геродота: где-то вверх по Борисфену, за обширной пустыней. Возникает вполне законное сомнение: могли ли эти, находящиеся среди лесов и болот, на краю света, «людоеды» подвергаться нападениям скифов и персов? Ответ может быть только отрицательным.

В записях Геродота, как уже говорилось, явно видны два слоя: один — агафирское предание, повествующее о трех трусливых народах и о храбрых агафирах, предание, сложенное в конце VI в., а второй — записи того, что рассказывали разные информаторы самому Геродоту в середине V в. до н.э. Географические данные, содержащиеся в агафирском предании, Геродот использовал в том общем описании соседей Скифии, которое он ведет от Дуная:

«От Истра внутрь материка скифы граничат прежде всего с агафираами, потом с неврами, далее на восток с андрофагами, наконец, с меланхленами» (§ 100).

Как видим, в вопросе об андрофагах мы столкнулись с существенным противоречием между этими разновременными источниками. В агафирском предании андрофаги в перечне племен поставлены между неврами и меланхленами, т.е. они должны были быть восточнее невров или, во всяком случае, восточнее начала Невриды, ее западного рубежа.

В этом случае вторжение скифов в землю андрофагов вполне допустимо.

Обратим внимание на предпоследнюю фразу предания, где говорится, что андрофаги и их соседи «при вторжении персов и скифов не взялись за оружие... а объятые страхом бежали *все дальше к северу в пустыню*» (§ 125), т.е. в малозаселенную лесную зону. Можно представить себе дело так: во времена Дария какая-то часть лесных племен под влиянием военных событий продвинулась на север, в леса, в область родственной днепро-двинской культуры.

Вполне возможно, что определение Геродота: «андрофаги — кочевники, одеваются по-скифски» относится не к современным ему племенам Верхнего Поднепровья, а к тем ста-

¹³⁶ Мельниковская О.Н. Племена Южной Белоруссии..., с. 189, 67 (карта).

¹³⁷ Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвилья. М., 1970, с. 19, рис. 5, карта.

рым андрофагам, с которыми скифы воевали в 512 г. Они находились где-то много южнее и могли соприкасаться со скифской степью или лесостепью. Нас не должны удивлять значительные перемещения населения в связи с вторжением персов — ведь Дарий вел войско в 700 тыс. человек, и скифы объединили войска всей степи и лесостепи. К вопросу об андрофагах я вернусь в разделе «Этногеография Скифии».

БУДИНЫ И ГЕЛОНЫ. Геродот сам объединил эти два разных народа и предупредил читателя, что эллины путают их и называют ошибочной тех и других общим именем гелонов. Как мы уже видели выше, исследователи XX в. поступали противоположно древним эллинам и не помещали гелонов на своих картах. Сопряженность судеб будинов и гелонов требует совместного рассмотрения их географического размещения. Геродот сообщает (§ 10) об этих народах много сведений:

Сыновьями Геракла и девы-змеи были Агафирс, Гелон и младший — Скиф. Когда царство досталось Скифу, «Агафирс и Гелон были изгнаны матерью из этой страны», под которой, очевидно, следует подразумевать «Исконную Скифию» от Истра до Каркинитиды.

Этот параграф дает право считать гелонов племенем, близкородственным самим скифам. Относительно агафирсов мы знаем, что они оказались на северо-западе от основной Скифии; можно думать, что гелоны выселялись в противоположном, северо-восточном направлении (строго на восток жили савроматы).

«...Савроматы занимают пространство в 15 дней пути, начиная от угла Меотиды по направлению к северу. Вся эта страна лишена диких и садовых деревьев. Выше их обитают, владея вторым наделом, будины. Земля здесь покрыта густым лесом разных пород» (§ 21).

Невры «были вынуждены покинуть родину и поселились среди будинов». Это произошло в середине VI в. (§ 105).

«Будины — народ многолюдный; у них у всех светло-голубые глаза и рыжие волосы. В земле их находится деревянный город под названием Гелон. Каждая сторона городской стены длиной в 30 стадий. Городская стена высокая и вся деревянная.

Из дерева построены также дома и святилища. Ибо там есть святилища эллинских богов со статуями, алтарями и храмовыми зданиями из дерева, сооруженными по эллинскому образцу. Каждые два (три?) года там справляют празднество в честь Диониса...» (§ 108).

Геродотовский Гелон давно уже отождествили с грандиозным Вельским городищем на Ворскле в 35 км выше Полтавы¹³⁸. Во всей Скифии и окрестных землях Геродот называет только один город — Гелон. Это не удивительно, т.к. «Вельское городище VII — III вв. до н.э. является самым большим в Восточной Европе городищем скифского времени»¹³⁹. Площадь городища — 4000 га; Вельское городище лишь немного уступало площади Москвы начала XX в. Указанные Геродотом размеры соответствуют не столько сохранившимся до наших дней валам, сколько следам древних рвов, хорошо заметным на плане. 30 стадий Геродота равны 5320 м. Северная стена первоначального Гелона равна 5300 м, а восточная — 5500 м. Совпадение полное.

Б.А.Шрамко убедительно отстоял отождествление геродотовского Гелона с Вельским городищем, отвергнув иные точки зрения¹⁴⁰. К его многочисленным аргументам могу добавить:

¹³⁸ См.: Шрамко Б.А. Крепость скифской эпохи у с. Вельск — город Гелон. — В кн.: Скифский мир. Киев, 1975, с. 94–132. Впервые отождествление Вельского городища с Гелоном было сделано В.Щербаковским в 1930 г. План городища публиковался неоднократно (см.: Шрамко Б.А. Восточное укрепление Вельского городища. — В кн.: Скифские древности. Киев, 1973, с. 83).

¹³⁹ Там же, с. 120–122.

¹⁴⁰ Там же.

вить еще одно соображение: к южной оконечности Вельского городища примыкает стаинный русский город Глинск, упоминаемый в списке городов XIV в. Корневые согласные (ГЛН) одинаковы с Гелоном (ГЛН). Возможно, что имя древнего города сохранилось вплоть до средневековья и современности.

При локализации будинов и гелонов город Гелон будет служить нам важным ориентиром.

§ 108 (продолж.) «Жители Гелона издревле были эллинами. После изгнания из торговых поселений они осели среди будинов. Говорят они частью на скифском языке, а частично на эллинском. Однако у будинов иной язык, чем у гелонов; образ жизни их тоже иной».

Греческое происхождение гелонов вызывает сомнение, а приход их сюда с юга, со стороны античных городов Причерноморья, хорошо согласуется с генеалогической легендой об изгнании гелонов из «Исконной Скифии». О родственности их скифам говорит свидетельство Геродота о скифском языке у гелонов. Греческие купцы и греческий язык могут являться не результатом путаницы у Геродота, а отражением вполне реальной ситуации: огромный город Левобережья на реке Пантике несомненно посещался греческими купцами, которые могли постоянно проживать в нем¹⁴¹. Вполне вероятно, что в таком городе, как Гелон, звучала не только скифская речь гелонов, но и эллинская речь приезжих и местных, уже обосновавшихся здесь греческих купцов. К пестроте этнического состава города Гелона следует добавить еще и то, что он основан гелонами на том участке днепровского Левобережья, который давно уже был колонизован правобережными земледельцами-борисфенитами. Это было, очевидно, большой межплеменной центр на пограничье со степной, кочевой Скифией.

Б.Н.Граков высказал очень интересное соображение по поводу Гелона: «В Вельском городище следует видеть союз сначала двух, а затем трех племен, возникший в начале VI в. до н.э. в виде двух поселений, в середине того же VI в. укрепленных и объединенных Большим городищем. Его размеры указывают, что в город собирались люди с огромного пространства. Значит, эти два племени охватили все поселения по Ворскле, т.е. населенные места переселенцев с правого берега Днепра. В течение V в. к ним присоединилось еще одно новое племя»¹⁴².

Два племени, основавшие общую крепость, — по всей вероятности будины и переселенцы с Правобережья («скифы-пахари», «борисфениты»); третьим племенем могли быть кочевники гелоны, к V в. осевшие на землю.

«Будины — коренные жители этой страны, они ведут кочевой образ жизни. Это единственный народ в этой стране, который питается сосновыми шишками (?)».

Гелоны же, напротив, занимаются земледелием, садоводством, употребляют в пищу хлеб. По внешнему виду и цвету кожи они вовсе не похожи на будинов.

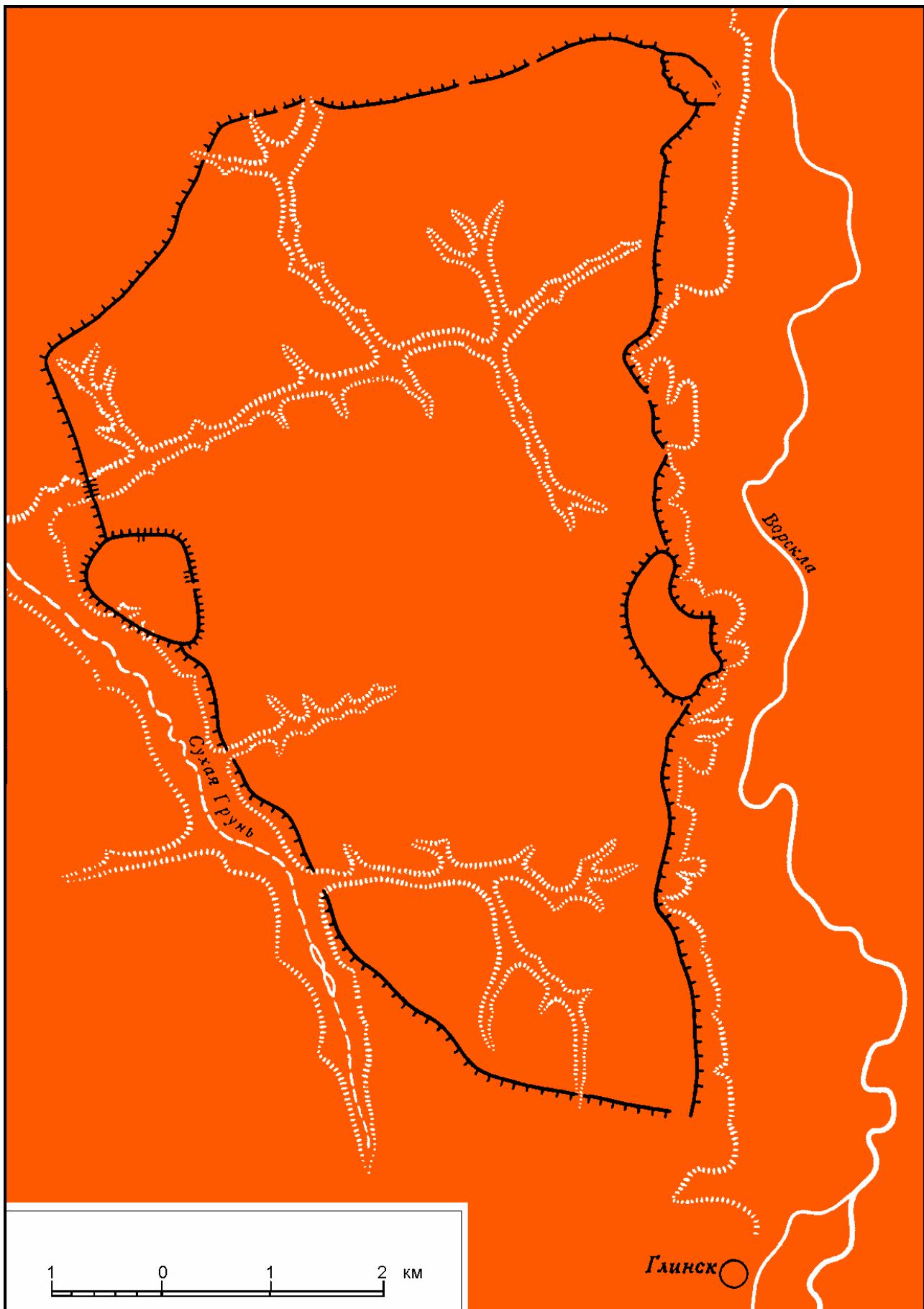
Впрочем, эллины и будинов зовут гелонами, хотя это и неправильно.

Вся земля их покрыта густым лесом разных пород. В обширнейшем из лесов находится большое озеро, окруженное болотами и зарослями тростника. В этом озере ловят выдр, бобров и других животных с четырехугольной мордой...» (§ 109).

«Кочевой образ жизни» совершенно несовместим с тем, что «вся земля их покрыта разнородным лесом». Очевидно, лесные будины занимались примитивным подсечным земледелием, требовавшим постоянных перемещений.

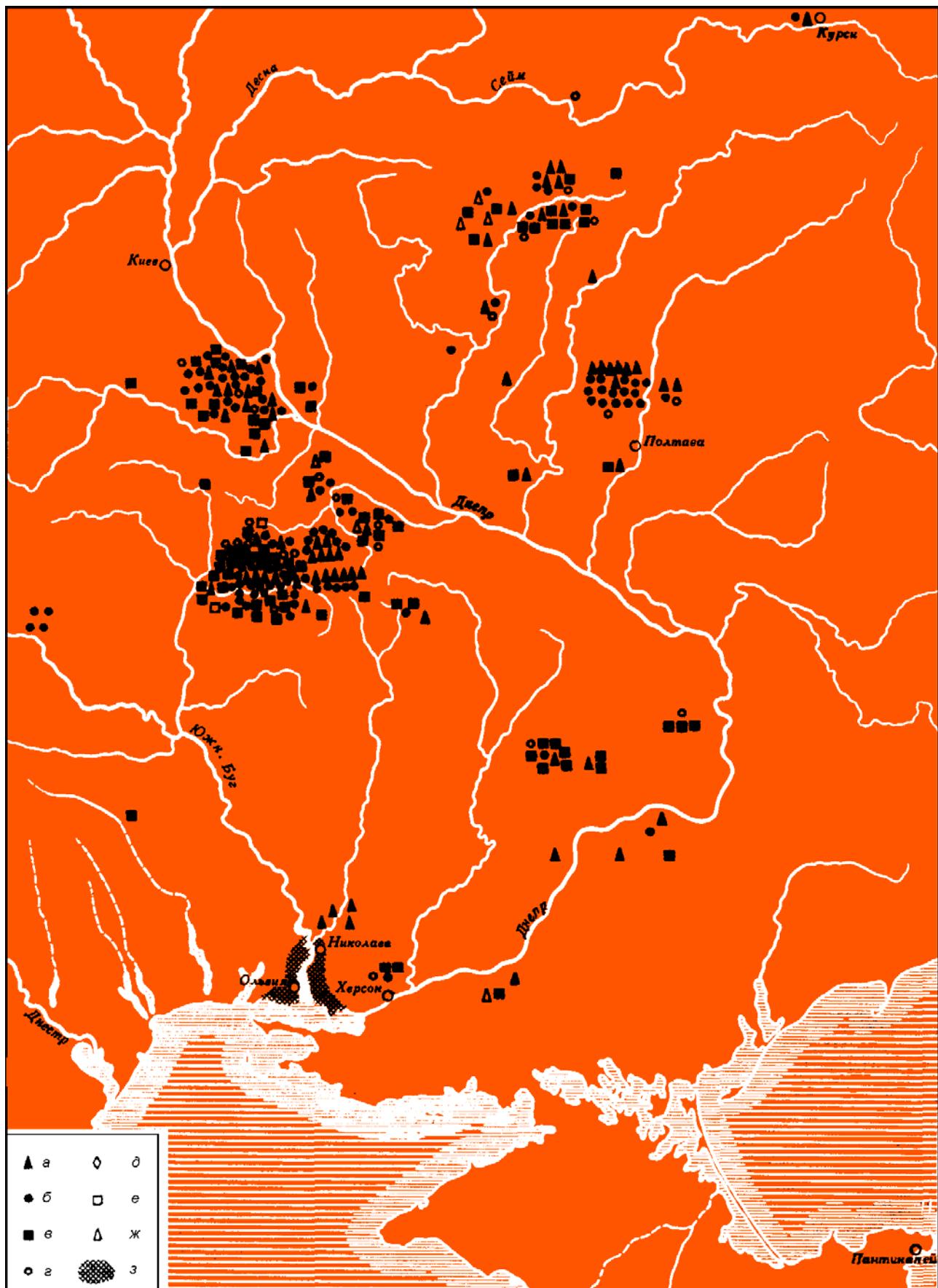
¹⁴¹ Онайко Н.А. Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII — V вв. до н.э. — В кн.: Свод археологических источников. М., 1966, с. 45, рис. 7 (карта); «Местное население поддерживало тесные торговые связи с античными городами по крайней мере с конца VII — начала VI в. до н.э.»; Шрамко Б.А. Крепость скифской эпохи у с. Вельск — город Гелон. — В кн.: Скифский мир. Киев, 1975, с. 125.

¹⁴² Граков Б.Н. Скифы. М., 1971, с. 162.

План города Гелона

«За будинами к северу сначала простирается пустыня на 7 дней пути, а потом далее на восток живут фиссагеты — многочисленный, особый народ. Живут они охотой...» (§ 22).

Античный импорт в Восточной Европе (по Н.А.Онаико)

Фиссагетов обычно отождествляют с племенами городецкой культуры¹⁴³.

Будины и гелоны упоминаются при описании войны с персами. Иногда оба народа упоминаются совместно, иногда же речь идет только об одних будинах. Геродот знал, что эти народы смешивают друг с другом.

¹⁴³ Смирнов А.П. Скифы, с. 50, карта.

Войско царя Скопаса должно было завлекать персов вдоль Меотиды.

«Два других царства — великое царство под властью Иданфирса и третье, царем которого был Таксакис, соединившись в одно войско вместе с гелонами и будинами должны были медленно отступать...» (§ 120).

«Проникнув в землю будинов, персы нашли там город, окруженный деревянной стеной. Будины бежали, город опустел и персы предали его огню...» (§ 123).

Город в земле будинов (§ 123) не назван, но, по всей вероятности, это уже известный нам Гелон.

В §§ 123 и 124 Геродот допускает серьезную ошибку, повторяя совершенно не к месту текст о будинах и фиссагетах, уже написанный им в § 22. Историка, очевидно, смущило то, что Дарий «дойдя до пустыни с войском, остановился станом на реке Оар...» (§ 124). Перед этим было сказано, что персы разгромили будинов и, пройдя через их страну, достигли *пустыни* (§ 123), но в этой записи не говорилось, что персы достигли именно *северного* края лесистой земли будинов. Немыслимо представить себе, что персидское войско могло пройти сквозь «покрытую разнообразным лесом» землю будинов с ее выдрами и бобрами и оказаться на ее северном kraю. Та северная пустыня, которая отделяет будинов от фиссагетов, должна быть решительно исключена при описании места, где Дарий построил свои укрепления на р. Оар. Как мы уже видели, Дарий дошел до действительно пустынных берегов Азовского моря вовсе не на север от земли будинов, где бы она ни находилась. Между тем Геродот в § 123 копирует свою запись, сделанную им в § 22, не замечая всей несуразности и нелогичности ее в этом месте¹⁴⁴. Единственно полезным для нас является дополнение:

«Из земли фиссагетов текут четыре больших реки через область меотов и впадают в так называемое озеро Меотиду. Имена этих рек: Лик, Оар, Танаис и Сиргис» (§ 123).

Здесь тоже не все одинаково достоверно. Во-первых, Оар и Лик (если под ними разумеются те же реки, что и у К.Птолемея) нельзя отнести к большим рекам. Более или менее полноводными они могли быть только в пору весеннего половодья. Во-вторых, указание на то, что они текут из земли фиссагетов, можно понимать только в том смысле, что их истоки находятся в *направлении* земли фиссагетов. В этом смысле слова Геродота верны, т.к. истоки всех азовских рек этой части побережья находятся действительно на северо-востоке по отношению к своим устьям. Драгоценным для нас является указание на то, что Танаис и Сиргис вытекают из земли фиссагетов. В данном случае безразлично, которая из этих рек является Доном, а какая Донцом. Важно то, что обе они точнее определяют взаимное положение земель будинов и фиссагетов: раз фиссагеты живут (по Геродоту, § 22) северо-восточнее будинов, то землю будинов мы должны искать по крайней мере где-то юго-западнее Верхнего Дона, а Дон считать восточным рубежом области поиска земли будинов.

Вот с этим запасом геродотовских сведений о будинах и гелонах мы и должны приступить к уточнению местоположения их земель и выяснить те археологические памятники, которые можно с ними связывать. Учитывая противоречивость и взаимопогашаемость всех существующих гипотез о размещении будинов и гелонов (в тех случаях, когда гелонов не убирали с карты), нам необходимо, приступая к поиску, составить строгие «правила игры» или «условия задачи», которые заставили бы нас рассмотреть не выборочно, а в целостной системе все без исключения сведения о будинах и гелонах. Условия задачи исходя из всего высказанного таковы:

Земля будинов находится восточнее Днепра и западнее Дона.

Земля будинов расположена севернее Азовского моря примерно на 530 км (15 дней пути).

¹⁴⁴ «Пустыня эта совершенно необитаема; расположена она севернее страны будинов и тянется в длину на 7 дней пути. Севернее этой пустыни живут фиссагеты» (§ 123).

Будины живут в лесной ландшафтной зоне, где водятся выдры и бобры. Соседями будинов с запада, со стороны Днепра, являются невры, частично вселившиеся в землю будинов в середине VI в. до н.э. В землю будинов вселился (очевидно, с юга?) народ скифского корня — гелоны. На какой-то части своей древней земли будины проживали совместно с гелонами; греки путали имена гелонов и будинов. Гелоны занимались земледелием и садоводством, что предполагает обитание в лесостепной зоне. В земле «будинов» (очевидно, гелоно-будинов) есть огромный город Гелон. Персидские войска дошли в 512 г. до земли будинов (очевидно, опять гелоно-будинов) и повоевали ее. Южными или юго-восточными соседями будинов являются савроматы.

В качестве промежуточного этапа создадим условную модель изложенной в этих десяти пунктах ситуации.

На массив будинов с запада должен налегать массив невров, а с юга — гелонов. Массив невров захватывает правый берег Днепра; будино-гелонский массив расположен в Левобережье таким образом, что гелонская часть находится в лесостепи, а собственно будинская — в лесной зоне.

Опорными точками являются: город Гелон — Вельское городище на Ворскле и расстояние в 530 км к северу от устья Азовского моря, т.е. от устья Дона.

При перенесении этой условной схемы на археологическую карту скифского времени мы можем установить только одну-единственную ситуацию, удовлетворяющую всем десяти пунктам без исключения: невры — милоградская культура; будины — юхновская культура; гелоны — скифские культуры Левобережья. Что касается отождествления милоградской культуры с неврами, то это, как уже выяснено выше, после работ О.Н.Мельниковой можно считать надежно установленным.

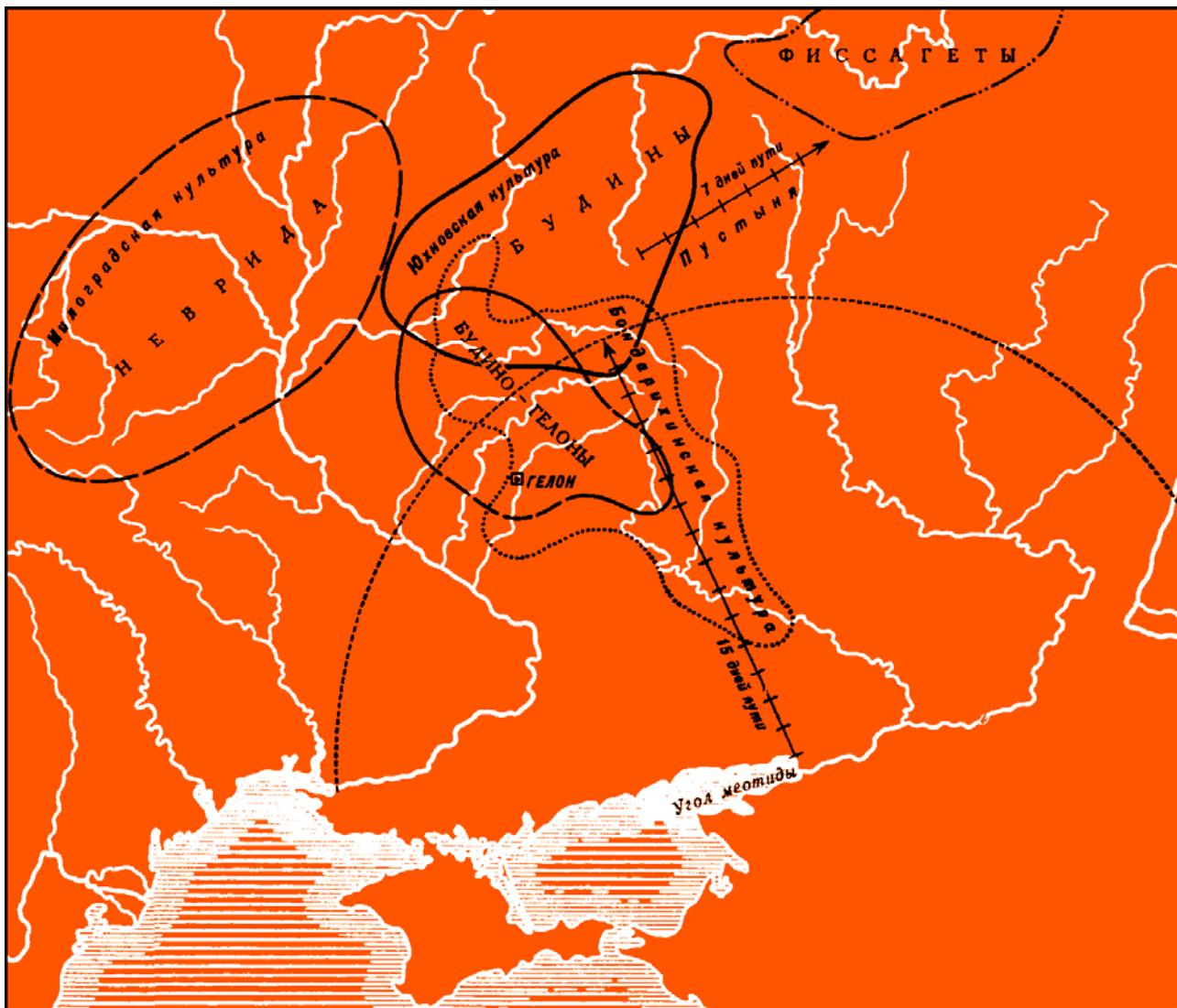
Археологически определяемые невры-милоградцы действительно вселились в землю соседних будинов-юхновцев. Весь бассейн Снови севернее Чернигова является смешанной зоной милоградско-юхновской, т.е. невро-будинской. О.Н.Мельникова не разработала подробно эту тему, т.к. она полагала вслед за многими исследователями, что будины жили непомерно далеко на восток от ареала милоградской культуры. Если же признать будинскую принадлежность юхновской культуры, то все становится на свои места. Тогда особое значение приобретает наблюдение этой исследовательницы о том, что вновь создающиеся на востоке (в соседстве с будинами или уже на будинской земле) милоградские поселки «возникают сразу как укрепленные поселения. Количество городищ очень велико, под городище занимался буквально каждый удобный мыс»¹⁴⁵. Это означает, что продвижение невров к будинам осуществлялось вооруженной рукой.

Юхновская культура, тоже тщательно исследованная О.Н.Мельниковой¹⁴⁶, расположена целиком в лесной зоне. Больше того, ее юго-восточная и восточная границы идут строго по кромке лесной зоны. Прав Геродот и в отношении «разнообразных пород леса»: на территории юхновской культуры (бассейн Десны, Сейма и верхней Оки) росли дубравы, лиственno-хвойные леса и значительные массивы сосновых боров. Быть может, загадочное «поедание сосновых шишек» (§ 109) являлось всего-навсего шуткой южных земледельцев в адрес своих лесных соседей? Сосновые леса занимали на территории юхновцев около 12 000 кв. км. В деснинском Полесье водились и выдры и бобры.

Таким образом, природа, окружавшая юхновцев, полностью сходна с природой земли геродотовских будинов.

¹⁴⁵ Мельникова О.Н. Племена Южной Белоруссии..., с. 167.

¹⁴⁶ Пользуюсь случаем выразить благодарность неутомимой исследовательнице О.Н.Мельниковой за предоставление мне детальной неопубликованной карты юхновской и бондарихинской культур, составленной ею на основе многолетних работ.

Будины, невры, гелоны (археологические культуры)

Расстояние «от угла Меотиды» до начала лесной зоны и самых юго-восточных поселений юхновской культуры — 520–540 км, что поразительно точно соответствует 15 дням пути (533 км). Отклонение от направления на север — всего 30°.

Продолжим рассмотрение точных расстояний, указанных Геродотом. На северо-восток от будинов на расстоянии семи дней пути живут фиссагеты; я не вносила это указание в условия задачи, т.к. местоположение фиссагетов само по себе не может быть точно установлено и определяется лишь при отсчете от земли будинов. Семь дней пути — 240 км. Оказывается, что на значительном отрезке своей восточной границы, идущей по правому берегу верхней Оки, юхновская культура отделена от соседней городецкой культуры «пустыней» шириной в 170–200 км. Вот и намечаются не только будины, но и фиссагеты и разделяющая их пустыня без археологических памятников¹⁴⁷.

Для выяснения сложных взаимоотношений будинов-туземцев с пришельцами-гелонами нам необходимо выявить на пространстве между Днепром и Доном такую культуру предскифского времени, в гуще которой вклиниялись бы племена скифского облика и которая обнаруживала бы, кроме того, связь с более поздней культурой скифского времени (но не скифского типа), расположенной в лесной зоне.

Такая культура на Левобережье Днепра хорошо известна — это бондарихинская (или марьяновско-бондарихинская) культура бронзового века, дожившая до VII в. до н.э. Ее ареал: Посеймье, верхнее течение Северского Донца и течение левых притоков Днепра. О связях бондарихинской культуры с юхновской исследователи пишут: «Дальнейшее развитие традиций марьяновско-бондарихинской культуры можно видеть в юхновской культуре на

¹⁴⁷ В определении западных поселений городецкой культуры я опирался на консультацию и карты К.А.Смирнова, которому приношу свою благодарность.

Десне и в курском Посеймье. Очевидно, бондарихинское население было вытеснено пришлыми сильными и воинственными скифскими племенами в районы левобережного Полесья — на Сейм и Десну... Не позднее середины VI в. до н.э. вся левобережная лесостепь вплоть до бассейна Сейма на севере становится ареалом распространения скифской культуры посульско-донецкого типа. Исследователи пришли к выводу, что бондарихинская культура не могла послужить генетической основой памятников скифского типа на всей этой территории ни в ее ворсклинском, ни в посульско-донецком варианте»¹⁴⁸. «Скифские племена, — отмечает В.А.Ильинская, — появились в посульско-донецкой лесостепи сразу же после окончания переднеазиатских походов скифов. Они принесли с собою скифскую культуру келермесского типа»¹⁴⁹.

Эти слова знатоков левобережных культур предскифского и скифского времени полностью разъясняют нам историческую ситуацию с туземцами будинами и пришельцами гелонами, говорящими на скифском языке (§ 108). В среду довольно примитивных бондарихинцев в первой половине VI в. до н.э. (одновременно с продвижением невров на восток) продвинулись скифские или близкородственные им племена. Бондарихинцы, очевидно, частично были ассимилированы, а частично продвинулись на север, за Сейм, перейдя из лесостепи в лесную зону деснинского Полесья и образовав здесь культуру, известную нам под именем юхновской. Зоной контакта юхновцев со скифскими племенами была старая бондарихинская территория по Сейму.

В скифских или скифоидных племенах Левобережья мы должны видеть гелонов, объединенных со скифами не только языком и единством происхождения (легенда о сыновьях Геракла), но и явно скифским обликом всей материальной культуры. Еще раз напомню, что целый ряд исследователей (Б.Н.Граков, Д.П.Каллистов, А.И.Тереножкин, В.А.Ильинская и др.) предпочли умолчать о гелонах и не поместили их на своих картах. Даже в специальной работе, посвященной связи археологии Левобережья с геродотовскими племенами, В.А.Ильинская перечисляет как возможных кандидатов андрофагов, будинов, меланхленов и скифов¹⁵⁰, но даже не упоминает гелонов. А между тем отождествление левобережных скифов с гелонами подтверждается не только ситуацией с протобудинами-бондарихинцами и будинами-юхновцами, но и таким весомым аргументом, как Гелон-Глинск в земле левобережных скифов¹⁵¹. По образу жизни и по хозяйству левобережные племена резко отличались от скифов царских, приближаясь к правобережным оседлым земледельцам. В их земле обнаружено очень много поселений и крепостей-городищ. Особенно сильно был укреплен район верховий Северского Донца, вдававшийся углом (как и бондарихинская культура) в степи савроматов и кочевых скифов¹⁵².

Рассмотрев очень бегло археологические материалы, позволяющие более конкретно говорить о будинах и гелонах, мы должны вернуться к нашим «условиям задачи» и выяснить, насколько удовлетворяет им предложенное мною сопоставление будинов с юхновской культурой, а гелонов (или гелоно-будинов) со скифскими группами Левобережья: посульской, северско-донецкой и частично с ворсклинской.

1. Юхновская культура (земля будинов) действительно находится западнее Днепра и восточнее Дона.

2. Юхновская культура расположена севернее Азовского моря на 520–540 км, что соответствует геродотовским 15 дням пути.

3. Юхновская культура целиком расположена в лесной зоне с различными породами леса (дуб, сосна, широколиственные деревья).

¹⁴⁸ Березанська С.С., Ільїнська В.А. Археологія УРСР, т. 1, с. 373.

¹⁴⁹ Ильинская В.А. Скифы днепровского лесостепного Левобережья. Киев, 1968, с. 174. Автор ошибочно считает все левобережные племена «скифами-земледельцами» (георгоями), но нам достаточно вспомнить, что гелоны тоже занимались земледелием. К георгоям могла относиться только одна ворсклинская группа, но и там возглавлял эту группу город Гелон.

¹⁵⁰ Ильинская В.А. Скифы..., с. 174, прим. 11.

¹⁵¹ Ворсклинская группа этнически, очевидно, связана с борисфенитами, но политически она, по всей вероятности, входила наряду с будинами в тот племенной союз, где гегемоном были гелоны.

¹⁵² См.: Ильинская В.А. Скифы..., с. 6, карта.

4. Соседняя с юхновской милоградская культура, отождествляемая с неврами, действительно продвигалась в VI в. до н.э. из-за Днепра на восток и вклинилась в западную часть юхновской.

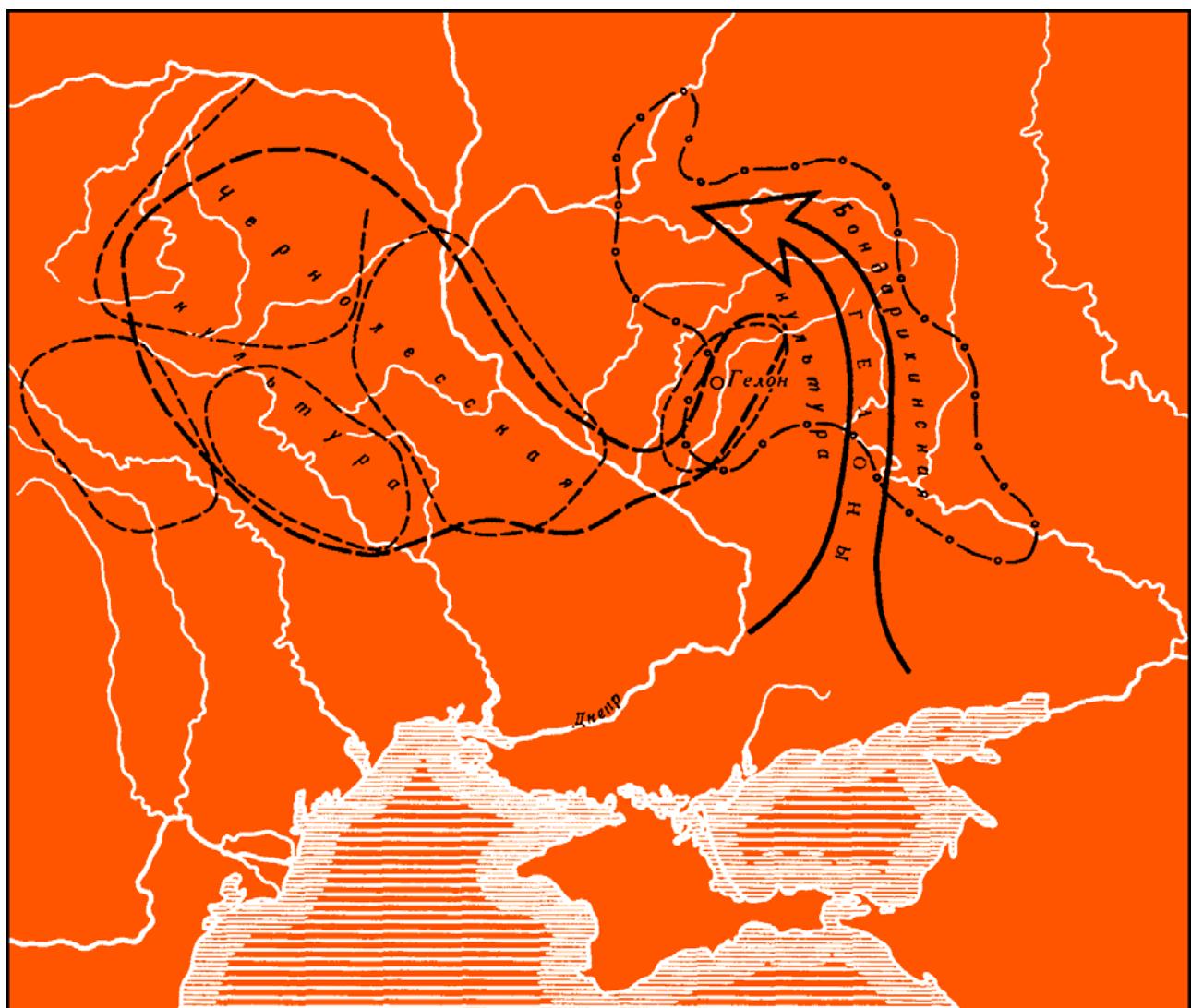
5. На территорию бондарихинской культуры, генетически связанной с юхновской (в землю протобудинов) вторглись в VII — VI вв. до н.э. с юго-востока носители культуры скифского облика, в которых можно видеть гелонов, говорящих по-скифски.

6. Все лесостепное Левобережье, занятое в предскифское время бондарихинской культурой, было завоевано скифами-гелонами, ассимилировавшими и подчинившими себе туземное протобудинское (и протогеоргейское на Ворскле) население.

Северная часть культур скифского облика по Сейму налагала на южную полосу юхновской культуры.

7. Оседлый образ жизни и земледелие были в левобережной лесостепи традицией, восходящей к бондарихинской и чернолесской культурам. Племена скифского времени жили оседло и занимались земледелием, что подтверждает геродотовскую характеристику гелонов.

8. Город Гелон, значительные размеры которого точно указаны Геродотом, в земле гелонов с полной несомненностью отождествляется с огромным Вельским городищем. Слова Геродота о греческих купцах в Гелоне подтверждаются находками ольвийского импорта VI в. на городище.

Гелоны, будины и бондарихинская культура

9. Реальность появления персидских войск в земле гелоно-будинов и сожжения ими «деревянного города» (Гелона?) определяется местом укрепленного района Дария на берегу

Азовского моря. Пока строились укрепления на р. Оар (§ 124), персидская конница за восемь дней нормального марша могла достигнуть Вельского городища (подробнее см. ниже).

10. Юхновская культура своим юго-восточным краем граничила с луговой степью между Курском и Воронежем, примыкавшей к савроматским кочевьям и курганам.

Итак, все десять условий, поставленных при решении проблемы будинов и гелонов, выполнены. Полученные результаты позволяют сопоставить данные Геродота с географическими координатами Птолемея.

В описании Европейской Сарматии Птолемей указывает ряд гор, в числе которых есть представляющие для нас интерес:

Горы Аланские $62^{\circ}30'$ восточной долготы 55° северной широты.

Горы Бодинские 58° восточной долготы 55° северной широты.

Обе возвышенности размещены на Русской равнине между Днепром и Доном. Аланские горы находятся недалеко от угла Азовского моря и очень точно соответствуют Донецкому кряжу. Бодинские горы расположены дальше от Азовского моря и восточнее Аланских, т.е. на месте южной оконечности обширной Среднерусской возвышенности. На этой возвышенности берут начало реки, протекающие через земли будинов (Десна, Сейм) и гелонов (Сейм, Сула, Псел, Ворскла, Донец). Вполне естественно, что Птолемей назвал ее Бодинскими горами и разместил близ нее народ будинов, в которых справедливо видят геродотовских будинов.

Как видим, данные Птолемея полностью согласуются с предложенным выше отождествлением будинов с племенами юхновской культуры.

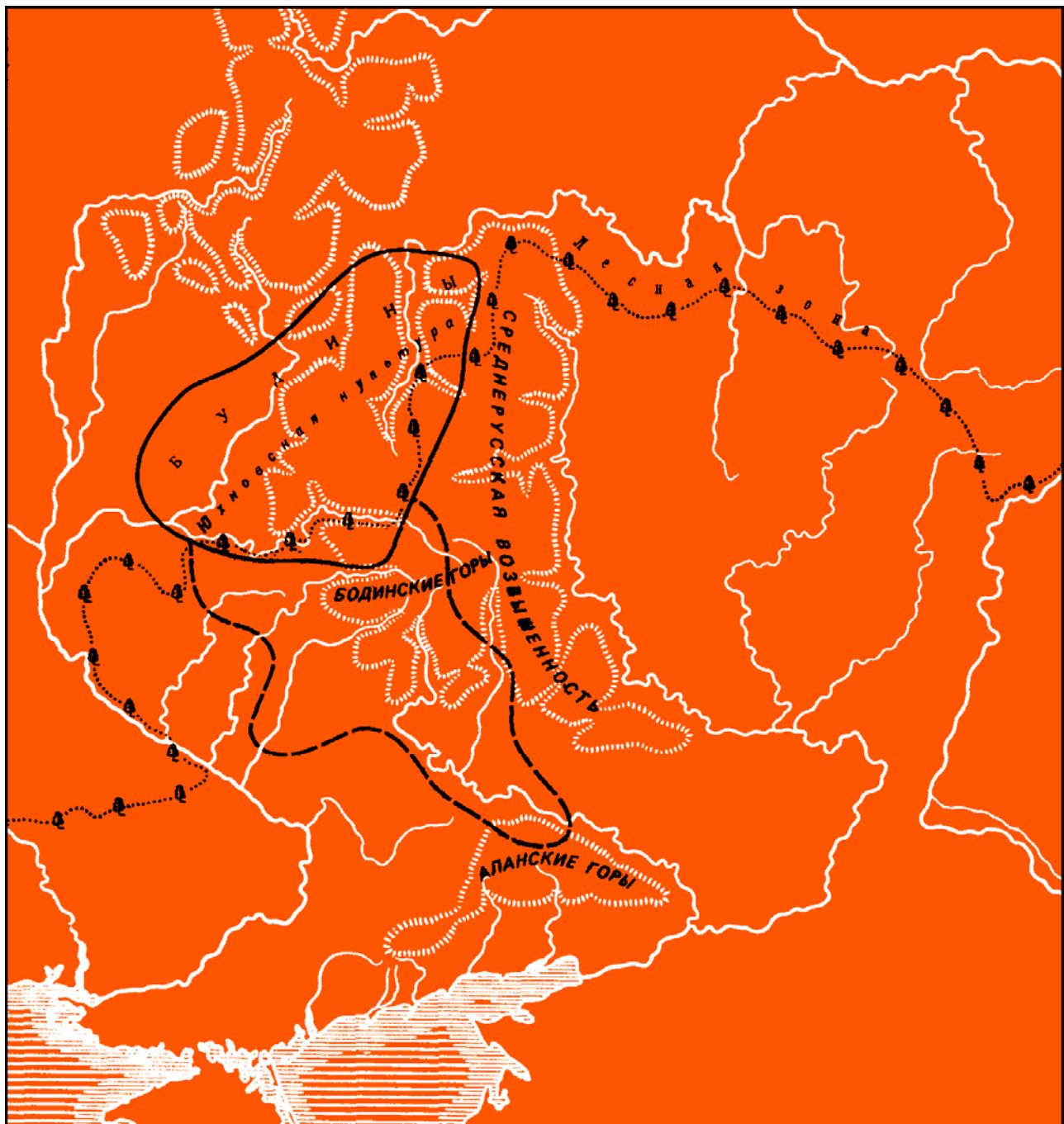
* * *

Мы обозрели все археологические культуры, которые могли попасть в поле зрения Геродота, и все заметки Геродота о племенах Восточной Европы (не касаясь особой, внешнескифской темы об аrimаспах Аристея Проконесского). Список геродотовских племен внутри скифского тетрагона и рядом с ним исчерпан¹⁵³. Особенно важным я считаю то, что после решения вопроса о гелонах и будинах геродотовскими именами покрыт *весь без остатка ареал археологических культур скифского типа*: царские скифы, скифы-кочевники, «обособившиеся скифы» (воронежская группа), скифы, занимающиеся земледелием («пахари», «земледельцы», «борисфениты») и, наконец, говорящие по-скифски гелоны, выступающие в записях Геродота то под своим именем, то под именем покоренных ими прежних владельцев этой земли — будинов (в геродотовское время владевших собственной территорией в лесной зоне). Всем этим племенам и народам соответствуют отдельные локальные археологические группы скифской культуры, выделенные археологами по географическому принципу; иногда геродотовское название должно быть приложено не к одной (очень условной!) группе, а к комплексу соседних и сходных по облику культур. Так, например, следует поступить при очерчивании контуров Земледельческой Скифии, включавшей в себя киевскую, подольские и, может быть, волынскую группы. Так же обстоит дело и в гелонском Левобережье, включающем посульскую, северско-донецкую и в какой-то мере иную по происхождению ворсклинскую (борисфенитскую) группы.

Полученные результаты позволяют перейти к следующей, важной для географии геродотовской Скифии теме — к рассмотрению похода Дария 512 г. К этой теме мы подходим с обновленными представлениями о размещении народов, воевавших с Дарием или державших нейтралитет, о месте, где окончилось продвижение персов в глубь Скифии (р. ар), а также и о степени достоверности некоторых записей Геродота. Одно дело, когда конечной точкой похода считали далекую Волгу (Оар-Ра), и другое, когда она оказалась на Азовском море в 20–22-х переходах от Дуная; одно дело, если земля будинов расположена где-то под Саратовом или близ Перми и тогда двухмесячный поход Дария утрачивает всякое подобие реальности, и иное дело, если область будинов-гелонов лежит всего лишь в восьми днях пути от царской ставки у Меотиды.

¹⁵³ Не локализован мною только один охотничий народ йирков, соседей фиссагетов (§ 22). Наиболее вероятно, что это — племена дьяковской культуры, но отсутствие каких бы то ни было дополнительных географических ориентиров заставляет нас оставить это давно возникшее решение под вопросом.

Рассмотрение похода 512 г., помимо самостоятельного интереса этой исторической темы, явится для нас необходимой проверкой всех предшествующих рассуждений и гипотез о географии геродотовой Скифии.

Бодинские горы по Птолемею

ФРАКИЙСКО-СКИФСКИЙ ПОХОД ДАРИЯ ГИСТАСПА

Дарий готовился к походу на скифов и рассыпал вестников к подвластным народам; одним царь приказывал выставить войско, другим — корабли, третьим, наконец — построить мост через Боспор Фракийский.

Геродот

Поход Дария I во Фракию и Скифию в 512 г. был первым военным актом в длительных событиях последующих греко-персидских войн. Цель его угадывается легко: персы начали подготовку к тяжелой войне на суше и на море, стремясь отрезать Грецию от хлебородных и богатых скотом и рыбой областей Балкан и Скифии. Повод, разумеется, был указан иной: месть за давние походы скифов в Малую Азию; однако покорение фракийцев, непричастных к разбойниччьим наездам скифов, не оставляет сомнений в истинных стратегических целях персидского царя.

Покорив Вавилон и обеспечив господство персов в Азии, Дарий решился на далкий, отчасти рекогносцировочный поход. Как уже говорилось в начале, у исследователей возникло очень много сомнений то по поводу отдельных эпизодов, то в достоверности самого похода вообще. На Геродота возлагалась ответственность за собственные ошибки и недосмотры ученых; неразработанность конкретной географии, мнимое несоответствие короткого срока похода в два месяца с предполагаемым маршрутом чуть ли не в 5000 км привели к отрицанию геродотовских сведений о походе Дария.

В самом деле, если за р. Оар, послужившую поворотным пунктом похода, принимать Волгу, а землю будинов, до которой добрались персы, отождествлять с ананьинской культурой в Прикамье и Приуралье, то поверить в *такой* поход персидского царя действительно очень трудно. Утвердившись в мнении, что описание похода у Геродота совершенно фантастично и не заслуживает рассмотрения, исследователи обратили внимание на другой источник — на свидетельство Ктесия, в котором не было почти никаких географических ориентиров, и в силу этого он казался понятнее.

Ктесий Книдский находился в плену у персов с 414 по 398 г. до н.э. и написал историю Персии, дошедшую до нас в незначительных извлечениях византийского патриарха Фотия. Сообщение Ктесия состоит из двух частей: в первой части (не имеющей соответствия у Геродота) описывается морской набег на прибрежных скифов, а во второй — кратко пересказывается событие 512 г., описанное в IV книге Геродота:

«Дарий приказал кappадокийскому сатрапу Ариарамну перейти в Европу против скифов и взять в плен мужчин и женщин. Ариарамн, переправившись на 30 пятидесятвесельных судах, взял скифов в плен, причем захватил и брата скифского царя Марсагета, найдя его заключенным в оковы по приказанию брата за какой-то проступок»¹⁵⁴.

Каппадокия имела выход к Черному морю между устьями рек Галиса и Ириса, находившимися напротив Боспора Киммерийского. Наиболее вероятно, что эскадра Ариарамна переправилась прямо на север к Боспору и воевала с крымскими скифами. Среди 15 имен различных скифских царей, упоминаемых Геродотом, имени Марсагета нет, но это нисколько не лишает вероятности рассказ Ктесия; Марсагет мог быть второстепенным окраинным царем. Экспедиция Ариарамна была, очевидно, чисто рекогносцировочной и ставила своей задачей получение языков, могущих дать представление о характере и протяженности той страны, куда предполагалось повести царские войска. Сведения об этой экспедиции Ктесий мог почерпнуть из дворцовых преданий, т.к. он был придворным врачом Артаксеркса II.

О походе 512 г. Ктесий сообщил очень кратко:

«Скифский царь Скифарб в гневе [после набега Ариарамна] написал Дарию дерзкое письмо; ему был дан такой же ответ. Собрав 800 000 войска и постро-

¹⁵⁴ Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. — ВДИ, 1947, №2, с. 299.

ив мосты на Боспоре и Истре, Дарий переправился в Скифию, пройдя на 15 дней пути. Они послали друг другу луки; скифский лук оказался крепче. Поэтому Дарий обратился в бегство, перешел через мосты и поспешил разрушить их прежде, чем переправилось все войско. Оставленные в Европе 80 000 были перебиты Скифарбом»¹⁵⁵.

Сообщение Ктесия не дает права на тот решительный вывод, который уже приводился мною выше: «В настоящее время все согласны с тем, что персидское войско дошло *только до Бессарабии*»¹⁵⁶. Думаю, что это безапелляционное утверждение базируется на краткой заметке Страбона:

«...от Истра до Тираса лежит „Пустыня гетов“ — сплошная безводная равнина. Здесь Дарий, сын Гистаспа, перейдя во время похода на скипов через Истр, попал в западню, подвергшись опасности погинуть со всем войском от жажды; однако царь, хотя и поздно, понял опасность и повернул назад»¹⁵⁷.

Страбон, писавший 506 лет спустя после похода Дария, не может, разумеется, считаться надежным источником. Он, очевидно, читал у Геродота о битве Дария со скифами в трех днях пути от Истра (т.е. между Истром и Тирасом) и о том, что после двухмесячного похода, убегая от скипов, Дарий шел к Истру по земле, где скифы заранее засыпали все источники (Геродот, IV, §§ 122, 140), но этим и ограничил весь поход. Принимать в расчет небрежное припомнание Страбона не следует, а тем более не следует на основе его слов отрицать поход персов в глубь Скифии.

* * *

Грандиозному походу персидского войска на Балканский полуостров и в Скифию, по всей вероятности, действительно предшествовал внезапный наезд персидской эскадры на скифские земли, описанный Ктесием. Пленные скифы должны были обогатить персидскую разведку самыми свежими сведениями.

Продвижение Дария по Азии описано Геродотом в одной фразе: «Вышедши из Суз, Дарий прибыл к Калхедонии на Боспоре, где был построен мост» (§ 85). За этой фразой стоит длительный путь примерно в 13 000 стадий, описанный Геродотом в другом месте в связи с картой Аристагора (V, § 52) и почти на всем протяжении совпадающий со знаменитой «царской дорогой», с ее стоянками и многочисленными постоянными дворами. Конечной точкой «царской дороги» были Сарды, но Дарий где-то в Каппадокии должен был отклониться от нее, чтобы попасть в Калхедон. Путь этот насчитывал около 2300 км.

Переправив войско через Боспор Фракийский по мосту, построенному Мандроклом, Дарий легко покорил фракийские племена и портовые города западного берега Черного моря (Салмидес, Аполлонию и др.). Второй мост был наведен через Дунай на его «шее», выше его дельты. За Дунаем уже начиналась Скифия.

Дарий привел сюда, по словам Геродота, 700 000 воинов и эскадру в 600 кораблей под командой ионийских тиранов. Эскадра в дунайских гирлах стратегически была размещена очень удачно: ее прямым назначением была охрана дунайского моста, но она очень быстро могла оказать помощь Дарию и на скифской земле. По исчислению Геродота (§ 86) корабль делал на море 230 км в сутки (1300 стадий); от среднего устья Дуная до Ольвии корабль мог доплыть менее чем за одни сутки; до Пантикея на Боспоре Киммерийском — за двое суток и одну ночь. Укрепленный район Дария у рек Оар и Лик мог быть достигнут дунайской эскадрой всего лишь за четверо суток непрерывного хода. Возможно, что в этом и был смысл организации укреплений близ самого моря около портового города Кремны.

Оставив союзных греков охранять дунайский мост, «царь завязал на ремне 60 узлов, позвал на совещание к себе ионийских тиранов и сказал им...: начиная

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Хенниг Рихард. Неведомые земли. М., 1961, с. 147.

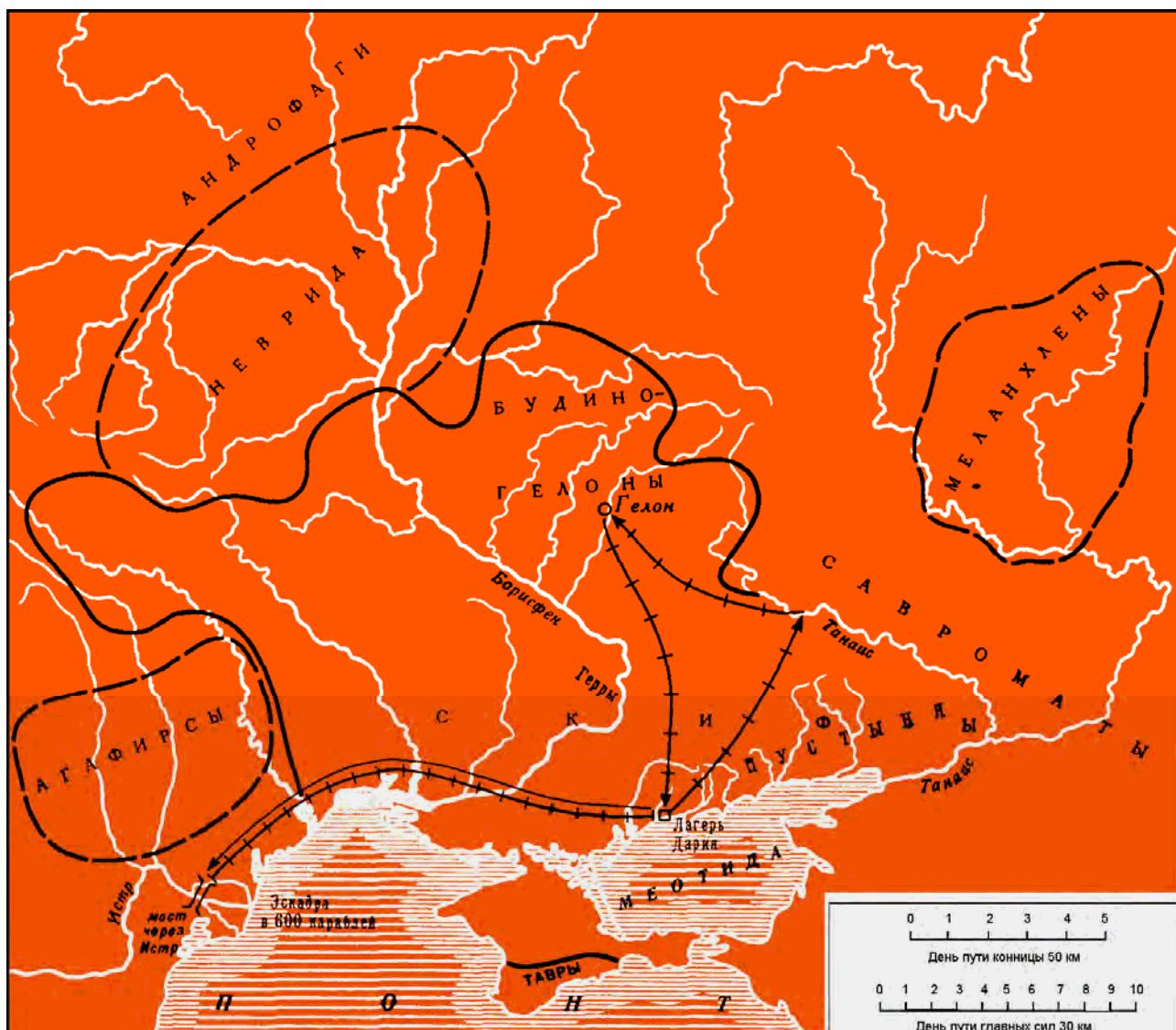
¹⁵⁷ Страбон. География, кн. VII. М., 1964, с. 279, § 14.

как раз с того времени, когда я пойду на скифов, развязывайте на ремне каждый день по одному узлу. Если за этот промежуток времени я не явлюсь назад и минует число дней, обозначенное узлами, — плывите обратно на родину, а до той поры оберегайте мост...» (§ 98).

К тому моменту, когда персидское войско подошло к юго-западной границе Скифии, оно уже проделало путь около 2800 км. Судя по ремню с 60-ю узлами, Дарий предполагал углубиться в Скифию на 800–1000 км. Прежде чем рассмотреть самый ход скифской войны, нам необходимо выяснить, чему равнялся один узел на царском ремне, какова была протяженность одного дня пути.

«День пути», разумеется, величина условная, зависящая от вида транспорта, целей, удобопроходимости дорог и переправ и от степени спешности движения (марш, преследование, бегство).

Геродот трижды определяет день пути и каждый раз по-разному: обычный день пути для скифских просторов в 200 стадий (§ 101); день пути в гористой местности от Эфеса до Сард в 180 стадий (V, § 54) и день пути в условиях длительного похода по персидской «царской дороге» в 150 стадий (V, § 53).

Поход Дария в Скифию

Расчеты дней пути по малоазийскому нагорью есть и у Ксенофона в «Анабазисе»: 93 перехода он приравнивает к 16 050 стадиям, что дает 172 стадии для одного дня пути¹⁵⁸. До-

¹⁵⁸ Ксенофонт. Анабазис, кн. II. М.— Л., 1951, с. 47, § 6.

полнения к Ксенофонту дают несколько иную цифру: 215 переходов равны 34 255 стадиям, из чего следует, что дневной переход определялся в 160 стадий¹⁵⁹.

Сведем эти данные в таблицу:

Протяженность в пространстве одного дневного перехода

		В стадиях	В км
Геродот	Обычный путь в Скифии	200	35,5
	Марш в гористой местности	180	31,96
Ксенофонт	Длительный поход в гористой местности	150	26,64
	Длительный поход в гористой местности	172	30,65
	(Дополн.). Длительный поход в гористой местности	160	28,4

Приведенные сведения о протяженности дня пути относятся к передвижению значительных масс войска, в составе которого могут быть не только конные части, но и обозы и пехота. По условиям самого пути эти данные, относящиеся к малоазийскому нагорью с тяжелыми подъемами и перевалами, вероятно, не очень подходят к движению по степной равнинной Скифии. Во всяком случае, если мы и можем ими воспользоваться, то лишь как низшим пределом. Для движения персидского войска по Скифии следует принять среднюю скорость *не менее 30 км в сутки*: 7–8 часов движения по 4 км в один час.

Кроме того, нам известно, что Дарий начинал поход форсированно: «Дарий шел с войском *весьма быстро*» (§ 125). Это заставляет нас опираться на *наибольшие* размеры для пути войковых соединений у Геродота и Ксенофonta (31,9 и 30,65 км). Для марша конных соединений, не отягощенных обозами и пехотой, скорость движения должна быть значительно увеличена. Средневековая кавалерия могла делать броски, во время которых покрывалось расстояние до 90 км в сутки, но для длительного похода такая скорость невозможна. Многодневный поход мог осуществляться со средней скоростью 45–50 км в сутки.

Текст Геродота заставляет нас рассчитывать скорость движения войска по двум вариантам: во-первых, для главных сил, обозначенных в тексте всегда именем самого царя («Дарий шел быстро», «Дарий остановился» и т.п.), а во-вторых, для конных корпусов, стремительно преследовавших скифскую конницу, обозначенных всегда только словом «персы» («персы напали», «персы преследовали», «персы переправились» и т.п.). В дальнейшем, рассматривая маршрут персидского похода 512 г., мы должны будем определить, какой отрезок его с какой скоростью совершился.

* * *

Движение персидских войск по Скифии определялось не замыслами Дария, а стратегическим расчетом скифов, стремившихся заманить персов как можно дальше в глубь своих степей.

Узнав о покорении фракийцев и о переправе Дария через Дунай, скифы отправили свои стада и кибитки с женами и детьми на север и выяснили свои взаимоотношения с окрестными племенами. Савроматы, гелоны и будины вошли в союз со скифами; невры, агафирсы, меланхлены, тавры и андрофаги отказали скифским посланцам в союзе и помощи. Земледельческие скифские племена не выделены из общей массы скифов и, по всей вероятности, принимали участие в скифском союзе, т.к. не упомянуты и среди отказавшихся от войны с персами. Скифская армия состояла из трех частей (§ 120).

Главные силы под командованием царя Иданфирса. Иданфирс выступает как глава всех скифских войск и ведет пересылку с самим Дарием. По всей вероятности, Иданфирс был царем царственных, нижнеднепровских скифов, главным охранителем племенных святынь — могил в Герросе.

Вторую часть, соединившуюся с гелонами и будинами, возглавлял царь Таксакис. Возможно, что в эту часть входили и другие лесостепные племена, например борисфениты.

¹⁵⁹ Там же, кн. VII, с. 224, § 25.

Третьей частью командовал царь Скопасис, к которому присоединились савроматы. Судя по включению савроматов, Скопасис, очевидно, был царем приазовских скифов-кочевников, непосредственных соседей савроматов.

Стратегический замысел скифов четко изложен Геродотом:

«Скифы... решили вовсе не давать настоящего открытого сражения, но, разделившись на два отряда, отступать со своими стадами, засыпать попадающиеся на пути колодцы и источники и истреблять растительность.

К одному из отрядов с царем Скопасисом во главе присоединились савроматы. Они должны были убегать, если бы персидский царь обратился на них, *прямо к реке Танаису вдоль озера Меотиды*» (§ 120).

Как мы знаем, именно к берегам Меотиды, к речкам Оар и Лик скифы и завлекли главные силы персидского войска.

«Персы, заметивши появление скифской конницы, нападали на нее и непрерывно ее преследовали, а она все отступала.

Персы преследовали одну из трех частей по направлению к *востоку и Танаису...*» (§ 122).

Общую картину мы должны представить себе так: первое столкновение со скифами произошло в трех днях пути от Истра (§ 122), т.е. примерно у р. Кагальника. Далее Дарий двигался на восток, имея по правую руку море, по левую — две скифские армии Иданфирса и Таксакиса, а непосредственно перед собою — армию Скопасиса. Путь персидского войска пролегал, разумеется, не по кромке извилистого морского побережья, изрезанного многочисленными лиманами, а на известном расстоянии от моря, примерно по линии Измаил — Тирасполь — Николаев — Каховка — Мелитополь, километрах в 30–50 от морского берега, по сравнительно ровным ковыльным степям. Греческие колонии (Тира, Ольвия) оставались, надо думать, в стороне от пути персидских войск, в этой прибрежной полосе. Дарию, заинтересованному в повиновении греческой эскадры на Дунае, невыгодно было ссориться с греческими городами на скифских берегах, тем более что частью эскадры командовал тиран Милета Гистиай, а Ольвия была колонией Милета.

Примерно на шестой день войска Дария могли перейти Тиру, на 15-й день достигнуть Борисфена, а генерального сражения со скифами все не было; скифы заманивали Дария в пустынные места Приазовья. Как мы помним, Ктесий сообщал, что «Дарий переправился в Скифию, пройдя на 15 дней пути». Далее у Ктесия описан эпизод обмена луками. Быть может, персидское дворцовое предание сохранило воспоминание о времени переговоров Дария с царем скифов: берег Днепра был самым подходящим местом для выяснения отношений, и происходило это «на 15 дней пути» от Истра. Поэтому предположительно к этому этапу персидского похода представляется возможным приурочить геродотовские записи о пересылке посланцами. Геродот не говорит об обмене луками, но подробно передает обращение Дария к Иданфирсу и ответ скифского царя.

Дарий — Иданфирсу. «Зачем ты, чудак, все убегаешь, хотя можешь выбрать одно из двух: если ты полагаешь, что в силах противостоять моему войску, — остановись, не блуждай более и сражайся! Если же ты чувствуешь себя слабее меня, то также приостанови свое бегство и ступай для переговоров к твоему владыке с землею и водою в руках» (§ 126).

Иданфирс — Дарию. «... Я объясню тебе, почему я не тороплюсь сразиться с тобою: у нас нет ни городов, ни обработанной земли. Мы не боимся их разорения и опустошения и поэтому не вступили с вами в бой немедленно. Если же вы желаете во что бы то ни стало сражаться с нами, то вот у нас есть могилы

предков. Разыщите их, попробуйте разрушить — тогда узнаете, станем ли мы сражаться с вами из-за этих могил или нет!..» (§ 127)¹⁶⁰.

От низовий Днепра до скопления скифских царских курганов в Днепровской Луке (Геррос) было 3–4 дня пути. На 15-й день своего похода Дарий должен был быть ближе всего к священным курганам, чем и объясняется подразнивание Иданфирса. Но между курганами и персами находилась вся конница царских скифов, готовая защищать могилы предков; Левобережье Днепра охраняла армия Таксакиса с гелено-будинами. Дарию представлялся только путь на восток к Меотиде, т.е. скифы продолжали навязывать ему свой заранее задуманный план похода. До Меотиды оставалось 5–6 дней пути.

Оказавшись в пустынных местах Приазовья, Дарий Гистасп, очевидно, понял всю несостоятельность своей надежды на разгром скифских войск и всю затруднительность движения полным составом своих семисоттысячных сил с пехотой и царским двором.

У речки Оар (Корсак?) он остановился. К этому времени персидские войска уже прошли путь по Скифии длиною свыше 600 км, занявший 21 день¹⁶¹. Лагерь Дария у р. Оар (Корсак?) на берегу Азовского моря представлял собою по существу огромный укрепленный район:

«Пришедши в пустыню и приостановив поход, Дарий расположился с войском у реки Оар, затем воздвиг восемь громадных укреплений на одинаковом расстоянии одно от другого приблизительно стадий на 60...» (§ 124).

Оборонительная линия из восьми крепостей должна была протянуться более чем на 70 км, т.к. каждый интервал между крепостями был равен 10,65 км. Все громоздкое персидское войско с его обозом и стадами могло быть укрыто в этом районе, защищенном с юга морем.

В случае надобности к Кремнам, соседнему с лагерем морскому порту, могла довольно быстро прибыть эскадра в 600 кораблей.

Третья часть времени, ассынованного Дарием на весь скифский поход, уже прошла. Нужно было еще зарезервировать 21 день на обратный путь от лагеря до Истра.

Нам необходимо решить вопрос: могли ли персы за оставшиеся 18 дней совершить поход за Танаис в землю савроматов и пройти через землю будинов (или будино-гелонов), как об этом пишет Геродот?

«Когда скифы перешли реку Танаис, в погоню за ними последовали немедленно и персы, пока наконец не прошли землю савроматов и не достигли владений будинов» (§ 122).

«...Вторгшись в землю будинов, персы напали на деревянное укрепление, которое было совершенно покинуто будинами, и сожгли его» (§ 123).

Во-первых, мы должны отметить, что преследование скифской конницы велось не всей массой персидского войска: «Пока Дарий был занят сооружением, преследуемые скифы обошли сверху эти земли и возвратились в Скифию» (§ 124). Значит, преследование велось только конными корпусами персов, освобожденными от ослов, мулов, пехоты и царской свиты — все это, как мы знаем из §§ 129–135, осталось в укрепленном районе Дария. Учитывая это, мы должны принять иной расчет пространственной величины дня пути и исчислять его не в 30 км, как для общевойскового движения, а в 45–50 км, как следует считать для конных рейдов. Возьмем для осторожности меньшую величину — 45 км в день (6–7 часов езды рысью). Во-вторых, нам следует наметить ближайшие к азовскому лагерю персов части

¹⁶⁰ У Геродота эта пересылка гонцами помещена в тексте после того, как им была описана остановка Дария на р. Оар. Более вероятно, что обмен посланиями происходил до остановки, пока Дарий еще пытался настигнуть главные силы скифов. Иначе слишком нелогично звучит обращение к врагу: «Остановись!» — в устах полководца, уже остановившего движение своих собственных сил.

¹⁶¹ Измерения производились во всех случаях по картам не мельче, чем 1:1 000 000. Карты более мелкого масштаба не гарантируют от ошибок.

земли савроматов и будинов, не забывая при этом предостережения Геродота о существовавшей в его время путанице имен будинов и гелонов.

От лагеря Дария у р. Оар до Танаиса-Северского Донца ближе всего в направлении современных Краматорска и Славянска. В днях пути это расстояние будет равно семи дням. Через три дня пути на северо-запад по савроматским землям за Донцом всадники могли достигнуть пограничных городищ будино-гелонов в верховьях Донца (городища Водяное, Люботинское, Яковлевка и др.) и, пройдя по южной кромке будино-гелонской земли, через 8–9 дней могли уже возвратиться к пустынным берегам Приазовья.

Итак, расчет минимального маршрута полностью сходится с текстом Геродота:

Персы преследовали скифов за Танаис — 7 дней пути.

Персы прошли по земле савроматов — 3 дня пути.

Персы разорили деревянное укрепление «будинов» и возвратились к Дарию — 8–9 дней пути.

Итого: 18–19 дней пути.

Реальный маршрут персидских всадников мог отклоняться от намеченного выше, но мне важно показать, что вторжение персов за Танаис и в землю будинов не является вымыслом или ошибкой Геродота. Стратегический расчет Дария, выраженный в его ремне с 60-ю узлами, был вполне реален и мог быть выполнен с точностью до одного дня.

Однако следует напомнить, что персидский царь несколько просрочил назначенное им самим времени охраны моста на Истре. Скифы неоднократно наведывались к дунайскому мосту и старались убедить ионийскую стражу не задерживаться более обусловленных 60 дней (§ 133). Когда персидское войско еще отступало из Скифии, *срок уже прошел*, все 60 узлов на ремне. Дария были уже развязаны. Скифы снова послали гонцов к дунайской эскадре:

«Назначенное вам число дней, ионяне, прошло, и вы поступаете неблагородно, оставаясь еще здесь... снимите мост, возвращайтесь поскорее на родину и наслаждайтесь свободой, за которую благодарите богов и скифов...» (§ 136).

Следовательно, к двум расчетным месяцам похода мы должны добавить еще некоторое количество дней сверх намеченного Дарием срока. А это означает, что маршрут конного рейда «персов» (без Дария) мог быть несколько более протяженным. Здесь встает вопрос о городе Гелоне. Геродот не упоминает Гелон при описании вторжения персов в землю будинов; он просто говорит о сожжении персами «деревянного укрепления» (§ 123), под которым можно подразумевать любое городище из того сгустка городищ, которые так хорошо известны нам на Харьковщине¹⁶². Если персы сожгли Гелон, то не совсем понятно, почему Геродот не упомянул об этом в своем подробном описании города, его крепостных стен и храмов. Б.А.Шрамко установил, что Вельское городище «в конце VI в. до н.э. подверглось нападению»; прослежены следы пожара и возобновления укреплений после него¹⁶³. Отрицать возможность сожжения Гелона персами мы не можем. Огромный укрепленный район должен был привлекать персов предполагаемой военной добычей и, возможно, явился крайней северной точкой их вторжения. В этом случае маршрут рейда персидской кавалерии должен был несколько удлиниться и составить не 18, а 22 дня, что на 4 дня превышало «60 узлов» (на что § 136 дает нам право).

Маршрут конницы, по всей вероятности, имел вид треугольника, одним из углов которого был лагерь на р. Оар, другим — край савроматской земли за Северским Донцом, а третьим углом в одном случае могли быть будино-гелонские городища близ Харькова, а в

---

¹⁶² См.: Тереножкін О.І., Ільїнська В.А. Скіфський період. — В кн.: Археологія УРСР, т.ІІ. Київ, 1971, карта.

¹⁶³ Шрамко Б.А. Крепость скіфской эпохи у с. Вельск — город Гелон. — В кн.: Скіфский мир. Київ, 1975, с. 116, 109, 103.

другом случае — г. Гелон. Путь от этого третьего угла (в любом его варианте) лежал на юг, к Азовскому морю, к той «пустыне», около которой остановился Дарий.

До сих пор все сведения Геродота были верны и вполне выдерживали историко-географическую проверку, но при описании возвращения персов из страны будинов (точнее, гелоно-будинов) он допустил небольшую небрежность и свою запись о пустыне *севернее* земли будинов спутал с записью о той пустыне в Приазовье, где Дарий строил свои укрепления и куда должны были возвратиться конные части, преследовавшие скифов в земле савроматов и «будинов». Соединяя в соседних параграфах поход персов в землю будинов и остановку Дария у пустыни, Геродот *повторно* поместил в § 123 запись о совершенно иной пустыне, о которой он уже писал в своем месте:

«Выше будинов, к *северу от них*, лежит прежде всего пустыня на протяжении 7 дней пути, а за пустыней больше в восточном направлении живут фиссагеты, народ особый и многолюдный» (§ 22).

Запись о будино-фиссагетской пустыне Геродот использовал вторично в описании похода на землю будино-гелонов:

Персы «прошли землю будинов и вступили в пустыню. В пустыне той вовсе нет населения; она расположена над страной будинов и тянется на 7 дней пути. Над пустыней обитают фиссагеты...» (§ 123).

Не подлежит сомнению, что эта будино-фиссагетская пустыня никоим образом не может быть тождественна приазовской пустыне, около которой остановился Дарий, т.к. она лежит на *север* от земли будинов, а меотидское поморье было *южным* рубежом кочевых скифских племен.

Военные действия происходили в южной, гелонской лесостепной половине обширной Будино-Гелонии. Пустыня же, отделяющая будинов от фиссагетов, лежит на север от земли *собственно будинов*, земли, «покрытой густым разнородным лесом» (§§ 22, 23).

Дойти до бассейна Протвы и Москвы-реки (северный предел юхновской культуры) персы, разумеется, не могли.

* * *

Трехнедельный рейд персидской конницы по степям Левобережья оказался решающим для всей кампании — персы потерпели стратегическое поражение, т.к. все их попытки уничтожить скифское войско были бесплодны; Дариев лагерь у Меотиды был, судя по всему, плотно блокирован скифами:

«Скифы решили не завлекать дальше персов, но нападать на них всякий раз, как только те выходили на поиски пищи...

Скифская конница постоянно обращала в бегство персидскую. Персидские всадники бежали до тех пор, пока не настигали своей пехоты, которая и подкрепляла их... Подобные нападения скифы совершали и по ночам» (§ 128).

Иногда скифы выманивали персов из лагеря, оставляя им поблизости небольшие стада (§ 130).

Персидский царь «оказался в затруднительном положении» (§ 131). Настолько, что даже скифы заметили это и послали Дарию символические «дары»: птицу, мышь, лягушку и пять стрел; персидские мудрецы истолковали эти дары таким образом:

«Если вы, персы, не улетите как птицы в небеса, или подобно мышам не скроетесь в землю, или подобно лягушкам не ускакете в озера, то не вернетесь назад и падете под ударами этих стрел» (§ 132).

Пять стрел, возможно, символизировали пять компонентов скифского военного союза: царских скифов (и подчиненных им до Танаиса кочевников), савроматов, гелонов, будинов и, может быть, борисфенитов, не названных Геродотом.

Скифское войско, конное и пешее, осадило укрепленный район Дария, но генеральное сражение уже не было желательным для персидского полководца. Очевидно, далекий рейд и мелкие стычки сильно подорвали боеспособность персидского войска. Дарий задумал замаскированное отступление:

«При наступлении ночи Дарий... оставил на месте, в лагере, слабых солдат, гибель которых была для него наименее чувствительна, и велел там же привязать всех ослов. Итак, люди были покинуты по причине их слабости, а ослы привязаны для того, чтобы реветь; и Дарий... немедленно двинулся к Истру» (§ 135). Укрепления Дария остались недостроенными (§ 124).

Скифы соединили все свои три армии, начали преследовать отступающих персов и даже заступили им дорогу к дунайскому мосту (§ 140), но греки, обманув скифов, все же помогли Дарию переправиться на южный берег Дуная.

Скифский поход персов был окончен; персы были изгнаны из Скифии и едва избегли гибели. Сохраненное агафирским преданием (§ 125) воспоминание о мести скифов тем окрестным племенам, которые отказались от участия в войне против персов, могло относиться к этому заключительному этапу кампании 512 г., когда все скифские силы были в сборе и могли по свежим следам отомстить соседям за недружественный нейтралитет.

В историко-географическом отношении описание похода 512 г. представляет значительный интерес не столько само по себе, но главным образом как *метод проверки* других географических сведений Геродота. Привлечение координат Клавдия Птолемея позволило определить единственную устойчивую точку всего описания похода — лагерь на реке Оар, отождествленной мною с рекой Корсак в Приазовье.

Только после этого стало возможным вести те или иные отсчеты. Поход Дария, терявший свою реальность в том случае, если за Оар принималась Волга, теперь в свете уточненной географии приобрел вполне достоверный облик: до этих мест персидское войско могло дойти примерно за три недели.

Отождествление Танаиса с Доном, традиционно принимаемое в науке, не позволило бы уложить поход Дария в указанные Геродотом сроки. Но установление иных представлений о Танаисе (Северский Донец плюс нижнее течение Дона), представлений, просуществовавших до XII в. н.э., позволило без всяких натяжек решать вопрос о достижении персидской конницей савроматских земель, «перейдя Танаис». Танаис-Донец отстоял от укреплений Дария всего на одну неделю кавалерийского марша.

Особенно важной является проверка местоположения будинов. Говоря о племенах, вошедших в скифский военный союз, Геродот упоминает и будинов, и гелонов, но когда речь идет о театре военных действий, он употребляет только название «будины», хотя совершенно ясно, что действия происходили в южной половине «Будино-Гелонии», некогда принадлежавшей будинам, но занятой впоследствии скифоидными племенами левобережных гелонов (Посулье, Северский Донец). Возможно, что здесь сказалось старое традиционное название земли, ранее занятой будинами. Геродот и говорит не о будинах, а именно о «земле будинов» (§§ 122, 123). Предостерегши читателя относительно существовавшей у греков путаницы имен гелонов и будинов (§ 109), историк сам дал пример взаимозаменимости этих названий.

Движение персидских войск в условиях далекой лесной зоны земли собственно будинов (племен юхновской культуры) было невозможно. Война велась на окраине лесостепной, бывшей будинской земли, заселенной гелонами, а эта земля находилась, по моим расчетам, всего лишь в 7–8 днях конного пути от азовского лагеря Дария. Размещение будино-гелонского комплекса, определенное выше без привлечения данных о походе 512 г., полностью подтвердилось расчетом возможностей персидского войска в условиях двухмесячного похода.

При размещении будинов и гелонов за Доном поход персов значительно удлинялся бы, и конные войска должны были бы удалиться от лагеря более чем на 600 км.

Как видим, анализ географии похода 512 г. подтвердил целый ряд положений, высказанных ранее. Кроме того, следует сказать, что этот анализ выявил и, смею думать, обосновал достоверность всех основных записей Геродота: срок похода, постройка оборонительного района, объем театра военных действий.

Выявились и некоторые редакционные недосмотры Геродота. Следуя своему принципу записывать все, что ему говорят, Геродот перегрузил описание похода несколькими вариантами рассказа об одном и том же событии. Так, о бегстве Дария из недостроенного лагеря говорится кратко в § 124 и очень подробно в §§ 135, 136.

Помимо подробных полуэпических рассказов скифского происхождения, где Дарий выглядит самонадеянным, но недалеким, а скифы обрисованы смелыми и мудрыми, Геродот включил очень искусственно агафирское, антискифское предание (§ 125). Недосмотром историка является разобранное выше двукратное включение в текст одной и той же записи о фиссагетской пустыне; повторное упоминание этой пустыни заменило собой указание на южную приазовскую пустыню. Эти мелкие недочеты могут порой дезориентировать исследователей, но они не умаляют достоинств добросовестного и точного в большинстве случаев «отца истории».

ЭТНОГЕОГРАФИЯ СКИФИИ

Численность населения у скифов я не могу определить точно, т.к. получил об этом весьма различные сведения.

Действительно, коренных скифов, собственно говоря, очень мало.

Геродот

Наложив геродотовские названия племен и народов на археологическую карту скифского времени, мы получили определенную историческую реальность.

Анализ повествования о походе Дария в 512 г. до н.э. и полученные в его результате географические ориентиры полностью подтвердили правильность такого наложения: только при обоснованном выше размещении племен маршрут персов и объем театра военных действий стали соответствовать точному определению срока похода. В результате сопоставления всех разнородных географических данных выявилась большая осведомленность и безупречная добросовестность Геродота.

В свете этого особую ценность приобретают этнографические заметки историка о племенах Восточной Европы VI — V вв. до н.э. Отдельные записи, характеризующие хозяйство и быт различных племен, есть в географическом разделе (§§ 17–22), но, кроме того, Геродот написал два специально этнографических раздела, посвятив один полностью скифам, ведущим кочевой образ жизни (§§ 59–75), а другой, более краткий, всем остальным племенам Скифии и ее непосредственного окружения (§§ 103–109). Кроме того, Геродоту удалось собрать целый ряд легенд о происхождении народов и их передвижениях. Таковы две версии происхождения скифов, легенда о происхождении савроматов, предания о царях скифов-земледельцев, рассказы о вторжении гелонов и переселении невров, теснных змеями.

Все народы Восточной Европы Геродот рассматривает с точки зрения их сходства или различия со скифами, не определяя, к сожалению, их отношения друг к другу.

Народы	§§ по Геродоту	Образ жизни	Отношение к скифам	Язык
<i>Степная зона</i>				
Скифы царские и кочевые	8, 19, 59–75	Царские, храбрейшие и многочисленнейшие, кочевое скотоводство		Скифский
Алазоны	17	Кочевники (?) и земледельцы	Образ жизни скифский	?
Каллипиды	17	Кочевники (?) и земледельцы	Эллино-скифы	?
Савроматы	116, 117	Кочевники	Родственны скифам	Искаженный скифский
Меланхлены	20, 107		Народ особый. Образ жизни скифский	
<i>Лесостепь</i>				
Агафирсы	104	Сходный с фракийцами	По легенде родственны скифам	
Гелоны	108–109	Земледельцы	По легенде родственны скифам	Скифский и греческий ?
Земледельческие скифы (сколоты)	5–7, 17, 18	Земледельцы, торгующие хлебом		
<i>Лесная зона</i>				
Невры	105	Образ жизни скифский	Нравы скифские	?
Будины	21, 108, 109	Кочевники	Народ особый	Язык особый
Андрофаги	18, 106	Кочевники	Одеваются по-скифски	Язык особый
Фиссагеты	22	Охотники. Народ много-людный	Народ особый	?
Йирки	22	Лесные охотники		?

СТЕПНАЯ ЗОНА. СКИФЫ. САВРОМАТЫ. Широкая зона причерноморских степей сравнительно ясна по своему этническому наполнению: царские скифы, скифо-кочевники (очевидно, подвластные царским), савроматы — все это североиранские племена, достаточно изученные в настоящее время, за исключением все еще остающегося неясным вопроса о происхождении их из той или иной культуры бронзового века. Но этот неясный вопрос находится за пределами моей темы, хотя у Геродота есть на него определенный ответ:

«Кочевые племена скифов обитали в Азии. Когда массагеты вытеснили их оттуда военной силой, скифы перешли Араке и прибыли в киммерийскую землю...» (§ 11).

Изложив это, третью по счету, сказание, Геродот добавляет: «Ему я сам больше всего доверяю» (§ 11). Что касается алазонов и каллипидов, то они упомянуты только в географическом обзоре. Когда совещались по поводу нашествия персов цари всех скифских и околоскифских племен, представителей алазонов и каллипидов там не было. Создается впечатление, что это — какие-то незначительные племена, ведущие «одинаковый образ жизни с остальными скифами» и, очевидно, подвластные соседним с ними царским скифам. Б.Н.Граков переводит имя каллипидов как «потомки прекрасноконных отцов»¹⁶⁴. Возможно, что алазоны и каллипиды — остатки более древнего, доскифского населения степей, оттесненного более могущественными пришельцами. Именно в этих местах, близ Днестра, произошла, по Геродоту, междуусобная битва киммерийцев, после которой остатки киммерийцев откочевали куда-то в сторону и «скифы завладели безлюдной пустыней» (§ 11). Курганы киммерийских царей видел Геродот у Тиры. Мало вероятно, чтобы киммерийцы исчезли бесследно. Остатками старых доскифских племен киммерийского времени могут быть археологически неясные для нас полукочевники-полуземледельцы каллипиды и еще более загадочные алазоны.

На восточном краю около скифского степного пространства за савроматами, за Доном находились меланхлены. П.Д.Либеров убедительно показал наличие финно-угорских черт в гидронимике левобережья Среднего Дона¹⁶⁵. Территория меланхленов была, по всей вероятности, зоной контакта финно-угорских (эрзянских?) племен с иранскими. На всем обширном степном пространстве вплоть до наших дней сохранилась иранская гидронимика — Дон, Днепр (Дън пръ), Днестр (Дън стръ), Дунай, свидетельствующая о давнем обитании ираноязычных племен.

На крайнем востоке обширной и широкой лесостепной полосы, в соседстве с меланхленами, на воронежском участке бассейна Дона жили «другие скифы, прибывшие в эту местность по освобождении от царских скифов» (§ 22). Геродот очень точно определил порубежное в географическом отношении положение воронежских скифов, описывая земли на запад и восток от них: на запад шли плодородные черноземные почвы, а на восток — «каменистая и неровная земля» (§ 23). Дон действительно делит Восточную Европу на две различные по своей почве половины. «После долгого перехода по этой каменистой области» путешественник достигает «подножья высоких гор». Туда ездят скифы, пользующиеся во время этих путешествий «семью переводчиками и семью языками». Речь идет, очевидно, о поездках за Дон и Волгу по полупустынным степям Иловли, Еруслана, Урала до южных отрогов Уральского хребта.

Сведения об этих отдаленных землях и народах (исседонах, аримаспах, аргиппеях) Геродот почерпнул у Аристея Проконесского (§ 13), своих сведений добавить не мог, и только фразой о семи переводчиках дал образное представление об отдаленности племен, описанных Аристеем. К анализу геродотовских сведений о Скифии и окружающих ее народах эти полусказочные рассказы отношения не имеют.

¹⁶⁴ Граков Б.Н. Скифы. М., 1971.

¹⁶⁵ Либеров П.Д. Этническая принадлежность населения Среднего Дона в скифское время. — В кн.: Проблемы скифской археологии. М., 1971, с. 115. Автору очень хочется видеть в среднедонской культуре скифского времени геродотовских будинов, но это резко расходится с Геродотом.

ЛЕСНАЯ ЗОНА. От южной степной зоны с ее преобладающим иранским населением я хочу перейти к северным окраинам геродотовского круга земель с тем, чтобы для нас четче обозначились и южные и северные соседи наиболее интересной лесостепной зоны.

Андрофаги и будины находятся в зоне балтской гидронимики. У верхнеднепровских андрофагов балтский элемент в гидронимике сохранился в большей степени¹⁶⁶. Геродотом относительно обоих народов сказано, что язык у них особый. По всей вероятности, это были диалекты каких-то балтских языков.

Антropологический облик светловолосых и голубоглазых будинов не противоречит признанию их прабалтами, но следует сказать, что наибольшая густота балтских гидронимов начинается лишь у северной окраины земли будинов-юхновцев, севернее Брянска, а на большей части юхновской территории она оттеснена славянской. Это могло случиться во время интенсивной колонизации Подесенья праславянами, например, в эпоху зарубинецкой праславянской культуры.

Об андрофагах можно определенно говорить как о прабалтах, а относительно будинов — предположительно.

Невры давно уже рассматриваются в науке как одна из частей праславянского мира. Подробный разбор всей литературы вопроса произведен О.Н.Мельниковой в связи с этноисторическим осмыслением милоградской культуры¹⁶⁷. О.Н.Мельникова убежденно и убедительно отстаивает славянскую принадлежность невров-милоградцев, выявляя одновременно ряд натяжек и слабых мест в концепции В.В.Седова, относящего милоградцев к числу балтийских племен.

Лингвистический анализ гидронимики территории милоградской культуры показывает значительное количество древних славянских обозначений в земле невров¹⁶⁸. Это относится к обеим половинам Невриды — и к западной (на юг от Припяти), и к восточной (по Днепру и Сожу).

Лингвистический материал прекрасно дополняет археологические данные о вселении в Невриду каких-то «змей», о которых пишет Геродот:

«У невров обычай скифские. За одно поколение до похода Дария им пришлось покинуть всю свою страну из-за змей, ибо не только собственная земля произвела множество змей, но еще больше напало их из пустыни внутри страны.

Поэтому-то невры были вынуждены покинуть свою землю и поселиться среди будинов» (§ 105).

Давно уже предположено, что под змеями здесь могут подразумеваться прабалтийские племена с их исконным культом змеи, вторгшиеся в Невриду «из пустыни внутри страны», т.е. из-за Припяти.

Выше, в географическом разделе, я приводил наблюдения О.Н.Мельниковой, подтверждающие продвижение милоградцев на северо-восток, к Днепру и за Днепр, где они жили настороже и строили крепости-городища.

Опираясь на последующие исследования О.Н.Трубачева, мы можем, как мне кажется, определить как происхождение этих «змей», так и область их расселения. В своей книге, посвященной гидронимии Правобережья Днепра¹⁶⁹, О.Н.Трубачев приводит славянские *архаичные* гидронимы южнее Припяти и по Днепру и пишет, что это — «основной плацдарм местного славянства» (карта 11). «Именно здесь, на правобережье Припяти, сосредоточена значительная часть древних *чисто славянских* гидронимов». Но на этой же самой территории, вкрапленные в нее, встречаются и балтские гидронимы. Они группируются вокруг Случи и частично у самого устья Припяти (карта 18). Особый интерес представляет следующее наблюдение О.Н.Трубачева: «Бросается в глаза такое отличие припятских *славянских* гидроним-

¹⁶⁶ Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвилья. М., 1970, с. 10, 11. Карта гидронимики, составленная по М.Р.Фасмеру, О.Н.Трубачеву, В.Н.Топорову и А.С.Стрыжаку.

¹⁶⁷ Мельникова О.Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967, с. 170–185.

¹⁶⁸ Топоров В.Н. и Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962, с. 244, карта 9; Третьяков П.Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М., 1966, с. 230, рис. 65.

¹⁶⁹ Трубачев О.Н. Названия рек Правобережной Украины. М., 1968, с. 272, 273, карты 11 и 18.

мов от припятских балтийских гидронимов, как, например, повторение последних (балтийских) по обе стороны Припяти (ср. хотя бы Случь), и то, что таких повторений на левом берегу Припяти не знают. Названные нами исключительно правобережные припятские гидронимы *весьма старого славянского типа*» (подчеркнуто везде мною. — *B.P.*)¹⁷⁰. Историческая расшифровка этого ценного наблюдения может быть такой: в некое время балтийские племена с левого, северного берега Припяти вторглись на правый, южный берег, где размещались невры. Балты принесли с собой свою северную гидронимику и ту основную реку, на которой они поселились, они назвали именем левобережного притока — тоже Случью. По Геродоту, это происходило за одно поколение до похода Дария 512 г., следовательно в середине VI в. до н.э.

Геродотовские племена и археологические культуры VI — IV вв. до н.э.

Невры вынуждены были продвинуться в восточном направлении в землю будинов, что хорошо отразилось в поселениях милоградской культуры.

Археология позволяет нам уловить этих «змей», вторгшихся в Невриду: именно в бассейне Случи расположена особая волынская археологическая группа скифского времени.

¹⁷⁰ Там же, с. 272, 273.

«Скифская триада» — оружие, сбруя, звериный стиль — не распространялась на эту территорию. В культуре наблюдаются очень архаичные черты, как, например, серпы с кремневыми вкладышами. Сюда почти не доходил античный импорт¹⁷¹. Совпадение данных лингвистики и археологии полное.

Вполне возможно, что население балтской Случи, жившее в VI — V вв. до н.э. чересчурально с неврами-милоградцами, является тем самым пришлым «из северной пустыни» элементом, который привел невров в движение¹⁷².

Отдаленные не только от скифов, но и от их соседей будинов фиссагеты (городецкая культура) должны быть отнесены к финно-угорским племенам. Финно-угорские гидронимы господствуют на всей территории городецкой культуры¹⁷³. Из всех описанных Геродотом народов фиссагеты единственные могут быть сопоставлены с современным нам народом — мордвой (мокшой и эрзей). Взаимоотношение многочисленного народа фиссагетов с более южными степными меланхленами для меня не совсем ясно.

Где-то поблизости от фиссагетов, тоже в лесах, находились лесные охотники йирки. По всей вероятности, это — племена соседней дьяковской культуры, тоже финно-угры по этнической принадлежности.

ЛЕСОСТЕПЬ. На востоке геродотовская лесостепь замыкалась воронежскими скифами, а на западе — агафирсами.

Агафирсы занимали, очевидно, лесостепное пространство между Днестром и Карпатами, а также Трансильванию с верховьями Мареша. Геродот говорит о близости агафирсов к местному фракийскому населению, но в генеалогической легенде эпоним Агафирс является братом Скифа и Гелона. Очевидно, скифоидные пришельцы агафирсы были в известной мере уже в геродотовское время ассимилированы местным фракийским (или фракодакийским) населением.

Гелоны тоже были родственны скифам и тоже являлись пришельцами в своем днепровском Левобережье. Наслоившись на туземные марьяновско-бондарихинские племена, частично оттеснив их в лесистую (юхновскую в будущем) зону, а частично смешавшись с ними, гелоны возглавили в VI — V вв. обширный и разнородный племенной союз, в который входили, во-первых, скифоидные иранские племена (посульская и северскодонецкая археологические группы), во-вторых, колонисты из Правобережья (ворсклинская группа; возможно, часть праславян) и будины-юхновцы, относительно которых нельзя сказать, все ли они входили в этот союз или только та южная часть, которая была в известной мере оккупирована скифо-гелонами.

Политический характер гелонского союза яствует как из того, что гелонов путали с будинами (т.е. смешивали землю и племя-гегемон), так и из того, что главный город, расположенный на Ворске, не на гелонской земле, а среди переселенцев из киевско-тясминской археологической группы, носил все же название Гелон.

Иранская гидронимика на Сейме, Суле и Северском Донце¹⁷⁴ очень точно соответствует распространению скифской культуры в Левобережье. Точно так же, как элементы скиф-

¹⁷¹ См.: Тереножкін О.І., Ільїнська В.А. Скіфський період. — В кн.: Археологія УРСР, т.ІІ. Київ, 1971, с. 103.

¹⁷² В связи с воинственным балтским элементом, активизировавшимся незадолго до похода Дария, возникает следующий ряд предположений: не могло ли агафирское предание, сложившееся в конце VI в., подразумевать под свирепыми андрофагами именно этих пришельцев, ставших непосредственными соседями невров?

Геродот, ознакомившийся с преданием в самом начале своих розысков еще на Дунае, начал в дальнейшем выяснять местоположение племени, названного греческим прозвищем. Его современники указали ему на самый отдаленный народ в верховьях Днепра, но это не значит, что эти верхнеднепровские балты были действительно людоедами и что именно их подразумевало предание.

Могло быть так: в агафирском предании конца VI в. имелись в виду балты — «андрофаги» (они же «змеи»), вселившиеся к неврам. Но имя андрофагов-людоедов, естественно, не могло быть самоназванием народа. В середине V в. Геродоту указали на другой балтский же народ на Верхнем Днепре и на Двине, очень отдаленный от самих информаторов и поэтому к нему легче было отнести обидное прозвище людоедов с дикими нравами.

¹⁷³ Либеров П.Д. Этническая принадлежность..., с. 108, 110, карты.

¹⁷⁴ См.: Седов В.В. Славяне... (карта гидронимов).

ской культуры заходят на севере в землю собственно будинов (юхновцев), так и иранские гидронимы заходят на север, в зону балтской гидронимики, примерно километров на 150¹⁷⁵.

Земледельческие скифы. Борисфениты. Центральное место в плодородной восточно-европейской лесостепи занимают геродотовские «днепровцы», экспортёры хлеба, которых историк сопровождает дополнительными эпитетами «пахари», «земледельцы».

Судя по археологическим материалам, правобережные борисфениты составляли определенное единство (может быть, тоже племенной союз), охватывавшее не только непосредственно берега Днепра (киевская и тясминская группы), но простиравшееся и далее на запад, к среднему течению Буга и Днестра. На окраинах черты сходства выветривались, ослаблялись, но все же ощущались. Этнически (но не политически) к этим борисфенитам относились, как уже сказано, и поселенцы на Ворскле.

Судя по устойчивой славянской архаичной гидронимике в земле геродотовских борисфенитов от Невриды до Пантиапы, все эти археологические группы земледельческих скифов Правобережья следует (вместе с неврами) отнести к праславянам. Но этот давно уже дебатирующийся вопрос настолько важен и настолько затемнен в нашей историографии, что его необходимо рассмотреть специально.

Располагая общей картиной геродотовской Скифии в географическом отношении (более или менее точной) и в этническом (менее определенной), мы можем приступить к этому исключительно важному историческому вопросу.

---

¹⁷⁵ В.И.Абаев установил, что украинский «Вий», известный нам по Гоголю, восходит к иранскому божеству силы ветра и смерти (*vayu*). Скифское *ινοσύρις* исследователь переводит как «Могучий Вайю» (см.: Абаев В.И.Дохристианская религия алан — В кн.: XXV Междунар. конгр. востоковедов. Доклады советской делегации. М., 1960, с. 3). Стоит отметить, что знаменитая гоголевская Диканька, к окрестностям которой писатель приурочил свои легенды, находится в непосредственной близости от древнего Гелона на той же Ворскле, в зоне древних иранских гидронимов.

СКОЛОТЫ-ПРАСЛАВЯНЕ

Я не колеблясь утверждаю, что среди упомянутых Геродотом северных соседей скифов не только невры на Волыни и Киевщине... но и скифы, именуемые пахарями и земледельцами и помещенные Геродотом... между верхним Бугом и средним Днепром, были, несомненно, славянами, которые испытывали влияние греко-скифской культуры.

Любор Нидерле.

Анализ этногеографических записей Геродота подвел нас к важному, но почти необъятному комплексу вопросов, связанных с происхождением славян, с областью их расселения в разные исторические эпохи и с их историческими судьбами. Рассмотрен этот комплекс здесь может быть только конспективно, без развернутой в полном объеме аргументации.

Поиски предков славян среди народов, описанных Геродотом, велись очень давно, начиная с XVII в., когда в обычай было отождествлять скифов со славянами. Выявление в XIX в. принадлежности скифов к иранской языковой семье (В.Ф.Миллер) устранило такую прямолинейность отождествлений, но новейшие исследования В.И.Абаева и В.Георгиева показали существование своего рода скифского периода в истории праславянского языка, выразившегося в большом количестве иранизмов, включенных в славянские языки; из них на первое место следует поставить слово «Богъ», сменившее индоевропейское «Deivas»¹⁷⁶.

Мне кажется глубоко верным наблюдение Б.В.Горунгса: «Можно сделать вывод о временной поверхностной „скифизации“ скифов-пахарей (славян?) и некоторых других племен лесостепи»¹⁷⁷.

Частный вопрос: где размещались праславяне в эпоху Геродота? — является разделом большой проблемы о местоположении праславян вообще и должен решаться в рамках всего славянского мира, изученного недостаточно равномерно.

Пока у нас в руках находится только тонкая путеводная нить, ведущая к определению места части праславян в скифское время, это — произведенное мною выше сопоставление лингвистических (гидронимических) изысканий О.Н.Трубачева с археологическим ареалом чернолесской культуры и некоторых культур скифского времени. Для изученной лингвистом области Среднего Поднепровья устанавливается точная датировка: своеобразная конфигурация чернолесской культуры (удержавшаяся в скифской традиции вплоть до IV в. до н.э.) сложилась в VIII в. до н.э., когда правобережные чернолесские племена колонизовали левый берег Борисфена и заселили Ворсклу-Пантикопию. Ситуацию VIII — IV вв. до н.э. и отразила архаичная славянская гидронимика, определенная О.Н.Трубачевым. Никогда — ни раньше, ни позже бытовые черты среднеднепровских племен, выявляемые археологами, не совпадали с такой полнотой с данными архаичной славянской гидронимики. Как ни интересен этот пример, степень его доказательности снижается в известной мере его единичностью. Для ведения поиска местоположения праславян в скифское время я считаю необходимым ретроспективный метод. Возьмем следующие хронологические срезы:

1. Средневековое славянство в Европе, X — XI вв. н.э.
2. Славяне накануне великого расселения, VI — VII вв. н.э.
3. Славянский мир времен первых упоминаний венедов, рубеж н.э.
4. Славяне в эпоху Геродота.

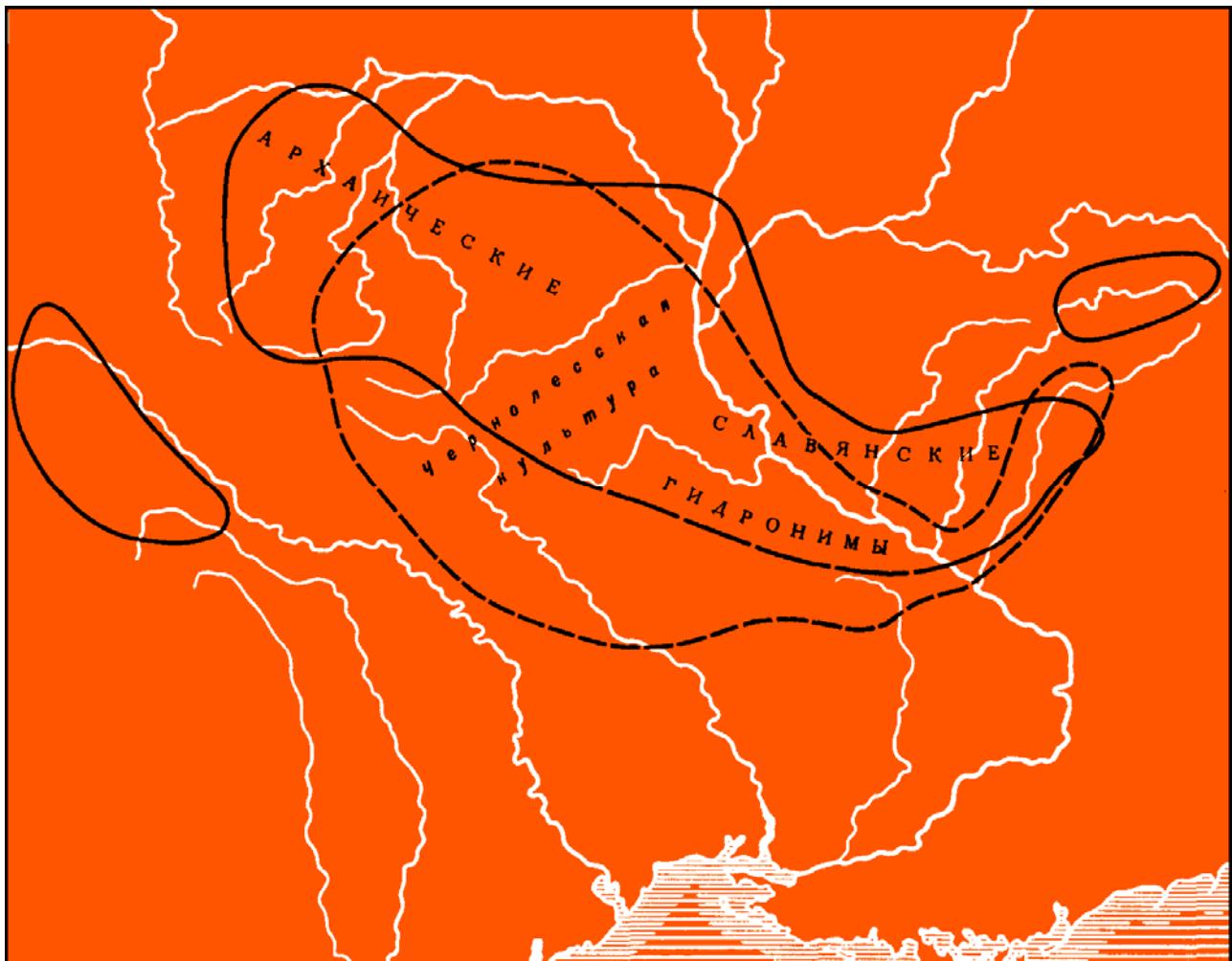
5. Славянство в период первичного отпочкования от других индоевропейских племен.

Первый раздел хорошо обеспечен всеми видами источников (письменные свидетельства, археология, антропология, лингвистика) и является наиболее ясным. Второй хронологический срез обеспечен точными сведениями письменных источников о походах склавинов и антов на византийские владения и весьма туманными сведениями как об исконном местожительстве тех и других, так и о местоположении венедов, их общих предков. Односторон-

¹⁷⁶ Абаев В.И. Скифский язык. — В кн.: Осетинский язык и фольклор, т. 1. М.— Л., 1949, с. 151—190; Георгиев В.Триде фази на славянската митология. София, 1970.

¹⁷⁷ (Горунг Б.В. Рец. на кн. Ф.П.Филина «Образование языка восточных славян». М.— Л., 1962. — Вопросы языкоznания, 1963, №3, с. 135.

нность письменных источников компенсируется археологическими данными: в настоящее время очень тщательно изучена культура «пражского типа» (или «типа Корчак») VI — VII вв. н.э.¹⁷⁸, признаваемая за славянскую. Совмещение двух карт (славяне в X — XI вв. и культура пражского типа VI — VII вв.) дает следующее: зона славянской керамики VI в. занимает срединное положение, простираясь широкой полосой от Одера до Среднего Днепра. Южная граница — среднеевропейские горы (Судеты, Карпаты), северная — от изгиба Вислы в районе Плойка далее по Припяти. Таково положение накануне великого расселения славян.

Праславянская гидронимика (по О.Н.Трубачеву) и чернолесская культура

За три — четыре столетия славяне продвинулись на западе к Эльбе и Фульде, на юге, перейдя Дунай, прошли почти весь Балканский полуостров до Пелопоннеса. Особенно широко шло колонизационное движение в северо-восточном направлении, где славяне вселялись в сравнительно редкую балтскую и финно-угорскую среду. Здесь славяне достигли Чудского озера, Ладожского озера, Верхнего Заволжья; юго-восточная граница шла от средней Оки на Воронеж и на Ворсклу. Степи, как всегда, были заняты кочевниками.

На этапе VII в. еще можно проследить расширение археологического ареала (Русанова, карта 75), но в дальнейшем роль археологических данных резко снижается. Уловить по археологическим материалам контуры всего славянского мира X в. значительно труднее, чем для VI в.

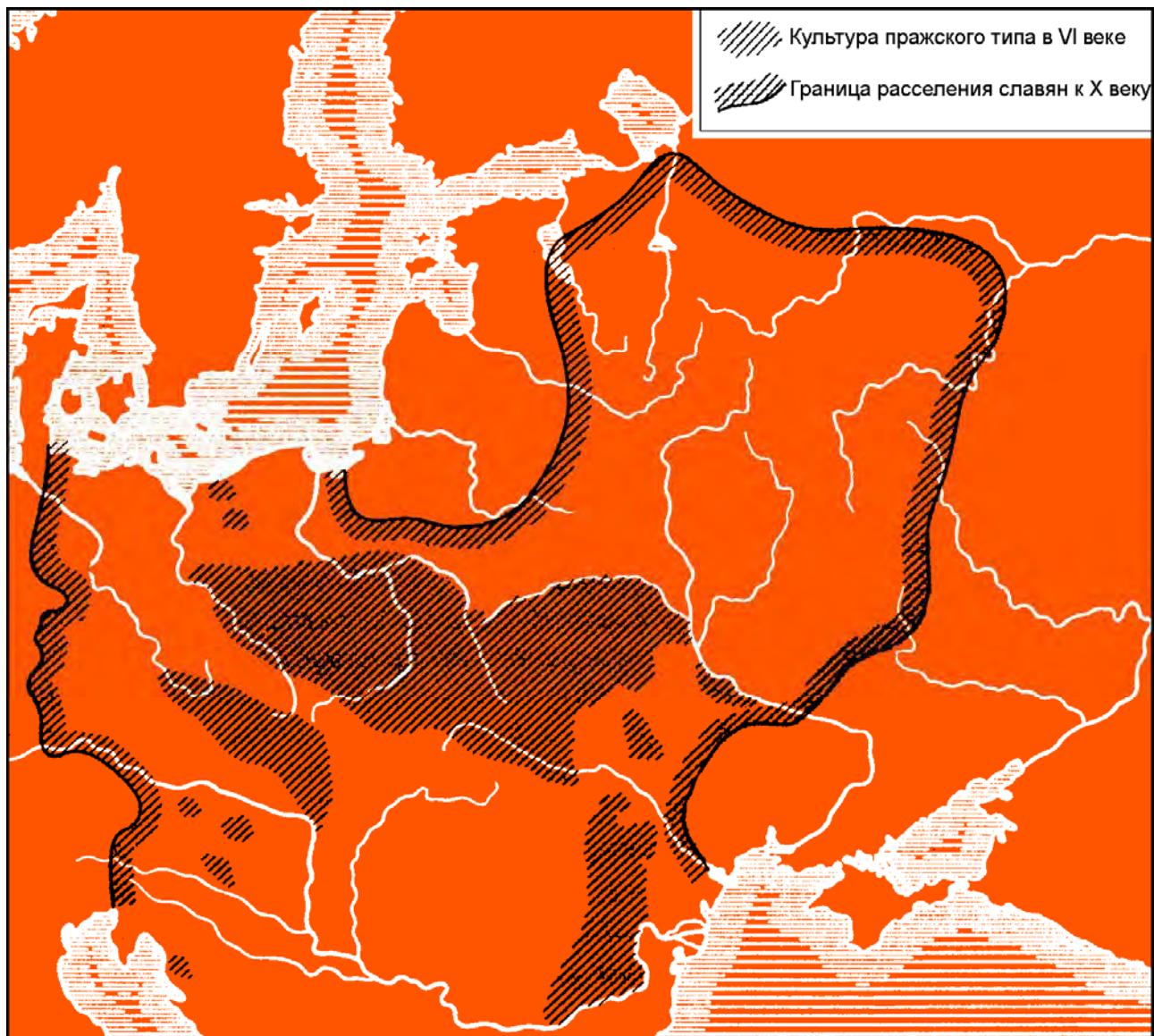
* * *

Третий хронологический срез намечен на рубеж нашей эры (± 2 века). Было бы крайне желательно рассмотреть то яркое время в истории славянства, которое автор «Слова о полку Игореве» назвал «тroyановыми веками», — II — IV вв. н.э., когда славянство благоденствовало в интервале между сарматскими наездами и нашествием гуннов, когда завоевание Дакии Траяном сделало славян непосредственными соседями Рима, в силу чего широко во-

¹⁷⁸ Русанова И.П. Славянские древности VI — VII вв. М., 1916, с. 74—76, карты.

зобновилась старая торговля хлебом. Но эта интересная эпоха осложнена, во-первых, великим переселением народов, продвижением готов и других германских племен, а во-вторых, сильным нивелирующим влиянием римской культуры, римского импорта, затрудняющим распознавание этнических примет. Поэтому в поисках славянской «праородины» эпоху Черняховской и позднепшеворской культур правильнее будет пропустить.

Наш третий срез захватывает время пшеворской и зарубинецкой культур (II в. до н.э. — II в. н.э.), которые в своей совокупности очень точно отвечают основному массиву славянской культуры более позднего второго среза VI в. н.э. Точно так же пшеворско-зарубинецкий массив простирается от Одера до Среднего Днепра (охватывая здесь оба берега); северная граница идет от излома Вислы по Припяти, а южная так же опирается на горные цепи и идет от Карпат к Тисмину. Географическое совпадение почти полное. Но достаточно ли этого для признания пшеворско-зарубинецкого массива славянским?

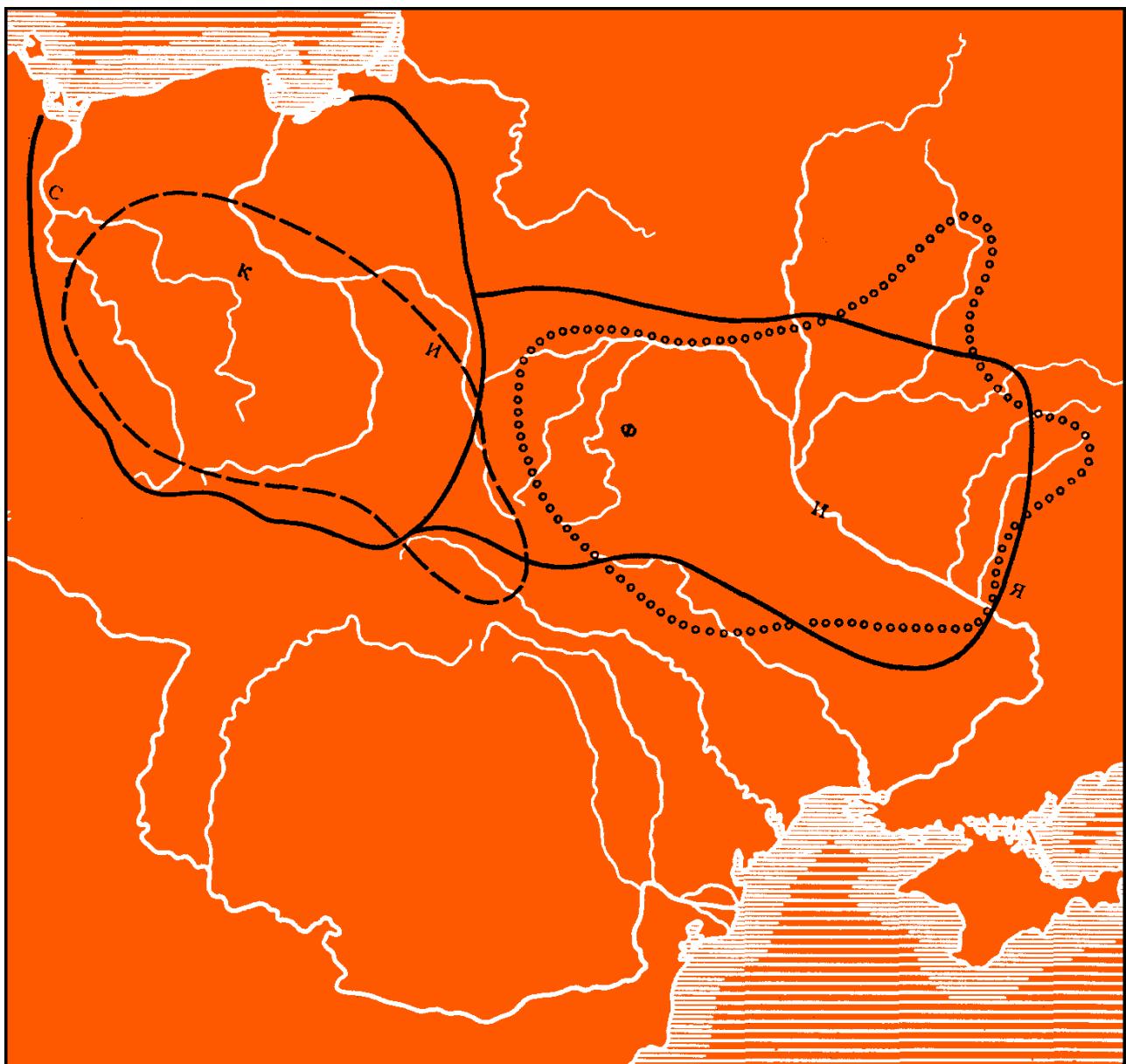

*Керамика VI в. пражского типа (по И.П.Русановой).
Славянский мир в X в. н.э.*

Польский славист Т.Лер-Сплавинский по данным архаичной славянской гидронимики примерно на I — II вв. н.э., т.е. именно на время существования пшеворско-зарубинецкой археологической культуры, намечает две соприкасающиеся географические области, которые совпадают с указанными выше археологическими культурами этого же времени¹⁷⁹. Даже граница между двумя зонами гидронимики проходит именно там, где лежит рубеж зарубинецкой и пшеворской культур. Единственное отличие заключается в том, что ареал архаичной славянской гидронимики в западной половине несколько шире пшеворской культуры и

¹⁷⁹ Lehr-Splawiński T. O pochodzeniu i praojczyźnie Slowian. Poznań, 1946.

охватывает верховья Эльбы и Поморье. В восточной, зарубинецкой, половине совпадение лингвистических данных с археологическими полное. Исконную принадлежность славянам области зарубинецкой культуры убедительно доказывает по лингвистическим данным Ф.П.Филин¹⁸⁰.

*Праславяне на рубеже н.э. Пшеворская и зарубинецкая культуры.
Зоны праславянской гидронимики (по Т.Лер-Славинскому)*

Археологические материалы дают нам не только статику (ареал), но и динамику. Основные черты временных изменений таковы: с запада в область пшеворской культуры проникают германские элементы; пшеворские элементы частично вклиниваются (по южной кромке) в зарубинецкую культуру, а зарубинецкие славянские племена начинают активный колонизационный процесс на северо-востоке, за Днепром, вклиниваясь в среду балтских племен Подесенья. Для наших целей важно то, что к этому же пшеворско-зарубинецкому времени относятся не только лингвистические славянские материалы (датируемые приблизительно), но и первые письменные свидетельства о славянах-венедах. Историки VI в. н.э. писали о том, что общим предком «склавинов» и «антов», нападавших на Византию с севе-

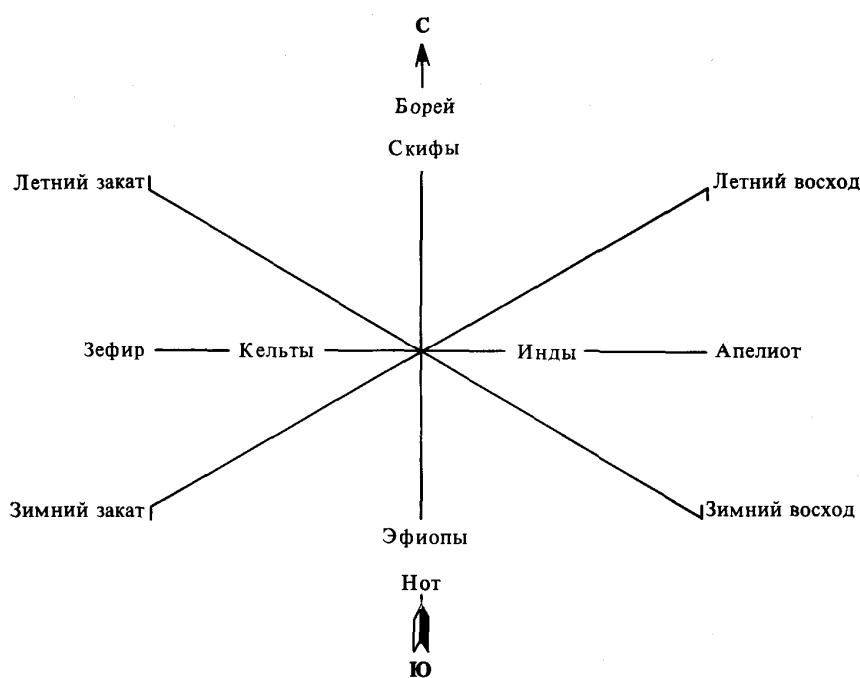
¹⁸⁰ «Самой правдоподобной, с нашей точки зрения, является гипотеза о среднеднепровско-западнобужской прародине славян... Зарубинецкую культуру, как нам подсказывают лингвистические данные, надо считать славянской» (Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972, с. 24, 26).

ро-запада и с северо-востока, являлся народ венетов. Географы I — II вв. н.э. знали самих венетов как народ, населяющий обширную «Сарматию»¹⁸¹.

Для того чтобы правильно оценить степень полезности для нашей цели письменных источников, современных пшеворско-зарубинецкой культуре, нам совершенно не достаточно отдельных хрестоматийных выдержек, говорящих о венетах у Вислы или о сходстве венетов с сарматами или германцами¹⁸². Необходимо рассмотреть географическую *концепцию* древних авторов и изменение этой концепции под влиянием того практического ознакомления с народами Европы, которое происходило в результате продвижения римлян на север. Многое в этом направлении сделано Л.Нидерле и в наше время Г.Ловмянским.

Геродотовское представление о Скифии, основанное на точных измерениях и подробных перекрестных расспросах, на несколько сотен лет определило взгляды греческих географов на эти земли. Но Геродот уделял большое внимание Востоку, тем краям, откуда, по его мнению, пришли некогда скифы; для этой цели он привлек Аристея Прокопиевского с его сведениями о Приуралье. На севере Геродот дознался истоков Борисфена, края далеких «андрофагов», и утвердил за этой рекой ясное основополагающее место в географических отсчетах. Но западное и северо-западное направления в сторону от его скифского квадрата мало интересовали историка, и надолго истоки Тиры и земли за неврами стали для географов областью неизвестного.

Продвижение греческой колонизации на запад, к берегам Сицилии и Галлии, дало географам новые точки зрения на Европу и место в ней Скифии. Эфор, историк IV в. до н.э. (405–330), дает интереснейшее распределение народов Старого Света:

«Область, обращенную к Апелиоту и близкую к солнечному восходу, заселяют инды; обращеною к Ноту и полудню владеют эфиопы; область со стороны Зефира и солнечного заката занимают кельты, а обращенную к Борею и северу заселяют скифы.

¹⁸¹ Как известно, имя венетов (вендов, виндлов) долгое время обозначало славян или какую-то часть славянского мира. Так, у немцев древние славянские поселки назывались Wendendorf — «венедская деревня». Финны называют русских venäjä, venät, эстонцы — vene (см.: Łowmiański H. Początki Polski, t. 1. Warszawa, 1964, s. 91). Думаю, что долгий спор о происхождении слова «славяне», «слов не» может быть решен при помощи строгого отношения к хронологии и географии этого термина: он появляется не ранее VI в. (т.е. не ранее великого расселения славян) и встречается только вне прародины, т.е. вне земли предков-венетов, в областях колонизованных выходцами из коренной территории венетов. Таковы: словаки, словинцы, словенцы, «словене» новгородские и др. «Сло-вене», на мой взгляд, «сълы», выселенцы из земли «вене» — венетов. Слово «сълы», «сълы» обозначало послов, людей, отправленных с поручением («пуштати в съль» — см.: Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1883, стб. 141).

¹⁸² См., например: Мишуллин А.В. Материалы к истории древних славян. — ВДИ, 1941, №1, с. 230–231. Сведения Тацита здесь сильно искажены.

Части эти неравны между собой: *область скифов и эфиопов больше*, а область индов и кельтов меньше». «Заселенная скифами область занимает промежуточную часть солнечного круга: она лежит против народа эфиопов, который, по-видимому, тянется от зимнего восхода до кратчайшего заката»¹⁸³.

«Скифам» или тем народам, которые скрывались под этим обобщенным именем, Эфором отведено огромное пространство, охватывающее ойкумену с севера и с северо-востока и доходящее на северо-западе до небольшой земли кельтов.

Для эпохи Эфора археологическая граница кельтской культуры доходила до Одера. Следовательно, к «скифам» его времени следует относить расположенные восточнее Одера по Висле памятники так называемой культуры подклёшевых погребений¹⁸⁴.

Определение Скифии как соседки Кельтиki может показаться просто результатом географической неосведомленности Эфора, уроженца Малой Азии. Но в это же время, около середины IV в., размещение Скифии на берегу Балтийского моря становится новой географической концепцией. Автором ее является, по-видимому, Питей, исходная точка зрения которого была смешена далеко на запад от Греции: он был выходцем из самой дальней западной греческой колонии в Кельтике — из Массилии (совр. Марсель). Питей путешествовал по Северному морю, знал Британию и Ирландию и, возможно, доплыл до Ютландии.

Позднейшие авторы, использовавшие сочинение Питея (Плиний, Диодор Сицилийский), писали с его слов об острове в Балтийском море (Абалус, Басилий, Балтия), богатом янтарем:

«Против Скифии, лежащей выше Галатии, на Океане есть остров, называемый Басилией. На этот остров волны выбрасывают в изобилии вещество, называемое электром, нигде более во вселенной не встречающееся...

Электр собирается на вышеупомянутом острове и привозится туземцами на противолежащий материк (т.е. в Скифию. — Б.Р.), по которому и перевозится в наши страны» (*Диодор Сицилийский*)¹⁸⁵.

Концепция балтийской Скифии, или точнее «Скифии до Балтийского моря», особенно окрепла после продвижения римлян к берегам Рейна и Северного моря, т.е. в эпоху наивысшего расцвета пшеворско-зарубинецких племен.

После походов римлян на Рейн и Эльбу и после создания ими непрерывной оборонительной линии от моря до Дуная их географические представления о Европе получили более целостный характер: давнее познание южных областей сомкнулось с новоприобретенными сведениями о Северном море и Балтике. В этой связи очень важны показания двух современников, писавших в середине I в. н.э.: уроженца Испании Помпония Мела и участника северных походов Плиния Старшего.

Упомянув о Рейне, Эльбе и окруженной островами Ютландии, Помпоний Мела определяет восточный предел германских племен у самого западного края Балтики и переходит к описанию «Сарматии»:

«Внутренняя часть Сарматии шире ее прибрежной части. От земель, лежащих восточнее, Сарматию отделяет река Вистула. Южной границей Сарматии служит река Истр»¹⁸⁶.

Здесь под Сарматией подразумеваются расположенные южнее Балтийского моря и западнее Вислы (очевидно, ее низовий) области распространения племен пшеворской и оксыцской (прибрежной) культур первых веков н.э. В дальнейшем изложении Мела говорит о причерноморских сарматах. Примечательно стремление географа связать воедино народы Причерноморья с народами балтийского Поморья. На первый взгляд кажется, что Мела совершил ошибку, приняв Вислу за восточную границу Сарматии: ведь настоящие сарматы и

¹⁸³ Латышев В.В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. — ВДИ, 1947, №2, с. 320.

¹⁸⁴ Кухаренко Ю.В. Археология Польши. М., 1969, с. 105, карта.

¹⁸⁵ Латышев В.В. Известия... — ВДИ, 1947, №4, с. 258.

¹⁸⁶ Помпоний Мела, кн. III, гл. IV.— В кн.: Античная география. М., 1953, с. 225.

их непосредственные соседи находились не западнее, а юго-восточнее Вислы. Но это противоречие разрешается важным примечанием географа: внутренняя, южная часть *шире* прибрежной. Очевидно, устьем Вислы он определил более ясный для него приморский рубеж¹⁸⁷.

Плиний, опираясь, очевидно, на сведения о плавании римской эскадры в 5 г. н.э., описывает Балтийское море, упоминая Скандинавию и Скифию как южный янтарный берег моря. Г.Ловмянский очень остроумно предположил, что эскадра, сведениями которой воспользовался Плиний, совершила круговой обезд моря, до устья Вислы, а южный берег римляне называли то «Скифской областью», то «островом» Эннигией, где «вплоть до Вислы жили сарматы, *венеды*, скирры и гирры» (Плиний кн. IV, § 97)¹⁸⁸.

Клавдий Птолемей во II в. н.э. тоже рассматривает «Европейскую Сарматию» в очень широких географических рамках от Танаиса до Вислы и от *Венедского* залива Балтийского моря («Сарматского океана») до побережья Черного моря¹⁸⁹.

Птолемей дает точные координаты «Венедских гор» ($47^{\circ}30'$ восточной долготы 55° северной широты). Это соответствует по широте Будинским и Аланским горам, т.е. по нашему счету примерно 50-й параллели. В меридиональном направлении эти горы расположены на север от Дунайских ворот и Карпат. Таким координатам (разумеется, приблизительным) соответствует Малопольская возвышенность в верховьях Вислы, Варты и притоков Одера, часть которой составляют Свентокшижские горы.

Венедов, живущих «по всему Венедскому заливу», Птолемей называет на первом месте среди племен Сарматии, и от венедов, как ориентира, он отсчитывает (не очень отчетливо, правда) положение других племен: гитоны (ниже венедов, близ Вислы), аварины близ истоков Вислы. Ниже венедов живут в восточном направлении галинды, судины, ставаны. «Ниже» в данном случае означает «ближе к морю», «ниже по течению» Вислы.

На Птолемея кончается скифо-балтийская концепция, родившаяся как стремление соединить знания, полученные с разных концов Старого Света — со стороны Черного моря и со стороны Марселя и Кельтихи. Подкреплялась эта концепция наличием славянских (венедских) племен и в Скифии (в широком географическом смысле) и близ Балтийского моря за Вислой.

Восточная граница германских племен на рубеже нашей эры проходила по бассейну Эльбы, но на протяжении двух последующих столетий происходило два разнородных, но отчасти связанных один с другим процесса: во-первых, у римских географов расширялось представление о племенах за Альбисом (на восток от Эльбы); некоторые из них оказались германцами (семноны, бургунды), а других просто причислили к германцам, и в географических сочинениях появилась вместо «Скифии» или «Сарматии» новая искусственная область — «Германия», простиравшаяся до Вислы. Во-вторых, шел реальный процесс некоторой инфильтрации германских элементов в восточном и южном направлениях, процесс, отраженный и в археологических культурах эльбо-висленского междуречья. Следует сказать, что результаты этого процесса были далеко не так значительны, как это может показаться по географическим обзорам того времени. Области восточнее Одера продолжали оставаться пшеворскими по своему археологическому облику.

Подведя итоги нашему третьему хронологическому срезу, следует сказать, что письменные источники, в полном согласии с археологическими, определяют в Европе обширную балтийско-понтийскую область, заселенную «скифами», «сарматами», венедами. Археологическое единство для эпохи Мелы и Плиния, позволяющее перенести восточноевропейскую терминологию (скифы, сарматы) на Балтику, только одно — пшеворско-зарубинецкое.

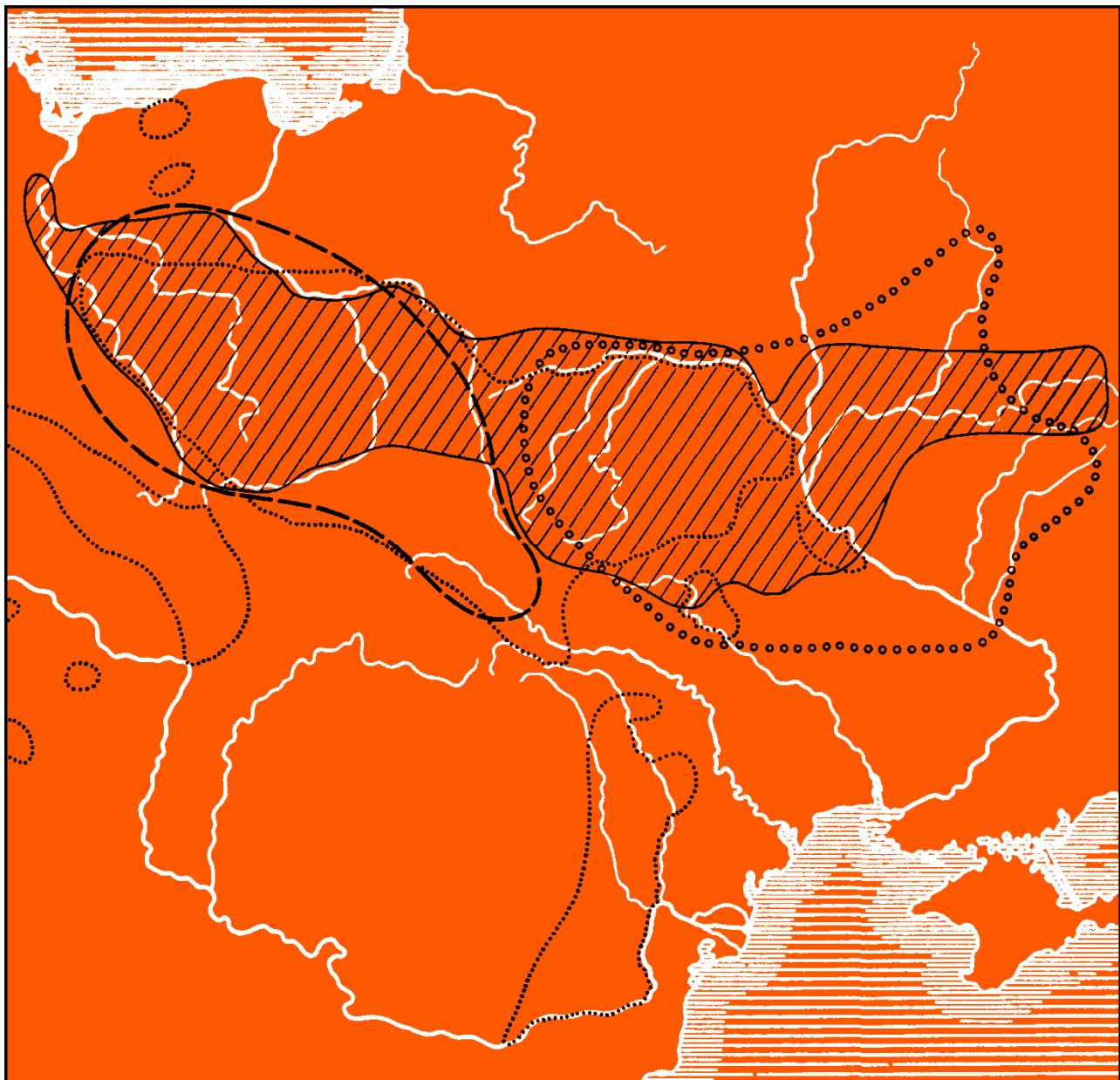
* * *

В нашем постепенном ретроспективном движении пропустим четвертый хронологический срез (скифское время) как искомый и предварительно ознакомимся с самой первичной областью расселения славян, принятой нами за пятый хронологический срез.

¹⁸⁷ Интересную реконструкцию карты Помпония Мелы дал Фритьоф Нансен (Nansen F. Nebelheim, т. 1, p. 95).

¹⁸⁸ Lowmioński H. Początki Polski, s. 156–159.

¹⁸⁹ Латышев В.В. Известия... — ВДИ, 1948, №2, с. 232–235 (459–462).

*Первичные праславяне во второй половине II тысячелетия до н.э.
(тишинецкая и комаровская культуры)*

Лингвисты определяют времена отпочкования праславян от массы индоевропейских племен примерно II тысячелетием до н.э. В.Георгиев говорит о начале II тысячелетия, а Б.В.Горнунг более определенно о середине II тысячелетия до н.э.¹⁹⁰ и связывает с тшинецкой археологической культурой XV — XII вв. до н.э. Тшинецкая культура среднего бронзового века в настоящее время изучена достаточно хорошо. Область ее распространения обрисована С.С.Березанской так: от Одера до Среднего Поднепровья широкой полосой между Припятью и верховьями Вислы, Днестра и Буга¹⁹¹. В этих рамках тшинецкая культура настолько полно совпадает с общим ареалом пшеворской и зарубинецкой культур, что для ее точного географического определения вполне можно воспользоваться картой этих двух культур, хотя между тшинецкой культурой и зарубинецко-пшеворским комплексом лежит около девяти веков.

Целый ряд исследователей (А.Гардавский, Б.В.Горнунг, В.Гензель, П.Н.Третьяков, А.И.Тереножкин, С.С.Березанская) считает возможным возводить прародину славян или первичное размещение праславян к тшинецкой (или к тшинецко-комаровской) культуре между Одером и Левобережьем Днепра.

¹⁹⁰ Георгиев В.И. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958, с. 224; Горнунг Б.В. Из предыстории образования общеславянского языкового единства. М., 1963, с. 3, 4, 49, 107.

¹⁹¹ Березанская С.С. Средний период бронзового века в Северной Украине. Киев, 1972, рис. 45 и 50 (карты). Возможно, что северо-восточная часть обрисованной автором области находится в более тесном взаимоотношении с сосницкой культурой, идущей на север от Десны и Сейма.

Соседями первичных праславян были племена с другими центрами тяготения, из которых в эти же столетия (а на юге, может быть, и раньше) формировались следующие группы: германцы и кельты — на западе; иллирийцы, фракийцы и, возможно, ираноязычные доскифские племена — на юге; балты — на широком, но пустынном северном пространстве. Наименее определенной была северо-восточная окраина земли праславянских племен, где могли быть неясные для нас индоевропейские племена, не создавшие прочного, ощутимого для нас единства, но оказавшиеся субстратом для тех колонистов, которые медлительно на протяжении тысячелетия расселялись со стороны Днепра.

Представление о тшинецко-комаровской культуре как о праславянской очень удачно, на мой взгляд, примиряет две соперничающие гипотезы «прародины»: висло-одерскую и буго-днепровскую, т.к. и тшинецкая и позднейшая зарубинецко-пшеворская культуры охватывают и висло-одерскую область и примыкающую к ней вплотную бугоднепровскую¹⁹².

Вытянутость праславянской области в широтном направлении на 1300 км (при меридиональной ширине 300–400 км) облегчала соприкосновение с разными группами соседних племен. Западная половина праславянского мира втягивалась в одни исторические связи, восточная — в другие. Особенно это сказалось в конце бронзового и начале железного века, когда западные праславяне были втянуты в орбиту лужицкой культуры, а восточные, спустя некоторое время, — в орбиту скифской. Это еще не создавало обособленных западных и восточных праславян, но как бы предсказывало и обусловливало будущее деление славян в I тысячелетии н.э. на западных и восточных.

Праславянский мир представлял собою как бы эллипс, у которого есть общий períметр, но внутри которого исследователь может обнаружить два самостоятельных фокуса. Как только ослаблялись внешние связи, то четко и ощутимо обнаруживалось единство праславянского мира. Из изложенного выше кратчайшего обзора области расселения славян в разные эпохи видно, что трижды на протяжении двух тысячелетий это единство проявлялось в однородности археологического материала *на одной и той же территории*:

1. После бурной эпохи передвижений индоевропейцев-скотоводов (на рубеже III и II тысячелетий до н.э.) примерно в XV в. до н.э. устанавливается единство тшинецкой культуры. Это наш пятый, самый глубокий хронологический срез.

2. После высокого подъема, пережитого праславянами совместно с племенами лужицкой культуры и скифами и после падения скифской державы, снова в тех же самых географических границах проявляется единство зарубинецко-пшеворской культуры, подкрепленное архаической славянской гидронимикой и свидетельствами древних географов, растягивавших «Скифию» или «Сарматию» до южного берега Балтийского моря включительно. Дата этого единства — II в. до н.э. — II в. н.э.

3. После трех столетий оживленнейших экономических связей с Римской империей (II — IV вв. н.э.) и после падения Рима еще раз обозначается славянское единство. Это культура типа Прага — Корчак VI — VII вв. Великое расселение славян в VI — VIII вв. уничтожило рубежи древнего единства и те общие языковые процессы, которые переживались всеми праславянами сообща.

Двухтысячелетняя устойчивость основной области расселения праславян (разумеется, не абсолютная) позволяет взглянуть и на скифский мир Геродота с позиций слависта: те области его «Скифии», которые приходятся на ареал предшествующей тшинецкой культуры и вместе с тем на ареал последующей зарубинецкой культуры, следует рассматривать как праславянские и подвергнуть их анализу с этой стороны.

Блестящее подтверждение сказанному мы уже видели в полном совпадении ареала архаичной протославянской гидронимики, выявленной О.Н.Трубачевым, с ареалами чернолесской культуры предскифского времени, во-первых, и скифской земледельческой культуры борисфенитов — во-вторых.

¹⁹² Некоторая обособленность комаровской культуры и ее несколько более высокий уровень объясняется, как мне кажется, близостью к карпатским горным проходам, к тем «воротам» («брамам»), через которые племена, жившие севернее гор, общались с южными. Наличие в районе комаровской культуры соляных залежей (Галич, Коломыя, Величка) могло привлекать сюдаprotoфракийцев.

Скифским генеалогическим легендам, записанным Геродотом, посвящена огромная литература. В недавнее время вышли в свет две книги, подводящие итог историографии вопроса за последние десятилетия; это книги А. М.Хазанова и Д.С.Раевского¹⁹³. Их историографические главы избавляют меня от разбора разноречивых мнений (А.Кристенсена, Ж.Дюмезиля, Э.Бенвениста, Б.Н.Гракова и Э.А.Грантовского), которые содержат, на мой взгляд, четыре ошибочных построения:

1. Две легенды, рассказанные Геродотом (одна в §§ 5–7, а другая в §§ 8–10), рассматриваются как «две версии», «два варианта» одного общескифского предания, хотя они принципиально различны.

2. Обе «версии» приурочиваются или ко всей Скифии в целом, или же специально к «пришлой кочевой среде»¹⁹⁴, хотя против *кочевых, непашущих* скифов говорит ритуальное поклонение плугу и ярму¹⁹⁵.

3. Дары небес, перечисленные в одной из легенд, рассматриваются как отражение «сословно-кастовой структуры скифского общества»:

Топор — цари и аристократия

Чаша — сословие жрецов

Плуг и ярмо — скотоводы (?)

Естественнее рассматривать священные золотые дары как воплощение элементарной магической символики: плуг с ярмом — обильный урожай, обеспеченность хлебом, чаша — обеспеченность питьем (может быть, и ритуальным), топор — символ охраны, безопасности.

4. Четвертой ошибкой я считаю давно обозначившееся стремление распределить по указанной «сословно-кастовой» схеме четыре «рода», идущие от царей-первоуродцев:

	Геродот	Дюмезиль	Грантовский
Царь Липоксай	Племя Авхаты	Воины	Жрецы
Царь Арпоксай	Племя Катиары	Скотоводы	Скотоводы и земледельцы
Царь Колаксай	Племя Паралаты	Цари	Цари

Такие схемы вызывают возражения. Во-первых, существование сословно-кастовой структуры у кочевых или у земледельческих скифов ничем не доказано, а во-вторых, очень странно возводить происхождение простых пастухов к царю или сыну царя.

Третьим и наиболее серьезным возражением является то, что Плиний упоминает авхатов не как социальный слой (воинов — по Дюмезилю, жрецов — по Грантовскому), а как племя, имеющее определенное географическое пространство на Гипанисе.

А. М.Хазанов склоняется к признанию того, что в легенде сквозит стремление «обосновать божественное установление присущих Скифии *социальных отношений*»¹⁹⁶, но не порывает полностью и с этническим толкованием «родов» Липоксая и его братьев.

Д.С.Раевский стремится примирить сословно-кастовую гипотезу с этнической, выдвигая новое религиозно-мифологическое толкование, которое, по его мысли, должно дополнять и объяснять все недоумения¹⁹⁷.

¹⁹³ Хазанов А. М. Социальная история скифов. М., 1975; Раевский Д.С. Очерки идеологии скифосакских племен. М., 1977.

¹⁹⁴ Хазанов А. М. Социальная история скифов, с. 53 и др.; Раевский Д.С. Очерки... с. 29 и др.

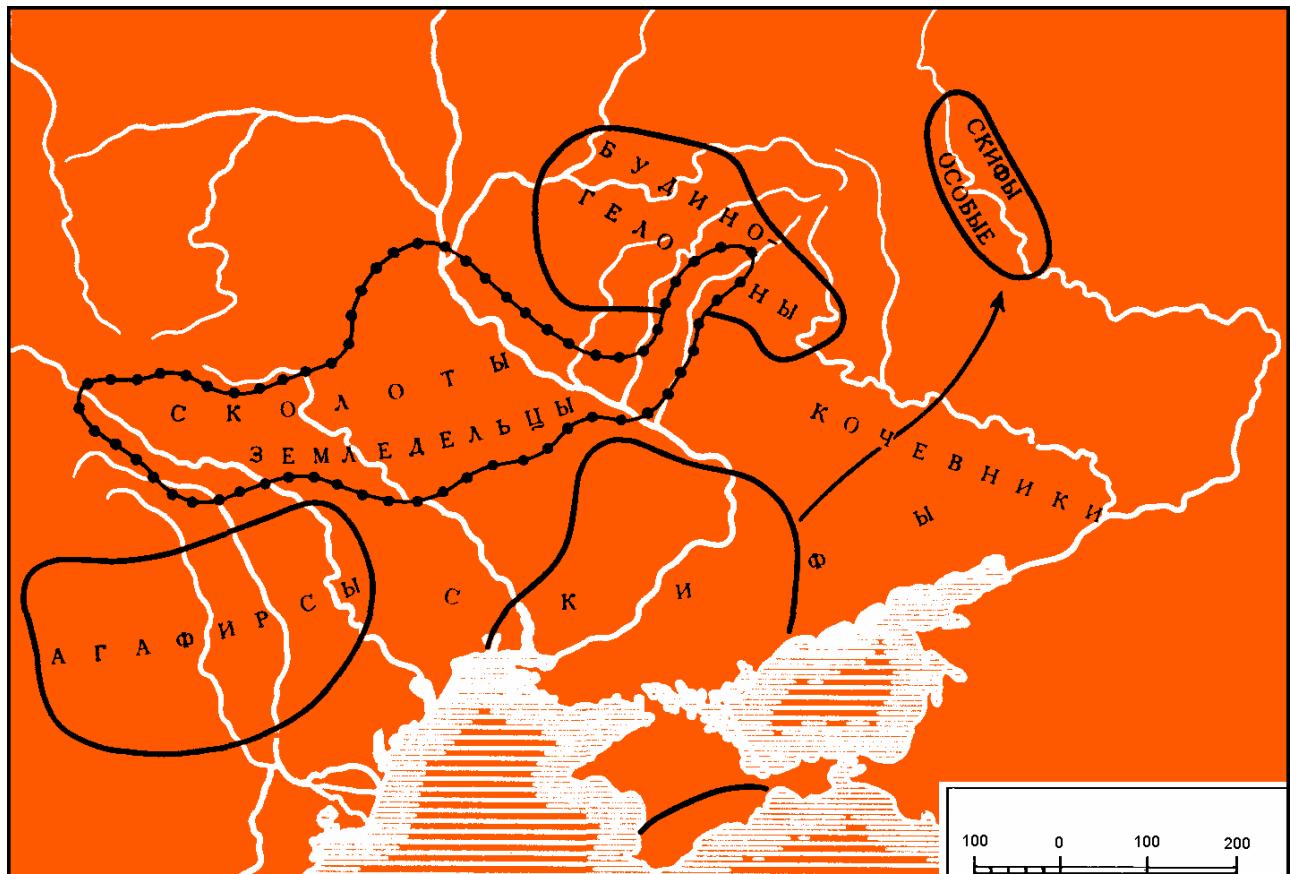
¹⁹⁵ Ссылка на работу Э.А.Грантовского о почитании плуга у иранцев вообще (см.: Раевский Д.С. Очерки..., с. 29) не может убедить в ритуальном значении плуга у скифов, подчеркивающих отсутствие у них пашен и посевов (см. выше).

¹⁹⁶ Хазанов А. М. Социальная история скифов, с. 53.

¹⁹⁷ Раевский Д.С. Очерки..., с. 28, 70–73. «Этнологическим содержанием версий ГИ и ВФ скифской легенды (горизонт IIIб) является обоснование трехчленной сословно-кастовой структуры общества, состоящего из военной аристократии, к которой принадлежат и цари, жрецов и свободных общинников — скотоводов и земледельцев. Эта структура моделирует строение вселенной, каким его мыслит скифская мифология» (там же, с. 71).

Прежде чем входить в рассмотрение социально-космогонической гипотезы (не отрицающая интересных и плодотворных отдельных положений), попытаемся применить простейший географический метод, принципиально отрицаемый нашими авторами: Геродотов географический «скифский квадрат» 4000×4000 стадий рассматривается как «отражение представлений об организованной вселенной»¹⁹⁸; географическо-хозяйственные различия во внимание не принимаются, этническая сторона легенд игнорируется.

Мне кажется, что анализу мифологической сущности легенд должно предшествовать определение их племенной принадлежности. Очень опасным мне представляется приписывание культа пахотных орудий кочевым скотоводам, о которых Геродот настойчиво говорил, что «скифы ведь не землепашцы, а кочевники» (§ 2).

География генеалогических легенд

Рассмотрение легенд я хотел бы начать не в той последовательности, в какой поместили их в своей книге Геродот. Начнем с легенды об Агафирсе, Гелоне и Скифе, рассказанной историку местными греками (так называемая эллинская версия). Сущность ее состоит в следующем: находившаяся в Гилее (очевидно, днепровской) полуземле-полудеве, властительница земель, родила от Геракла троих сыновей: Агафирса, Гелона и Скифа¹⁹⁹. Геракл, покидая полуземлю, завещал ей свой лук и пояс с тем, чтобы она отдала свое царство тому из сыновей, кто сможет натянуть лук и правильно опоясаться. Выполнить завет отца смог только младший сын, Скиф. «Двою сыновей — Агафирс и Гелон — не могли справиться с задачей, и

¹⁹⁸ Раевский Д.С. Очерки..., с. 114, 84. Древнее, идущее из энеолита представление о квадратном пахотном поле автор неправомерно применяет к чисто географическому, подлежащему измерению реальному понятию. Неправомерно и признание Эксампая центром «модели организованного мира» — ведь сторона скифского квадрата равнялась 20 дням пути, а до Эксампая было всего четыре дня (см. там же, с. 84).

¹⁹⁹ Место встречи Геракла с полуземлей было названо Гилеей, но у нас нет полной уверенности, что это именно нижнеднепровское Олешье: «...Геракл в поисках своих коней (спрятанных девой. — Б.Р.) исходил всю страну и, наконец, прибыл в землю по имени Гилея. Там в пещере он нашел некое существо смешанной породы — полудеву-полузмею...» (§ 8).

В низовьях Днепра пещер нет. Пещеры есть в берегах Днестра, где лесная зона спускается на юг ближе к морю. Быть может, в данном случае гилеей названы днестровские леса? У Днестра показывали в скале гигантский отпечаток ступни Геракла (§ 82).

матер изгнала их из страны» (§ 10). Скиф, сын Геракла, стал родоначальником всех скифских царей.

Легендарные события приурочены, очевидно, к «Исконной Скифии», простиравшейся от Дуная до Каркинитиды. Где-то в середине этой полосы у Днестра погибли киммерийские цари. Вполне возможно, что легенда отражает первичное расселение скифских и родственных им племен в VII в. до н.э. после истребления киммерийцев. Одни племена двинулись далее на запад к Карпатам, где покорили изнеженных фракийцев и восприняли многое из их культуры (агафирский союз)²⁰⁰, другие (гелонский союз племен) двинулись на север, в днепровское Левобережье, подчиняя себе как туземное население протобалтского (?) облика, будинов, так и недавно переселившихся сюда с правого берега борисфенитов по Ворскле-Пантике. Собственно скифы остались в Причерноморье и Приазовье. В какое-то время (VI — V вв. до н.э.) часть скифов отделилась от царских и откочевала на Дон.

Генеалогическая легенда отражает вполне вероятное расселение скифоидных племен по Восточной Европе, считая исходной областью южные причерноморские степи, откуда пришельцы-кочевники расходились веером: в прикарпатские пастища, в степное и лесостепное Левобережье Днепра и в далекие земли Среднего Дона. В районах расселения агафиров и гелонов, где были не только степи, но и лесостепь, существовало оседлое туземное население, ставшее субстратом новых этнических образований, что и обособило их от степных скифов.

Д.С.Раевскому принадлежит очень интересная расшифровка сюжетов изображений на скифских царских сосудах: в ряде изображений он справедливо усматривает иллюстрации к упомянутой выше генеалогической легенде. Такие сосуды происходят из Герроса (Гайманова Могила), из области «отделившихся скифов» (воронежские Частые курганы) и с Боспора Киммерийского (Куль-Оба)²⁰¹, как бы очерчивая крайние точки размещения царских скифов.

Совокупность всех многочисленных сюжетов скифского искусства свидетельствует против тезиса Хазанова — Раевского об общескифском символическом значении плуга и упряжки волов — этого сюжета вообще нет ни у скифов, ни у их соседей. Разгаданные же Д.С.Раевским иллюстрации к легенде о Скифе, сыне Геракла, нигде, кроме области царских скифов-кочевников, не встречаются. Нет их ни у гелонов, ни у агафиров, ни у борисфенитов.

Нанесем на карту земли агафиров, гелонов и всех кочевых скифов, включая и алазонов, в земле которых царь Ариант поставил свой знаменитый сосуд-памятник. Мы получим в результате почти полную картину распространения скифских древностей, специфической скифской культуры VI — IV вв. за одним в высшей степени важным исключением: на карте, иллюстрирующей расселение мифических сыновей Геракла, осталась незаполненной земля скифов-борисфенитов в Среднем Поднепровье, главное средоточие земледельцев, экспортёров хлеба в эмпорий борисфенитов, в Ольвию.

В легенде о сыновьях Геракла в качестве главного священного предмета фигурирует лук героя, основное оружие конных стрелков, кочевых скифов. Важная роль лучной стрельбы у скифов подтверждается не только множеством греческих свидетельств о скифах как о прекрасных стрелках-всадниках, но и легендой об Арианте: численность скифов он определил по количеству наконечников стрел. Естественнее всего (как это и делал ряд исследователей) связать легенду об испытании луком с собственно скифами, с *кочевыми* воинами-лучниками. Так же естественно связывать легенду о священном плуге не со всеми скифами вообще, а лишь с теми, которые славились своим земледелием. До тех пор пока «скифов-земледельцев» (георгоев) неправомерно связывали с устьем Днепра и они представляли перед исследователями в каком-то географическом сумбуре, в чересполосице с каллипидами и скифами царскими, до тех пор еще было возможно объединять две легенды в одну и распространять полученное путем такой контаминации искусственное построение на все области скифской культуры, на всех скифов. Теперь же, когда географический анализ источников в полном согласии с археологией привел к четкой демаркации кочевников и земледельцев, такое объединение (разумеется, в случае согласия с результатами анализа) предстает в крайне

²⁰⁰ Vulpe Alexandru. Forschungen über das 7 bis 5 Jh. v. u. Z., s. 12.

²⁰¹ Раевский Д.С. Очерки..., с. 30–39.

невыгодном свете. Будем исходить из того, что легенда о луке Геракла связана с лучниками-кочевниками, а легенда об упавших с неба пахотных орудиях — с пахарями.

* * *

Историческая информация, содержащаяся в легенде о трех братьях, сыновьях Геракла, сравнительно проста: три народа, занимающих пространство от Карпат до Северского Донца, происходят от одного общего корня и родственны скифам. Сомневаться в достоверности этих данных не приходится, т.к. на всем этом пространстве господствуют общие признаки скифской культуры. Гелоны говорят по-скифски, а относительно агафиров не сказано ничего об отличии их языка от скифского.

Историческая информация легенды о небесном плуге значительно интереснее и требует особого разбора.

«По рассказам скифов народ их — моложе всех. А произошел он таким образом. Первым жителем этой, еще необитаемой тогда, страны был человек по имени Таргитай. Родителями этого Таргитая, как говорят скифы, были Зевс и дочь реки Борисфена. Я этому, конечно, не верю, несмотря на их утверждения. Такого рода был Таргитай, а у него было трое сыновей: Липоксай, Арпоксай и самый младший — Колаксай.

В их царствование на Скифскую землю с неба упали золотые предметы: плуг с ярмом, секира и чаша.

Первым увидел эти вещи старший брат; едва он подошел, чтобы поднять их, как золото запыпало. Тогда он отступил, и приблизился второй брат, и опять золото было объято пламенем.

Так жар пылающего золота отогнал обоих братьев, но когда подошел третий, младший брат, пламя погасло, и он отнес золото к себе в дом.

Поэтому старшие братья согласились уступить наимладшему все царство» (§ 5).

Плуг с ярмом поставлен среди священных небесных даров на первое место, что и заставляет связывать данную легенду прежде всего с земледельческой лесостепной зоной Скифии²⁰².

Следующий параграф «Истории» Геродота представляет исключительный исторический интерес и подвергался многочисленным комментариям в своей первой части, но к сожалению, его вторая часть (о сколотах) комментаторами нередко обходилась молчанием. Примечательно, что в книгах А. М.Хазанова и Д.С.Раевского не только не дано то или иное толкование термина «сколоты», но даже само это название *ни разу* не упоминается²⁰³ в обеих книгах. А между тем важность темы «сколоты» не подлежит сомнению:

«Так вот от Липоксая, как говорят произошло скифское племя, называемое авхатами. От среднего Арпоксая — катиары с траспиами, а от наимладшего царя — называемые паралатами. Всем им в совокупности есть имя — сколоты по имени их царя. Скифами же их называли эллины» (§ 6)²⁰⁴.

²⁰² Д.С.Раевский привел очень интересную параллель из кельтского обычного права: у жителей Уэльса младший из сыновей получает в наследство дом с усадьбой, часть земли, *плужный лемех, топор и котел* (Raevskiy D.S. Очерки..., с. 182). Набор предметов действительно очень близок к геродотовской записи, но Д.С.Раевский не обратил внимания на то, что кельтский закон говорит не в пользу теории сословно-кастовой символики (топор — аристократы; чаша — жречество; плуг — простой народ), а против нее: ведь здесь речь идет не о сумме разных символических предметов, а о едином комплексе необходимых вещей, без которых немыслимо ведение крестьянского земледельческого хозяйства. Очевидно, и золотые небесные дары были позднейшей трансформацией *народной земледельческой традиции борисфенитов*.

²⁰³ См. указатели в кн.: Хазанов А. М. Социальная история скифов, с. 331; Раевский Д.С. Очерки..., с. 210. Слово «сколоты» в обоих случаях отсутствует.

²⁰⁴ Последние две фразы даю в переводе А.Ч.Козаржевского, которому приношу благодарность за помощь.

Далее Геродот говорит о том, что скифы считают, что от царя Таргитая до вторжения Дария прошло «круглым счетом никак не больше 1000 лет» (§ 7).

Священное золото цари оберегают и чтут ежегодными обильными жертвоприношениями под открытым небом (§ 7). Еще раз мы можем убедиться в том, что Геродот четко различал собственно скифов и земледельцев-сколотов — их празднества и жертвоприношения он описал раздельно, и там, где описываются божества скифов-кочевников, принесение жертв в безлесной степи, там не упоминается почитание золотого плуга и ярма, а говорится о поклонении мечу и заклании пленников (§ 62).

Знаток скифского языка В.И.Абаев по поводу земледельческих орудий пишет: «Такие термины, как названия ярма и некоторых его частей, борона, колеса, серпа, овса, урожая, ступы несомненно ведут к европейским языкам и *чужды остальному иранскому миру*²⁰⁵.

Дальнейшая судьба страны почитателей плуга и ярма такова:

«Т.к. страна была обширна, то Колаксай разделил ее для сыновей на три царства, причем в одном из них, обширнейшем, и сохраняется золото» (§ 7).

Страна почитателей пахотной упряжки земледельцев-сколотов находится не в южной степи, севернее которой живут пахари. Она находится на северном пределе досягаемости, на рубеже заснеженных пространств.

«Говорят также, что в странах, лежащих выше, к северу от верхних обитателей этой страны, нельзя ни смотреть вдаль, ни пройти из-за летающих перьев...» (§ 7).

Единственная область в Восточной Европе внутри скифского квадрата, которую можно отождествить со страной почитателей плуга, страной, управляемой потомками Таргитая и Колаксая, это — область земледельческих скифских племен Среднего Поднепровья. Следуя эллинской традиции называть жителей этой страны скифами (что, очевидно, подкреплялось вхождением ее в скифскую федерацию), Геродот и пишет о них как о скифах, но всегда добавляет поясняющий эпитет: «скифы-пахари» (т.е. «ненастоящие скифы», живущие некочевым бытом), «скифы-земледельцы».

В ряде случаев Геродот заменяет этническое или хозяйственное искусственное наименование географическим: «борисфениты» — «днепряне».

По счастью он нашел нужным все же дать окончательное разъяснение, перечислив земли потомков Таргитая и сказав, что всем им в совокупности имя *сколоты*, а скифами (очевидно, по аналогии с окружавшими греков действительными скифами) их назвали греки-колонисты.

Итак, мы получили право именовать днепровско-днестровский массив земледельческих культур скифского времени и скифского облика его самоназвианием — сколотами. Южная граница сколотов — степь с ее собственно скифским кочевым населением; восточные соседи — геноны, вероятно, включившие в свой союз сколотских поселенцев на Ворске²⁰⁶. Неясными для нас остаются северная и западная границы распространения собирательного имени «сколоты». Наиболее вероятно, что объединение трех или четырех племен под общим именем, происходившее за несколько веков до похода Дария, отвечает единству чернолесской культуры X — VIII вв. до н.э., в которой можно усмотреть четыре локальные группы: тясминскую (с наибольшим количеством крепостей), киевскую, подольскую и ворсклинскую (наиболее позднюю).

К сожалению, у нас нет данных для точного географического приурочения всех сколотских племен. Только авхаты упомянуты Плинием:

²⁰⁵ Абаев В.И. О некоторых лингвистических аспектах скифо-сарматской проблемы. — В кн.: Проблемы скифской археологии. М., 1971, с. 13.

²⁰⁶ Пограничные поселения сколотов на Ворске, быть может, объясняют имя этой реки: в русских летописях река называется Воръсколь. Слово «воръ» означало забор, бревенчатое укрепление, ограду. «Воръсколь» могло означать «пограничное укрепление сколотов».

«Внутрь материка живут *авхеты*, во владениях которых берет начало Гипанис, *невры*, от которых вытекает Борисфен...»²⁰⁷

Исходя из этого с авхатами мы должны сопоставлять для киммерийского времени подольскую группу чернолесских памятников, а для скифского — восточноподольскую группу памятников скифской культуры, которая действительно соприкасается с юго-западным краем земли невров. Гипанис в его новом понимании действительно берет начало в этих местах, посещенных Геродотом.

Слово «паралаты» иранисты переводят как «предустановленные» («paradāta»), «иско-ни назначенные»²⁰⁸. Поэтому областью «исконно-назначенных» паралатов следует считать наиболее богатый и наиболее укрепленный район как чернолесской, так и скифской культуры — район южнее Роси по Тясмину с большим количеством археологических памятников обеих эпох.

Хранилось ли священное золото сколотов в этом укрепленном, но и наиболее близком к степным наездникам районе, сказать трудно. Возможно, что для хранения общеплеменных реликвий был избран более северный, более безопасный, удаленный от наездов район за Росью, вдоль гористого берега Днепра. Чернолесские памятники здесь есть у Киева, в Подгорцах, у Канева и в других местах. В позднейшее время городище у устья Роси поблизости от Большого Скифского городища было центром культа бога плодородия — Рода.

Для скифского времени подходящим местом для укрытия реликвий могли быть в этих же местах такие огромные городища, как Трахтемировское в днепровской излучине или Большое Скифское городище близ Канева. Впрочем, все это настолько гадательно, что не заслуживает обсуждения; мне хотелось лишь показать, что в северной, киевской части чернолесско-скифских памятников X — IV вв. до н.э. могло найтись много точек, пригодных для укрытия ритуального золота.

Отношение сколотов к праславянам таково: сколоты-земледельцы Среднего Поднепровья занимали восточную оконечность обширного праславянского мира, соприкасаясь здесь со степняками-киммерийцами, а позднее со степняками-скифами. Наличие наиболее архаичной славянской гидронимики, выявленное, как уже неоднократно говорилось, О.Н.Трубачевым именно для этой территории, подтверждает праславянский характер населения страны почитателей плуга — сколотов.

* * *

В связи с определением того места, которое занимали праславяне в Скифии Геродота, нам следует произвести сопоставление, которое, на первый взгляд, может показаться далеким от научной строгости.

Обратившись к Геродоту после целой серии работ, посвященных исторической географии восточных славян IX — XII вв. н.э., я не мог не заметить, что между определенной частью древнерусских племен и земледельческими племенами Скифии обнаруживается некая географическая схожесть. Попробуем наложить разработанную выше карту сколотских земледельческих племен геродотовского времени на общую карту славянских племен, перечисленных летописцем Нестором, автором XII в. Хронологический диапазон между двумя историками — более полутора тысяч лет, и тем не менее совершенно четко выступает определенное совпадение: там, где в геродотовское время размещались земледельцы-сколоты, в несторово время размещаются племена (точнее, союзы племен), имена которых кончаются на «-ане», «-яне»; все же остальное пространство, занятое славянами в позднейшее время (начиная с первых веков н.э.), содержит племена с именами на «-ичи», «-ици». Есть четыре исключения из этой системы, требующие особого разбора.

Прежде чем углубляться в анализ исключений, рассмотрим вопрос более широко, в рамках всего праславянского мира. В качестве основы возьмем всю ту устойчивую территорию, которая уже трижды, на трех хронологических срезах, обнаруживала одинаковость своих основных очертаний, ту, которую с известным правом мы уже неоднократно называли прародиной праславянских племен.

²⁰⁷ Плиний старший, кн. IV, § 82. — ВДИ, 1949, №2, с. 282–283.

²⁰⁸ Абаев В.И. Скифский язык, с. 175.

Славянские племена (по Нестору), размещенные в зоне геродотовских сколотов-земледельцев	Славянские племена (по Нестору), расселившиеся за пределы Земледельческой Скифии	Славянские племена (по Нестору), не укладывающиеся в эту классификацию
Поляне	Дреговичи	Север
Древляне	Кривичи	Хорваты
Волыняне	Радимичи	Дулебы
Бужане	Вятичи	Словене
	Уличи	
	Тиверцы	

Восточную половину ее мы только что рассмотрели. В западной половине наблюдается точно такое же членение по принципу «-ане», «-яне» («стодоряне», «лужичане», «укра-не», «мильчане» и т.п.) и «-ичи», «-ици» («ободричи», «шкудичи» и т.п.); ко второй же группе отнесем другие образования типа «варны», «плони» и т.п.

На всей территории прародины бытовали *только наименования первой, архаичной группы*. Область их распространения даже несколько шире тшинецкого и пшеворского ареалов: на западе сплошная зона племен типа «стодоряне» доходит местами почти до Эльбы, а на юге спускается по р. Мораве почти до Дуная. В этом виде замкнутая компактная область архаичных племенных названий ближе всего подходит к ареалу пражской керамики VI в. н.э.²⁰⁹ Обширный племенной союз мораван являлся самым южным выступом архаичной терминологии за пределы древней прародины. Продвижение на юг именно в этом районе облегчалось горным проходом между Судетами и Карпатами («Моравска Брама»), где сближались верховья Одера с верховьями притоков Моравы. Очевидно, это обстоятельство облегчило движение праславян на юг, и здесь появились первые выселенцы из земли венедов. Может быть, это и объясняет загадочную фразу летописца Нестора: «...в Моравы бо доходил апостол Павел и учит ту. Ту бо есть Илирик, его же доходил апостол Павел: *ту бо беша словене первое...*»

Обычно эта фраза понимается как указание на прародину славян в Иллирии или Паннонии, но археология и наблюдения над типами племенных наименований позволяют понимать ее как свидетельство *первичного движения* славян (сло-вен) из общей прародины вовне. Керамика пражского типа VI в. просачивается узкой струей именно от Моравы в Иллирик, к Адриатическому морю. «Ту бо беша словене первое» я перевел бы так: «Здесь, в Иллирике, появились первые выселенцы из земли венедов».

За пределами этого ареала, на левом берегу Эльбы и в Мекленбурге, встречаются как наименования старого типа (например, «глиняне»), так чересполосно с ними и новообразования типа «нелетичи».

Процесс расселения южнославянских племен отражен в источниках с большими пробелами: все огромное пространство на север от Дуная до Карпат включительно источниками не освещено, и размещение там славянских племен VI — IX вв. нам известно только по безымянным археологическим данным. Южнее Дуная, на Балканском полуострове, наблюдается точно такая же картина, как и на западе: чересполосно встречаются как «струмяне», так и «драговити», «верзиты», «ободриты» и т.п.

Корреляция между археологической прародиной и устойчивой традицией называть союзы племен именами на «-ане» или «-яне» полная. Судя по тому, что зона *сплошного* наименования типа «стодоряне» заходит за Одер и верховья Эльбы («зличане»), ее полнее всего можно сопоставить с нашим вторым хронологическим срезом на VI в. н.э., когда ареал керамики пражского типа, покрыв всю территорию «прародины» на третий и пятый срезы, несколько расширился по сравнению с «прародиной», как бы предвозвещая начало великого расселения славян. Лингвисты считают, что общие процессы в славянских языках происходили вплоть до VI в. н.э., до начала великого расселения. Единство способа образования имен племенных организмов (союзов племен и отдельных малых племен) сохранялось на всей территории прародины до VI в. н.э. После этого выселенцы из древней исконной земли венедов-венетов стали применять три разных формы племенных имен: одни образовывали имя своего племенного союза с суффиксом «-ичи» («радимичи», «кривичи», «гломачи»),

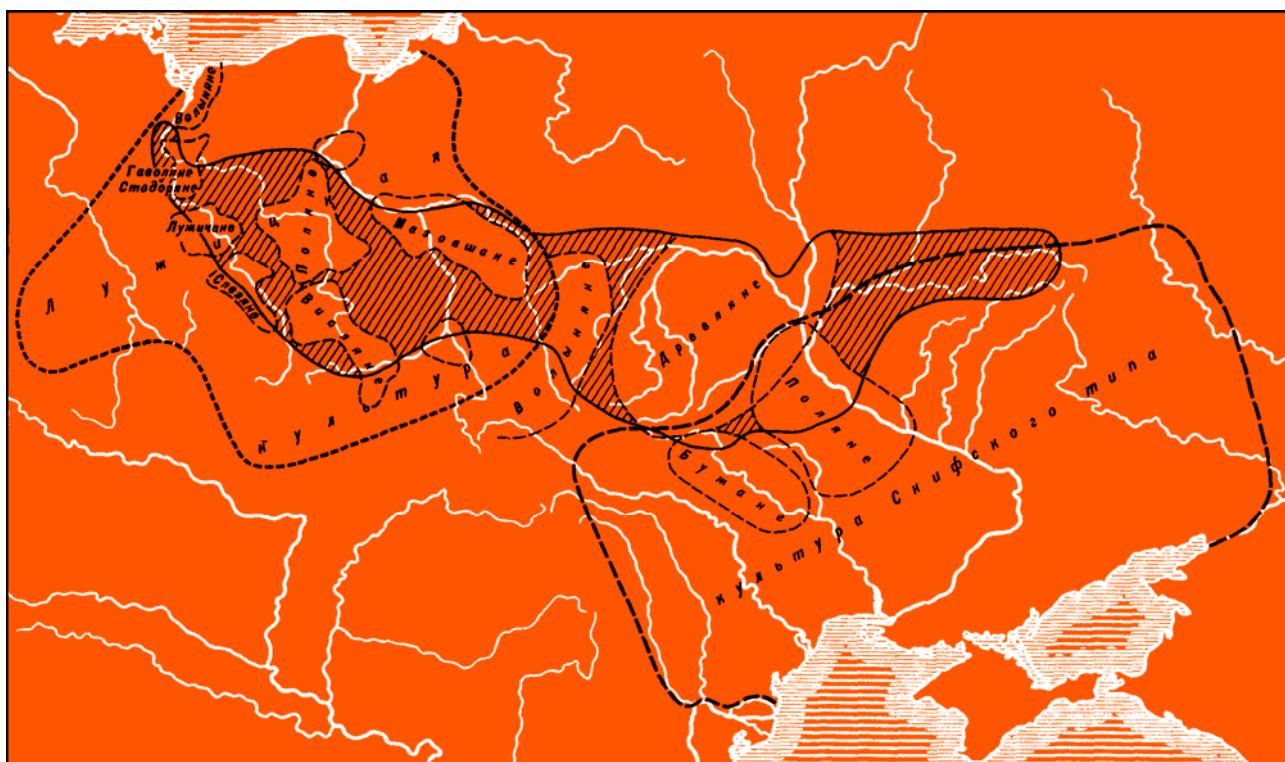
²⁰⁹ См.: Русанова И.П. Славянские древности VI — VII вв., с. 75 (карты).

другие, на пограничье с иноязычными народами, на краю области расселения, указывали свою связь с исконной землей венетов, принимая имя «сло-вене» в его разных вариантах («словене» на Ильмене, «словинцы» у Балтийского моря западнее Вислы, «словинцы» на Среднем Дунае, «словенцы» в Адриатике, «словаки» и др.).

Третьей формой наименования небольших племен на новых местах является традиционная (на «-ане», «-яне»), образованная иной раз из местных субстратных элементов. Так, например, адриатические «конавляне» произошли от латинского обозначения «canale»; а «дукляне» от латинского же местного названия «dioclitia»²¹⁰.

Большие племенные союзы на новых местах именовались уже по новой системе: «лютичи», «бодричи».

Итак, можно считать установленным, что до определенного момента, до начала великого расселения славян в VI в. н.э., на всей старой праславянской земле существовал единый закон образования имен племенных союзов по типу «поляне», «мазовшане». В процессе расслоения появилась совершенно новая, патронимическая форма типа «кривичи», которая встречена во всех вновь колонизованных областях: и на Эльбе, и на Балканах, и в Средней России; старая форма на новых землях встречается, но новая на старых — никогда²¹¹.

Союзы славянских племен по Нестору и археологические локальные группы эпохи Геродота

* * *

Судя по соответствию ареала праславянских племенных названий ареалу пражской керамики VI в. в. э., мы можем полагать, что традиционный способ образования этих названий дожил до самого последнего хронологического предела общеславянского единства. Но когда он родился? Когда начали складываться более или менее прочные территориальные союзы племен?

Вернемся к нашему четвертому (скифскому) хронологическому срезу. В восточной половине, уже хорошо знакомой нам по Геродоту, обнаруживаются локальные группы скифской археологической культуры, которые могут рассматриваться каждая в отдельности как культурное единство устойчивых племенных союзов. Точно такие же локальные археологи-

²¹⁰ Niederle L. Slovanské Starožitnosti, d. II, sv. 2. Praha, 1902, s. 397.

²¹¹ Исключения из этого правила («север», «хорваты», «дулебы» и некоторые др.) объясняются, очевидно, наличием неславянского субстратного элемента, передавшего свое имя славянам-ассимиляторам.

ческие группы лужицкой культуры обнаружим мы для этого времени в западной половине праславянского мира²¹².

Нестор начинает историю славянства с размещения славян в Европе задолго до великого расселения, т.к. о движении славян в VI — VII вв. н.э. на Дунай и Балканы он пишет: «...по мнозех же временах сели суть словене по Дунаеви...» Нестор ощущает связь времен, и южные степи вообще он называет Скифией, область тиверцев (тиритов?) и уличей (ализонов?) между Дунаем и Днепром «оли до моря» он правильно, по Геродоту, называет Великой Скифией («да то ся зваху от грек „Великая Скифъ“»).

Из древних племенных союзов, отстоящих от великого расселения на «мнози времена», Нестор называет поморян, мазовшан, ляхов (полян), полян киевских, древлян, бужан, волынян. Каждому из этих племенных названий соответствует и в скифской половине, и в лужицкой определенная археологическая группа. На западе археологических культурных групп больше, чем попало в несторов список племен. Поэтому мы можем воспользоваться другими, более подробными средневековыми перечнями племен, размещение которых достаточно хорошо известно. Мы получим следующие соответствия (с запада на восток) с культурами V — IV вв. до н.э.²¹³:

Волыняне (балтийские, считавшиеся у восточных авторов IX — X вв. н.э. главным славянским племенем)

* Поморяне

Украине (?)

* Лужичане (у Нестора — сербы)

Слезяне

Поляне (ляхи)

Висляне

* Мазовшане

* Волыняне (у Западного Буга)

* Древляне

* Бужане

* Поляне

- западнопоморская археологическая группа лужицкой культуры.
- восточнопоморская культура.
- гужицкая группа (луж.).
- бяновицкая группа.
- среднесилезская группа (луж.).
- восточновеликопольская группа (луж.).
- верхнесилезско-малопольская группа (луж.).
- мазовецко-подлясская группа (луж.)²¹⁴.
- поздневысоцкая культура²¹⁵.
- волынская группа скифской культуры.
- подольские группы скифской культуры.
- киевская группа и ворсклинская группа скифской культуры²¹⁶.

Большие и устойчивые союзы славянских племен, пережиточные признаки которых ощущаются в средневековых археологических материалах, мыслились Нестором как самая древняя политическая форма славянского быта в отдаленные времена первичного размещения славян в Европе. Мы не можем, разумеется, полностью полагаться на хронологические расчеты и предположения средневекового историка, но мы должны считаться с тем, что эти союзы племен поставлены Нестором как первые камни фундамента общеславянской истории задолго до начала великого расселения в VI в. н.э.

География археологических культур скифо-лужицкой эпохи, времени бурного расцвета праславянской жизни и времени оборонительных действий против кельтов на западе и скифов на востоке, дает нам весьма убедительные контуры больших и могущественных пле-

²¹² Kostrzewski J., Chmielewski W., Jaźdżewski K. Pradzieje Polski. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1965, s. 220, карта. Карта повторена в обобщенном виде Ю.В.Кухаренко в книге «Археология Польши» (М., 1969, с. 96). Лужицкая культура XII — IV вв. до н.э. охватила всю западную половину праславян (на запад от Западного Буга) и целый ряд окрестных племен.

²¹³ Звездочкой отмечены племена, упомянутые Нестором.

²¹⁴ На археологической карте этой эпохи остались безымянными только две очень небольшие группы: одна в изгибе Вислы, где мы не знаем по письменным источникам племен, и другая по Сану (может быть, лендзяне?).

²¹⁵ См.: Археология Украины, т. II, карта 2.

²¹⁶ Из номенклатуры Нестора трудно приурочить какое-либо племенное имя к племенам милоградской культуры. Скорее всего, что из расселявшихся в северо-восточном направлении милоградцев впоследствии образовались радимичи (и вятичи?), о которых Нестор помнил, что они пришли «от ляхов».

менных союзов именно в тех самых местах, где жили потом летописные поляне, мазовшане, древляне. Следует ли это считать случайным совпадением?

* * *

До сих пор мы шли ретроспективным путем, углубляясь от известного к неизвестному. В последовательном же развитии мы получим следующую картину исторических судеб славянства.

1. В середине II тысячелетия до н.э., в расцвет бронзового века, когда затихло широкое расселение индоевропейских пастухов скотоводов, севернее европейского горного барьера обозначилась большая группа скотоводческо-земледельческих племен, обнаружившая значительное единство (или одинаковость) на пространстве от Одера до Днепра и даже далее на северо-восток (тшинецко-комаровская культура).

Протяженность земли праславян с запада на восток — около 1300 км, а с севера на юг — 300–400 км.

Именно к этому времени лингвисты относят обособление, вычленение праславян.

2. К концу бронзового века, к IX — VIII вв. до н.э., западная половина обширного праславянского мира оказалась втянутой в сферу лужицкой (кельтской?) культуры, а восточная половина соприкасались с киммерийцами (иранцами?), противоборствуя с ними, но воспринимая некоторые элементы их культуры.

К этому времени относится удивительное совпадение конфигурации двух ареалов: во-первых, чернолесской культуры X — VIII вв. до н.э., а во-вторых, наиболее архаичной гидронимики, что не оставляет сомнений в праславянском характере чернолесской культуры Среднего Поднепровья.

Вероятнее всего, что праславяне чернолесского времени, вынужденные отражать нападки кочевых киммерийцев, не только научились ковать железное оружие и строить могучие крепости на южной границе, но и создали союз нескольких племен между Днепром и Бугом, получивший название «сколотов». Название это дожило до середины V в., когда Геродот зафиксировал его как самоназвание ряда земледельческих племен лесостепного Поднепровья. Союз сколотов мог не охватывать всех праславянских племен восточной половины славянства.

3. Смена киммерийцев скифами в VII в. до н.э. привела, очевидно, к тому, что сколотский племенной союз вошел в обширную федерацию, условно называвшуюся Скифией. Однако праславяне-сколоты, надо полагать, сохраняли определенную автономию: южная система крепостей, защищавших от кочевников, подновилась, были воздвигнуты и новые крепости. Праславяне-днепряне (борисфениты) имели свой особый морской порт, носивший их имя (милетская Ольвия), путь к которому лежал в стороне от земли царских скіфов. И в то же время не подлежит сомнению сильное сращивание праславянской культуры со скіфской, восприятие славянской знатью всех основных элементов скіфской всаднической культуры (оружие, сбруя, звериный стиль) и в какой-то мере, может быть, даже языка. В.И.Абаевым отмечен целый ряд скіфских элементов в славянском, В.Георгиев, производя периодизацию по форме названия верховного божества («Дайвас — Deus» — «Бог» — «Господь»), устанавливает, что именно в скіфское время произошла значительная иранизация праславянского языка и взамен индоевропейского Daiwas (Див) утвердилось у славян иранское обозначение Бог, Boh²¹⁷.

Геродот не говорит об отличии сколотского языка от скіфского, но предостерегает от путаницы, замечая, что скіфами их, сколотов, назвали греки. Это могло быть результатом вполне естественного в тех условиях сходства одежды и вооружения, а также и двуязычия борисфенитского купечества и знати, постоянно общавшихся со скіфами. Резкое обособление Геродотом собственно скіфов (не знающих пашен, не сеющих хлеба, владеющих только стадами в безлесной степи, кочующих в повозках) от тех племен, для которых главнейшим священным предметом был золотой плуг, упавший с неба (сколотов, ошибочно называемых скіфами), не дает нам права распространять данные о земледельцах нескіфах на скіфские

---

²¹⁷ Георгиев В. Трите срази..., с. 472–473.

кочевые племена даже в том случае, если имена земледельческих царей имеют ираноязычный облик.

Западная половина праславянского мира в это время по-прежнему находилась в составе обширной лужицкой общности, что обусловило различие в археологическом облике восточной и западной половин, но нисколько не противоречит существованию этнического единства и одинаковости языковых процессов, на которой настаивают лингвисты. До сих пор остаются в силе (хотя часто и забываются) слова Любора Нидерле, сказанные им после того, как он очертил общую прародину: «Население Повисленья было всегда под влиянием иных культур, чем население Поднепровья, а культура западных славян была всегда отлична от культуры славян восточных»²¹⁸.

Несмотря на внешние различия лужицкой и скифской половин славянства, общность исторического процесса явно ощущается в том, что в эту эпоху подъема формировались обширные территориальные союзы племен, находившиеся, судя по археологическим данным, точно в тех самых местах, где их указывают (иногда ретроспективно, как, например, Нестор) позднейшие письменные источники. Форма образования имен этих союзов («поляне», «мазовшане») очерчивает единую обширную область, полностью покрывающую и лужицкую и скифскую половины праславянского мира VI — V вв. до н.э.

4. Исчезновение лужицкой культуры и падение Скифии как большой федеративной державы привело к устраниению тех двух внешних сил, которые вносили различия в разные половины праславянского мира. Понизился общий уровень. На несколько столетий устанавливается известное единство двух археологических культур (зарубинецкой и пшеворской), хотя внешние связи снова появляются: на западе растет воздействие германских племен, а на востоке — сарматских.

5. Новый подъем и существенные изменения в культуре происходят во II — IV вв. н.э., когда Римская империя в результате завоеваний Траяна в Дакии и Причерноморье стала почти непосредственной соседкой славян и своим ненасытным импортом хлеба оказала благотворное воздействие на лесостепную часть славянских племен (черняховская культура). Облик восточной и западной половин славянства снова стал разниться, но, кроме того римский экспорт разных изделий сильно нивелировал культуру славянских и германских (готы) племен, что нередко запутывает исследователей.

6. Падение Римской империи в V в. н.э., прекращение благоприятных «трояновых веков», смена в степях иранских кочевников тюрками — все это привело к новому падению культуры и к новому (на этот раз последнему) воскрешению общеславянского единства, выразившемуся в широком распространении в старых тшинецко-пшеворо-зарубинецких рамках последней общеславянской культуры пражского типа. Далее последовало великое расселение славян, распадение славянского единства и создание больших феодальных государств, ставших новыми центрами притяжения и консолидации.

* * *

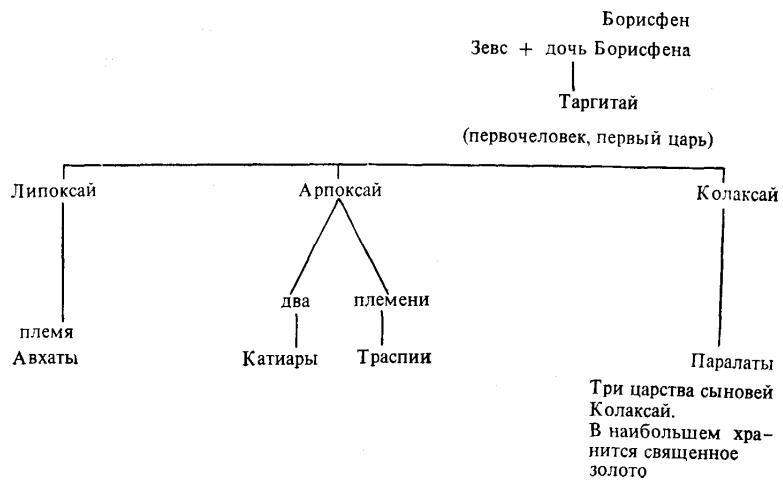
Рассмотрев все аргументы в пользу отнесения северо-западной земледельческой части Скифии к праславянам, обратимся к части записей Геродота о местных преданиях племен, почитающих плуг с ярмом священным даром небес и главной святыней всего народа.

Записи Геродота мы можем сопоставить с некоторыми ценными отрывками других авторов (Алкман, Валерий Флакк, Диодор Сицилийский), что уже делалось исследователями неоднократно, с «археологической историей» Среднего Поднепровья и с украинским и русским фольклором, дающим интереснейшие параллели свидетельствам древних авторов.

Рассказ Геродота о происхождении четырех сколотских племен представляет собой запись местного среднеднепровского эпического сказания с элементами мифа о перво человеке. Среднеднепровское, борисфенитское происхождение сказания твердо определяется двумя признаками: почитанием земледельческих орудий и происхождением первого человека от дочери Днепра; сочетание этих признаков исключает скифскую кочевую, беспашенную среду и переносит место действия сказания выше по Днепру, в земледельческую лесостепь Среднего Поднепровья, так хорошо знакомую нам по обильным археологическим материалам X — IV вв. до н.э.

²¹⁸ Нидерле Л. Славянские древности, с. 33.

Генеалогическая схема сколотских племен выглядит так:

Хронология сообщена Геродоту эпическая: от первого царя Таргитая до похода Дария прошло круглым счетом никак не больше тысячи лет (§ 7). Для нас это должно означать несколько веков, т.к. Алкман, поэт VII в. до н.э., уже упоминает быстроногого коня Колаксая²¹⁹, а это означает, что имя Колаксай к этому времени уже стало эпическим. Римский поэт, современник Плиния Валерий Флакк, повествуя об аргонавтах, перечисляет вождей бесчисленных племен Скифии (рисуемой им крайне неопределенно) и на втором месте в длинном перечне полководцев упоминает Колакса, сына Юпитера и Оры, гербом которого были три молнии. Несколько загадочна фраза: «Колакс собрал воздушных драконов, отличие матери Оры и с обеих сторон противопоставленные змеи сближаются языками и наносят раны точечному камню». Возможно, что речь идет об изображении днепровской змееногой богини на знаменах (?). Вслед за Колаксом упомянут престарелый Авх, владелец «киммерийских богатств». Воины-авхаты славятся уменьем владеть арканом²²⁰.

Опереться на поэму Флакка как на исторический источник нельзя, т.к. в ней фантастически перепутана география и хронология многочисленных племен. Можно извлечь из нее лишь то, что фрагменты скифского эпоса дожили (может быть, только в письменности) до римского времени, когда скифских героев возводили к эпохе аргонавтов. Создается впечатление, что Валерий Флакк слил воедино детали двух генеалогических легенд Геродота, сохранив и опоэтизировав некоторые интересные детали: Авх, потомок *старшего* сына, представлен здесь стариком; авхеты, живущие по Гипанису, где, по Геродоту, водились дикие кони, отлично владеют арканом. Все это Флакк мог почерпнуть как у Геродота, так и у многочисленных компиляторов.

Миф о падении с неба земледельческих орудий, секиры и чаши мы можем в самых общих чертах датировать временем появления в Среднем Поднепровье, во-первых, пашенного земледелия, а во-вторых, временем выделения дружин, вооруженных топорами. Появление пашенного земледелия в Среднем Поднепровье следует относить, по всей вероятности, к рубежу бронзового и железного веков — к началу I тысячелетия до н.э.

Мифологические и эпические концепции создаются у всех народов в определенные узловые моменты их истории, когда в реальной жизни происходят или внутренние сдвиги (рождение новых хозяйственных форм, возникновение новой социальной организации), или же резкое соприкосновение с внешним миром (войны с соседями, вторжение врагов и т.п.).

Для праславян-сколотов такой бурной эпохой внутренних и внешних новаций было время перехода от бронзового века к железному, время чернолесской культуры. Появление нового металла, железа, залежи которого в изобилии имелись в болотах и озерах славянщины (болотная руда), повышение роли земледелия и появление рала происходило одновременно с наездами южных кочевников-киммерийцев, против которых сколоты-чернолесцы построили свои первые крепости по южной окраине своей земли. Сколоты отстояли свою независимость; новое железное оружие и могучие крепости в полтора километра в поперечнике позволили им устоять в борьбе со степняками, нападавшими со стороны моря.

²¹⁹ Латышев В.В. Известия... — ВДИ, 1947, №1, с. 297.

²²⁰ Латышев В.В. Известия... — ВДИ, 1949, №2, с. 344–345, 348.

Весь этот комплекс реальных событий, резко видоизменивших прежний медлительный быт праславянских племен, получил отражение в первобытных мифолого-эпических сказаниях, фрагменты которых дожили до ХХ в. и были зафиксированы фольклористами. Часть этих древних праславянских представлений отразилась в сказках; к ним время от времени привлекалось внимание исследователей, часть же фрагментов уцелела без определенной фольклорной формы, только лишь в виде пересказа древних легенд, и эта полузабытая часть древнего творчества осталась по существу на положении этнографического архива, несмотря на две интереснейшие публикации В.В.Гиппиуса и В.П.Петрова²²¹.

Героем этих легенд является волшебный кузнец Кузьмодемьян (или два кузнеца — Кузьма и Демьян). Иногда он выглядит как первый человек («він був перший чоловік у бога, як світ очинявся»)²²². В других материалах Кузьма и Демьян выглядят первыми пахарями: «гадають, що К. и Д. були пахарі адамовскі», «перші на землі були орачії», «видумали перше рало»²²³. Волшебные кузнецы ковали плуг 40 лет и весил этот чудесный первый плуг 300 пудов²²⁴. Кузнец-богатырь действует в то эпическое время, когда народ страдал от змея, прилетавшего всегда со стороны моря (т.е. с юга); иногда змей даже называется «черноморским». Кузнецы строят крепкую, не доступную змею кузницу, куда устремляются беглецы, спасающиеся от свирепого чудовища. В кузницу бегут девушки, царская дочь и даже богатырь верхом на коне. Иногда это тот богатырь, который уже бился со змеем где-то на иных просторах. Кузница всегда защищена железной дверью. Разъяренному погоней змею всегда предлагается пролизать дырку в двери и всунуть в кузню свой язык, что змей всегда и делает, т.к. ему обещают посадить на язык его жертву. Но здесь выступает самый устойчивый элемент преданий: волшебный кузнец (или кузнецы) хватает змeya за язык *раскаленными клащами*, запрягает чудище в огромный плуг и пропахивает на нем борозды или до Днепра, или до самого моря. И здесь, у Днепра или на морском берегу, змей, выпив полморя, лопается и издается.

Иногда захваченного кузнечными клащами змeya заставляют опахивать город: «Дем'ян став за плугом, а Кузьма веде за язик і орутъ тею змію, оборууть [опахивают] Київ. І такі великі скиби повернули — завбільшки як церква... трохи не доорали, бо змія втомилася»²²⁵.

Следом победы над змеем считают знаменитые «змеевы валы» на Украине, восходящие к скифским временам.

Особый интерес представляет география записей о Кузьме-Демьяне: Киевщина, Полтавщина, Черкасщина, Прилуки, Золотоноша, Звенигород, Златополь, Белая Церковь. Нетрудно заметить, что легенды о Кузьме-Демьяне (иногда их заменяют Борис и Глеб) географически замыкаются в древнем районе чернолесской культуры, в ареале архаичной славянской гидронимики, в земле геродотовских земледельцев-сколотов.

Однако Геродот подобных легенд не знал. Стадиально легенды о волшебных кузнецах, творцах первого плуга и защитниках людей от черноморского змея, относятся ко времени значительно более отдаленному, чем время путешествий историка. Исходя из появления первых железных кузнечных изделий и постройки первых мощных укреплений, легенды о кузнецах, приуроченные в средние века к Кузьме и Демьяну, следует возводить к началу I тысячелетия до н.э.

То, что в фольклорных записях восходит к первобытному *героическому* эпосу, эпосу борьбы и победы, Геродоту рассказывали в форме более обобщенной генеалогической легенды, и единственная точка соприкосновения — появление плуга — связана с волшебными ковалями. Впрочем, само появление первого плуга в украинских легендах о Кузьме и Демьяне совершенно не обрисовано, т.к. основная их задача — рассказ о том, как кузнецы защитили людей, уже пашущих землю, от злого змея. Первый плуг — лишь побочная черта в характеристике волшебных кузнецов-победителей, действующих на земле, но связанных и с небом

²²¹ Гіппіус Василь. Коваль Кузьма-Дем'ян у фольклорі — Етнографічний Вісник, т. VIII. Київ, 1929, с. 3–54; Петров Віктор. Кузьма-Дем'ян в українському фольклорі. — Там же, кн. IX, 1930, с. 197–238.

²²² Петров Віктор. Кузьма-Дем'ян..., с. 231.

²²³ Там же.

²²⁴ Петров Віктор. Кузьма-Дем'ян..., с. 202.

²²⁵ Там же, с. 203.

(«божьи ковали», святые). Ко времени Геродота эта, так сказать, предыстория первого плуга была уже заслонена другим, более близким для информаторов Геродота сюжетом: состязание между царевичами-братьями и определение племени-гегемона.

Имена мифических царей толкуются из иранских языков следующим образом:

Таргитай	—	«Долгомощный»;
Липоксай	—	«Гора-царь»;
Арпоксай	—	«Владыка глубин»;
Колаксай	—	«Солнце-царь» ²²⁶ .

Младший сын Таргитая, победитель в состязании за обладание золотыми общенародными реликвиями, устроитель царства «паралатов» (считают, что правильнее «парадотов»), т.е. «правящих», и главная фигура записанного Геродотом сказания оказывается *царем-Солнцем*. Здесь нельзя не вспомнить запись в русской летописи XII в. о царе-Солнце. Летописец побывал в 1114 г. в Ладоге, обнаружил на берегу древние бусы, набрал их целую коллекцию и выслушал от местного населения рассказы о чудесных тучах, из которых падают не только бусы, но и «веверицы» и «оленьи малы». По этому поводу начитанный летописец привел выписку из хроники Иоанна Малалы о падении с неба разных предметов, снабдив ее драгоценными русскими фольклорными параллелями.

Некогда в Египте царствовал царь Феост (Гефест), называемый Сварогом. «Во время цесарства его сыподаша кл щ с небесе и нача ковати оружие. Преже бо того палицами и камением бивахуся»²²⁷. Сварог-Гефест установил твердое единобрачие, «сего ради прозваша и бог Сварог». После Сварога царствовал его сын «именем Солнце, его же наречут Дажьбог».

«Сълнце царь, сын Сварогов, еже есть Дажьбог, бе муж силен...»

«От негъ же начаша человекъи дань давати царем»²²⁸.

Летописное предание дает нам двухступенчатую относительную периодизацию, соотносимую, в известной степени, с генеалогией сколотских царей по Геродоту:

Сварог (Гефест)	—	Таргитай;
Солнце-Дажьбог	—	Солнце-Колаксай.

Все сколоты названы по имени царя Солнца; русские люди XII в. считали себя (или свой княжеский род) потомками Дажьбога, царя-Солнца («дажьбожи внуци» «Слова о полку Игореве»).

Приводимые до сих пор параллели носят отрывочный характер и не могут еще быть сведены в целостную систему. Богатый сопоставительный материал мы получаем для геродотовского рассказа о трех сыновьях, о трех царствах и о младшем сыне — победителе в состязании со старшими братьями. На этот раз нас выручают не украинские полуза забытые легенды, а мощный пласт всего восточнославянского сказочного фонда, широко распространенного и хорошо изученного.

Определяя наиболее излюбленные сюжеты, из числа нескольких сотен исследователи ставят на первое место сюжет «победитель змея», а на третье — «три царства», разделенные между тремя братьями²²⁹. Троє братьев носят различные имена, но одним из наиболее интересных и достаточно распространенных является имя Световика, Зоревика, Светозара. Он — младший сын, как и Колаксай-Солнце, но он самый сильный: у братьев палицы в 160 и 200 пудов, а у Световика в 300 пудов; братья вооружены палками, а Световик выдирает дерево с корнем для палицы. Как и в скифской легенде, в восточнославянских сказках фигурирует в разной форме состязание трех братьев, оканчивающееся всегда победой младшего брата, как и у Геродота. Имена братьев в сказках изменяются, но сказки, где младший сын назван «Солнечным» именем, оказываются, по наблюдениям Н.В.Новикова, наиболее архаичными²³⁰.

²²⁶ Абаев В.И. Скифский язык, с. 243; Раевский Д.С. Очерки..., с. 62, 63.

²²⁷ Повесть временных лет. Пг., 1916, с. 350.

²²⁸ Там же, с. 351. Царь-Солнце царствовал 20 с половиной лет.

²²⁹ Новиков Н.В. Образы восточнославянской волшебной сказки. Л., 1974, с. 23.

²³⁰ Там же, с. 67.

Состязания различны: кто выше кинет палицу, кто уймет «черноморского гада», кто сдвинет огромный камень, кто дальше стрельнет и т.п. Устойчива победа младшего сына, который после состязания становится главным, вожаком богатырей.

Один из подвигов братьев-богатырей — победа над злобным и прожорливым змеем (обычно от морской стороны), поедающим людей. Почти обязательен мотив кузнецов, выковывающих богатырское оружие. Троє братьев после победы над змеем овладеваают тремя царствами: золотым, серебряным и медным.

Золотое царство всегда достается *младшему* брату, победителю в состязании. Колаксай-Солнце владел, как мы помним, одним из трех царств сыновей Таргитая и хранил в нем священное золото сколотов.

Нередко в сказках фигурирует море; отсюда грозит русским людям змей, пожирающий и уводящий в полон, здесь нередко завершаются кровавые победы; здесь богатырь отыскивает свою плененную мать.

Иногда упоминается остров в море в семи верстах от берега. Вся сказочная обстановка весьма напоминает длительные славяно-кочевые отношения: от моря поднимаются орды конных воинов, жгут деревни, требуют дани, уводят в полон. И, очевидно, очень давно, в далекие полумифические времена, наезды киммерийцев, скифов, сарматов облеклись в эпической поэзии в образ летающего огненного змея²³¹.

Обращение к сокровищнице русских, украинских и отчасти белорусских сказок помогает нам более точно соотнести архаичный пласт сказочного фонда с записанными Геродотом легендами о царе Солнце — Колаксае. Поэма Алкмана позволяет определить эпоху Колаксая еще более древним временем — до VII в. до н.э., т.е., очевидно, самим киммерийским временем, в котором, как в фокусе, сошлись различные проявления новой поры в жизни праславян-сколотов (кузнецы, укрепления, борьба с «черноморским змеем» и т.п.).

В праславянских мифах и эпических сказаниях присутствуют общеиндоевропейские мотивы о трех братьях, известные нам как по иранским вариантам (на которые опирались сторонники общескифской мифологии), так и по другим. Достаточно вспомнить приводимую Тацитом германскую легенду о перво человеке по имени Манн (!) и его трех сыновьях — родоначальниках трех германских племен.

Вот теперь, даже после такого крайне краткого экскурса в область архаичного фольклора, мы можем свести все наши разрозненные данные в единую систему:

Археология	Летописное предание		Геродот	Восточнославянский фольклор
	События	Цари		
Чернолесская культура X — VIII вв. до н.э.	С неба упали клещи	Сварог-Гефест	Таргитай — «Долгомощный»	Волшебный кузнец.
Первые кузнецы	Начали ковать оружие			Клещи. Первый плуг
Первые укрепления	Установление моногамной семьи			Укрепления (валы и города)
Первые наезды кочевников				
Всадничество	Дань царям	Солнце-Дажьбог	Колаксай царь-Солнце (младший сын)	Световик, Светозар,
Царские курганы	Календарь		Состязание трех братьев. Побеждает младший	Зоревик (младший сын)
Союз племен VI — V вв. до н.э.			Три царства сколотов	Состязание трех братьев. Побеждает младший
			В одном из них священное золото	Три царства. Одно из них — золотое — достается младшему сыну

²³¹ Впрочем, сарматское время внесло новый сказочный образ в славянскую первобытную эпическую поэзию. Сарматские женщины-воительницы оставили след в виде царь-девицы, девичьего царства за огненным морем, где «головушки богатырские на тычинушках», как у геродотовских тавров.

Записи Геродота, сделанные им, по всей вероятности, во время его путешествия в край земледельцев-скотов, в высшей степени драгоценны для нас, т.к. позволяют определить большую хронологическую глубину целого пласта восточнославянского сказочного фольклора. Сказка, как известно, нередко является позднейшей трансформацией мифа или древних эпических сказаний.

Фольклорные записи XIX — XX вв. неизбежно дают нам эти рудименты древних повествований в одномерном, уплощенном виде, без хронологической глубины. Геродот, оказавшийся первым фольклористом земледельческих племен Среднего Поднепровья, придал им недостающую глубину, создал хронологическую стереоскопичность диапазоном более двух с половиной тысяч лет. Добавим к этому, что Геродот фиксировал не современные или близкие по времени к нему сказания (вроде преданий об издевательствах скифов над Дарием), а то, что уже при нем считалось далекой стариной, отстоящей чуть ли не на тысячу лет.

В записях отголосков первобытного эпоса и мифологии, восходящих к бронзовому веку и к важнейшему историческому событию — открытию железа, содержится, вероятно, немалая доля общеиндоевропейского наследия вроде преданий о трех братьях, но есть и локальная специфика. К таким местным чертам следует, по-видимому, отнести «золотое царство».

У Геродота говорится о самом обширном царстве, где царь-Солнце Колаксай хранит священное золото.

В русских, украинских и белорусских сказках существует, как мы видели, обширный раздел сказок о трех царствах, и младший сын (как и Колаксай) всегда становится обладателем именно золотого царства; мотив небесных даров уже выветрился, осталось только наименование царства золотым.

Не менее интересен и самобытен второй царь мифологической генеалогии — геродотовский победитель Колаксай, соответствующий древнерусскому Дажьбогу царю и богатырю («Солнце цесарь... муж силен»), отраженный в сказочном фонде под знаменательным именем богатыря «Световика». Не скрывается ли в этом позднейшем сказочном имени языческий славянский Святовит, близкий Дажьбогу?

В связи с тем, что геродотовскую запись о царях-родоначальниках исследователи обычно распространяют на все народы, названные греками «скифы», в том числе и на кочевых скифов-иранцев (а зачастую на них по преимуществу), следует обратить внимание на иранскую форму царских имен. Иранский характер второй половины каждого имени — «ксай» — не подлежит сомнению²³².

Первая половина имен этимологизируется из иранского с большими трудностями. В.И.Абаев даже отказался от объяснения имени Липоксая и это было сделано позднее Грантовским²³³.

Обратим внимание на то, что в пантеоне древнерусских божеств мы обнаружим как архаичный индоевропейский пласт (Род, Сварог, Перун, Белое и др.), так и пласт, очень определенно связанный со скифской эпохой, породившей частичное (может быть, временное?) двуязычие восточных праславян: Дажь-бог, Стри-бог, где вторая половина имени, удостоверяющая их божественность, является иранской.

Совершенно то же самое произошло, очевидно, и с именами мифических сыновей Таргитая: в скифскую эпоху их царственность удостоверена иранским термином «ксай», имевшим, по всей вероятности, столь же широкое распространение, как и археологическая «скифская триада». Племена и народы, входившие в политические рамки Скифии, прочно воспринявшие скифскую дружинную культуру и называвшие своих богов полуиранскими именами, вполне могли для обозначения субъекта высшей власти воспринять иранский, собственно скифский термин «ксай».

Иранский элемент в именах трех братьев — Колаксая, Липоксая и Арпоксая — нисколько не препятствует отнесению земледельцев-скотов к праславянам, как не препятствует он признанию Стрибога и Дажьбога славянскими (prasлавянскими по времени происхождения) божествами.

²³² Абаев В.И. Скифский язык, с. 243.

²³³ Грантовский Э.А. Индо-иранские касты и скифов. — XXV Междунар. конгр. востоковедов. Доклады советской делегации. М., 1960, с. 5, 6.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Историко-географическое рассмотрение геродотовой Скифии закончено. Оно выявило прежде всего ряд неоспоримых положительных качеств «отца истории». В результате придиличного и порою поневоле громоздкого анализа Геродот предстает перед нами не только занимательным рассказчиком, познакомившим своих современников с половиной Старого Света от Италии до Вавилона и от экваториальной Африки до истоков Днепра. Мы видим его неутомимым наблюдательным путешественником, предпринявшим ряд дорогостоящих и утомительных поездок с целью сбора на местах достоверных данных о больших и малых событиях только что минувших греко-персидских войн.

Красочные рассказы о Скифии своим происхождением обязаны широте исторического замысла Геродота, пожелавшего предварить многогранную картину длительных греко-персидских войн рассказом о скифском позоре того царя, который эти войны начал. Историк отправился по следам великого завоевателя: он любовался Понтом близ былой переправы персов из Азии в Европу и проследил судьбу горделивых лапидарных надписей Дария, посвященных этому событию. Он четко описал сложную речную систему притоков Гебра для того, чтобы читатель уяснил местонахождение тех 38 целебных источников Теара, где царь сделал первый длительный привал. Геродот объехал весь Понт, измерил свой тысячеверстный путь, добрался до отдаленной Меотиды, осмотрел и измерил развалины последнего лагеря Дария, интересовался местами, с которыми легенды связывали судьбу амазонок (Термодонт, Кремны), совершил сухопутное путешествие в глубь Земледельческой Скифии.

Геродот обращался к читателям, у которых не было географических карт. Постоянно чувствуя это, историк неуклонно стремится дать читателям широкое общее представление об интересующей его земле (весь бассейн Дуная, весь Понт, вся Скифия, весь путь к отдаленному Уралу), а затем детализирует общую картину, описывает реки как систему координат, вводит много точных измерений и определяет взаимное положение своих географических ориентиров. Геродот, очевидно, умел спрашивать и проверять полученные сведения — все его расстояния оказались очень точны, независимо от того, выражены ли они в днях конного пути или в днях плавания по реке, или же в суточном ходе морского корабля.

Геродот умел находить нужных информаторов из разных географических областей. Поэтому его описание Скифии как бы создано с разных точек зрения: со стороны земли агифиров, из Ольвии, из земли борисфенитов, со стороны Меотиды, из огромного деревянного Гелона. Лично увиденное сочеталось с услышанным и записанным.

Скифия Геродота в настоящее время достаточно хорошо изучена археологически. Выявлен общий ареал культур скифского типа, совпадший в основных чертах со скифским тетрагоном Геродота, и выявлены также локальные, отличающиеся друг от друга археологические группы и культуры, которые с достаточной долей вероятности могут быть сопоставлены с геродотовскими народами. Новая география Скифии, полученная путем наложения археологической карты на карту геродотовских племен и народов, позволяет полностью реабилитировать Геродота в вопросе обрисовки хода кампании 512 г.: шестидесятидневный поход Дария Гистаспа полностью укладывается в тот маршрут, который обрисовывается новой расстановкой народов Скифии.

Необычайный интерес представляют собранные Геродотом эпические и исторические предания. Из всех народов, локализованных Геродотом в его Скифии, только невры и сколоты-борисфениты могут претендовать на прямых потомков, распознаваемых в позднейших средневековых и современных нам народах. Поэтому так важны для нас легенды о трех братьях, о золотом царстве, о царе-Солнце, находящие поразительные параллели в восточнославянском фольклоре.

Историко-географический аспект рассмотрения сведений Геродота — это лишь одна часть источниковедческого анализа творений великого историка, но я глубоко убежден в том, что без решения этого вопроса бесполезно заниматься историей скифского общества, т.к. только после приведения в географический порядок народов Скифии мы получаем право на полное, широкое использование всего обильного и многозначимого археологического материала.

Москва
1979г.